

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (65) — 2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (65) — 2012

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),
I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.542.2:68.1

И. Ю. Суркова

СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ ЖЕНЩИН В ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ: ГЕНДЕРНОЕ ТАБУ ПРОТИВ ВОЕННОЙ ТАКТИКИ

На протяжении длительного времени историческую картину мира создавали мужчины, выражая свой взгляд на окружающую действительность, структуру идеальной семьи, место и роль женщины в социальном пространстве. Любые социальные, экономические, политические преобразования приводили к изменениям в социальном порядке, заставляли пересматривать гендерные контракты, причем инструментальную функцию при решении «женского вопроса» выполняли мужчины. Именно в их руках сосредоточивалась реальная власть, посредством которой формировалось законодательство, устанавливались нормы, культивировались механизмы реализации доминантных отношений в семье. Идеальная женщина в патриархатном обществе не является автономной личностью, она подчиняется воле и желанию мужчины, посвящает себя своему мужу и материнству.

Современные гендерные отношения строятся на основе мифов о первоначальном функциональном предназначении женщин и мужчин. Гендерный стереотип базируется на «первородстве» мужчины, выполняющем роли добытчика и защитника, и «естественном предназначении женщины» как хранительницы семейного очага [17, с. 9]. Так, деятельность мужчин напрямую связана с кровью, независимо от того, является ли она продуктом охоты или завоеваний. Воин подвергает свою жизнь опасности, доказывая тем самым, что жизнь не является высшей ценностью, а служит более высоким целям. Как утверждает С. де Бовуар, «худшее проклятье, тяготеющее над женщиной, — это ее неучастие в военных походах; человек возвышается над животным не тем, что дает жизнь, а тем, что рискует жизнью; поэтому человечество отдает предпочтение не рождающему полу, а полу убивающему» [2, с. 94—95]. Такой радикальный взгляд на проблему гендерного неравенства в обществе фактически возводит войну на пьедестал социальной жизни, предоставляет

военным неограниченный кредит почитания, поскольку профессиональный выбор армии делает их лучшими среди всех остальных мужчин. Естественно, в такой силовой социальной институт, позволяющий удерживать не только политическую, но и символическую власть, доступ женщин закрыт. Однако история знает немало примеров, когда женщины наравне с мужчинами принимали участие в вооруженных конфликтах разного уровня [3, 7]. Таким образом, целью данной статьи является социокультурный анализ трансформаций гендерной структуры военной сферы.

Модификация оружия и перспективы гендерного равенства в армии

Интеграцию женщин в армейские формирования можно рассматривать, исходя из различных теоретических перспектив. Так, С. Л. Рыков доказывает, что функциональное назначение женщин в военных действиях зависит от общественной формации, т. е. от определенного этапа развития общества. В рабовладельческом обществе женщины исполняли роли «походных подруг» — гетер, которые выполняли наряду с сексуальной функцией семейно-бытовые и духовно-рекреативные обязанности, сопровождая мужчин в военных походах [19, с. 172]. В феодальном обществе были распространены «обозные женщины», выполняющие хозяйственные и медицинские функции. Например, у ландскнехтов военным кодексом от 1530 г. разрешалось держать в полку двух-трех проституток, которые подчинялись непосредственно полковнику и получали небольшое жалованье, кроме того, в обозе было еще множество «неофициальных» жен [6]. В индустриальном обществе женщины стали участвовать в боевых кампаниях, в основном не вступая в прямой контакт с противником, выполняя функции медицинского персонала, связистов, кладовщиков и т. д. Переход к постиндустриальному обществу обозначил эгалитарный подход к военно-профессиональной деятельности [19, с. 172], основанный на концепции равных потенциальных возможностей в процессе самореализации человека, независимо от половой принадлежности.

Возможности службы женщин в Вооруженных силах обуславливаются прежде всего возрастающей технической оснащённостью войск, эксплуатацией модернизированного и разнообразного оружия, появлением сложных технических комплексов, т. е. большой акцент делается на интеллектуализацию всех сфер жизни. Мы имеем дело с техническим прогрессом, с одной стороны, и с редукцией функций мужчин в армии — с другой.

Так, история армии рассказывает нам о достоинствах мужчин в древности, когда их «украшали шрамы». Культ красивого крепкого тела, умение вести рукопашные бои, владение мечом, сила и ловкость — вот основные достоинства мужчины-воина до изобретения ружья. У идеального солдата того времени, как справедливо утверждает М. Фуко, есть «знаки отличия» — природные знаки силы и мужества, они же предмет его гордости, его тело — символ его силы и храбрости [30, с. 197]. Женщина априори не могла иметь шрамы, поскольку патриархатная культура требовала от нее иных «знаков отличия», не связанных с практиками ведения боя: широкие бедра, упругую грудь, длинные густые волосы и т. д.

С использованием огнестрельного оружия мужчина превращается в юношу, которому надо метко стрелять, и ориентация на силу отходит на второй план. Применяется выражение «шальная пуля», которая может сразить солдата достаточно легко, независимо от того, насколько хорошо развита у него мускулатура. В войне начинают цениться другие качества: способность быстро ориентироваться в ситуации, умение владеть огнестрельным оружием, самоконтроль, что, в принципе, является гендерно-нейтральным. Однако мужчины весьма скептически оценивают профессиональные качества женщин-военнослужащих, аргументируя это тем, что, во-первых, женщины подвержены панике в экстренных ситуациях, а во-вторых, раненая или убитая женщина на поле боя деморализует солдат, поскольку срабатывают гендерные стереотипы. Они видят в женщине не своего сослуживца, а архетип женщины-прародительницы, которую не смогли спасти, т. е. не выполнили своего прямого предназначения, предписанного патриархатной культурой.

В настоящее время использование новых технологий в искусстве ведения боя, дистанционного метода управления оружием превращает мужчину, а точнее юношу, в мальчика. Ему надо, сидя в бункере нажимать на нужные кнопки. Значимость приобретают такие качества, как стрессоустойчивость, внимательность, наблюдательность, выносливость, организованность. Для освоения профессиональных компетенций военнослужащий должен быть мотивирован к осуществлению своей деятельности, выполнять нормы и требования, стремиться к профессиональному росту, быть коммуникабельным, успешно решать поставленные перед ним задачи.

Таким образом, трансформационные процессы, происходящие на сегодняшний день в обществе, открыли женщинам путь в Вооруженные силы, что, безусловно, является серьезным шагом на пути обеспечения гендерного равенства. Однако на деле они начинают сталкиваться с целым набором стереотипных суждений, зачастую мешающих освоению профессии и продуцирующих практики эксклюзии из армейского социума.

Проблема гендерной интеграции в армии вызвала широкий резонанс в рамках демократизации социальных структур и стала активно обсуждаться с двух противоположных позиций: консервативной и либеральной [9, с. 267]. Консерваторы считают, что Вооруженные силы должны сохранять свою специфику и особую функциональную предназначенность. Либералы же утверждают, что армия должна адекватно отражать меняющиеся ценности гражданского общества и распространение в нем многих «институциональных субкультур», в том числе построенных по гендерному принципу. Сторонник либерального подхода Б. Мюллер заметил, что «женщины не могут с полным правом требовать равных прав во всех сферах жизни, не признавая одновременно права на защиту своей страны» [33, с. 11]. Открывающиеся горизонты для гендерного равноправия обусловлены переходом к комплектованию Вооруженных сил на контрактной основе, т. е. созданием профессиональной армии. До этого момента женщины чаще всего были орудием стратегических манипуляций, которые использовали мужчины в военных кампаниях, фактически нарушая гендерные запреты патриархатной культуры.

Стратегии инклюзии женщин в армейское социальное пространство

Гендерное табу воинской службы в патриархатных обществах снималось в нескольких случаях:

— использовалась стратегия привлечения женщин в качестве воинов, что шокировало и деморализовало противника. Так, К. Тацит, описывая завоевание острова Мона, отмечал, что «на берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины, похожие на фурий <...> что потрясло воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары» [28, с. 265]. В военной стратегии славянских племен также использовался эффект неожиданности. По В. И. Немировичу-Данченко, «первобытные славянки неожиданно пугали врагов во время боя, неистово, с мечами в руках врываясь между сражающимися» (цит. по: [19, с. 176]);

— женщины участвовали в боевых действиях под видом мужчин. Например, в битве на Куликовом поле сражались княжна Феодора Пужбольская и Дарья Ростовская [7], в конце XVIII в. Александра Тихомирова прослужила в кавалерии 15 лет и командовала ротой улан, кавалерист-девица Надежда Дурова стала одной из первых боевых женщин-офицеров, а в годы Первой мировой войны фельдшер пехотного полка Елена Цебржинская, гусар Ольга Шидловская, кавалерист Антонина Пальшина были награждены орденом Святого Георгия;

— женские подразделения создавались с демонстративными целями для развлечения правителей. Например, в 1787 г. по указанию князя Потемкина в Крыму, близ Балаклавы, была создана специальная «амазонская рота», сформированная из сотни молодых жен и взрослых дочерей офицеров, под командованием Елены Сарандовой (в других источниках Сардановой) с целью преподнесения пышного зрелища для утешения императрицы Екатерины II [13, с. 462—475];

— женщины брали в руки оружие в ситуации вынужденного выбора, когда было убито большинство воинов мужского пола. *«История доказывает, что подобная ситуация возможна лишь там, где война “выкосила” всех мужчин или мужчины выродились как представители пола сильного»* (Сергей, майор, 32 г.)*. В любой войне, особенно если она является захватнической, участие женщин в боевых действиях оправдано ситуацией крайней необходимости: это фактически необходимая оборона, безвыходность положения, когда шансы на выживание слишком малы. Примеры подобных действий нечасто встречаются в описаниях героических подвигов, поскольку скорее приравниваются к повседневности войны, когда в истории теряются имена тех фактически гражданских женщин, которые оказывали сопротивление врагам.

— женщины осуществляли кровную месть, воспроизводя ритуалы, принятые в определенных культурах. Наиболее иллюстративно это представлено использованием женщин-шахидок в боевых действиях на территории Чеченской Республики (например, была создана военизированная группа смертниц, «черных вдов», в состав которой входило 36 человек);

* По материалам авторского исследования, проведенного в четырех воинских округах в 2010—2011 гг. методом глубинного интервью. Количество информантов — 42, военнослужащие Российской армии. Отбор производился методом снежного кома.

— женские отряды использовались с целью вызвать стыд у мужчин и мотивировать их к активным действиям. В Первую мировую войну летом 1917 г. в России был создан первый женский «батальон смерти» под командованием Марии Бочкаревой (впоследствии полного георгиевского кавалера). Главной задачей этого подразделения было «устыдить солдат» и заставить их воевать до победного конца [25, с. 331], т. е. женщины своим героическим примером должны были вернуть слабохарактерных солдат в окопы [8]. Е. С. Сенявская, ссылаясь на мемуары К. Симонова, пишет, что присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым» [20];

— женщины в войсках выполняли функции, связанные с обеспечением и лечением военнослужащих. Основная задача сводилась к высвобождению мужчин, способных активно воевать с противником, за счет замещения женщинами их позиций, связанных с обслуживающими функциями. «В мирное время женщинам в армии делать нечего, а вот на войне они могут быть только санитарками» (Алексей, старший лейтенант, 28 л.). До Крымской кампании 1854—1855 гг. женщина не имела права ухаживать за ранеными. Она не должна была видеть беспомощное, окровавленное тело, которое в условиях полевого лазарета могло быть абсолютно нагим. Но мужчины были заняты войной, и заботиться о раненых, кормить их, накладывать повязки, обстирывать надо было, невзирая на этические нормы. Так появились сестры милосердия. На больничной койке воин-мужчина теряет свой героизм и становится «ребенком» [11, с. 142]. Раненый солдат, культивируя свою детскую идентичность в госпитале, интуитивно тянется к женщине, имеющей архетип матери, которая спасет, пожалеет, исцелит. Поэтому образ женщины-медсестры в армии быстро укрепился в сознании солдат. Такой подход к инклюзии женщин в социальное пространство войны позволял мужчинам по-прежнему чувствовать свою значимость. Это не входило в конфликт с гендерными стереотипами, отводящими женщине функцию заботы. «Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку, врача или медсестру, повара или пекаря, шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница — это уже нечто иное» [21, с. 166].

Таким образом, женщины, используя различные стратегии, входили в пространство войны или были интегрированы в него по идейным соображениям мужчин. Это явно доказывает, что как такового «проклятья» не было, существовал лишь гендерный конструкт, который воспроизводился для поддержания патриархатного строя. Массовое «неучастие женщин в военных походах» — это, в принципе, вид позитивной дискриминации, благодаря которому появлялся шанс сохранить генофонд.

Однако, безусловно, любые социальные изменения, будь то революции или реформы, сопровождающие переустройство государства, предполагали трансформацию отношений между полами, включая и доступ женщин к военному ремеслу. Наиболее показательным для решения «женского вопроса», т. е. создания равноправия между мужчинами и женщинами, являлось стремление

советской власти вывести женщину в публичное пространство, поскольку благодаря образованию, профессии, работе вне дома и общественной деятельности она сможет строить социализм [4]. Эмансипация женщин и ее воплощение в освоении традиционно мужских профессий, занятии военно-прикладными видами спорта преподносились как достижение социализма и освобождение женщины от домашнего рабства [20]. По большому счету это способствовало, с одной стороны, заключению в обществе гендерного контракта работающей матери [5], а с другой — готовило женщин к участию в борьбе за социалистическую родину, которая может проходить как в символическом пространстве, так и в реальных военных действиях. В результате Великая Отечественная война стала полигоном для проявления гендерного равноправия, на котором в разные ее годы сражалось от 600 тысяч до миллиона женщин, 80 тысяч из них носили офицерские погоны [14, с. 47—48].

Несмотря на пропагандистские установки советского гендерного равенства, отношение мужчин к сослуживицам варьировалось от восхищения героическими подвигами в боевых действиях до презрительно-насмешливого как к «походно-полевой жене». Это транслировалось в воспоминаниях самих фронтовиков: «Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров <...> “Походно-полевые жены” были практически у всех офицеров, кроме “Ваньки-взводного”. Они все время с солдатами, им негде и некогда заниматься любовью» [16]. В данном высказывании акцентируется внимание на обслуживающей функции женщины, ее «природном предназначении» — удовлетворять потребности мужчин, причем ситуация описывается в терминах, относящих женщину не к субъекту интеракций, а к объекту. Подобные примеры мы находим и в работе А. Шнеера, который пишет о том, как сначала в штаб забирали красивых, а остальных спускали в подчиненные подразделения [31].

В патриархатном обществе мужчины старались оберегать территорию воинского социума, запрещая женщине касаться военных ритуальных предметов. Гендерная сегрегация маркировалась отношением не только к войне, но даже к атрибутам воинской славы. Мужчины-воины проходили свою инициацию в социальных институтах, укрепляющих общий опыт мужчин и восприятие ими мужественности. Атмосфера этих «домов» напоминала дух современных военных заведений, где юноши становятся мужчинами через практики насилия и жестокости. К. Миллет в своих исследованиях прослеживает сходство «мужского дома» с криминальной средой и американской армией: «Видимо, грубое и жестокое сексуальное обращение с юношей, попытка превратить его в женщину усиливает в старшем воине жажду власти, удовлетворяет его враждебность к подрастающему конкуренту и, наконец, когда последнего принимают в группу мужчин, укрепляет мужскую солидарность в символической попытке “обойтись без женщин”» [10, с. 44]. Доказательства этого положения можно найти в художественных фильмах, освещающих взаимоотношения в армейском социуме, конструирующие гендерный дискурс гомогенного мужского сообщества. Так, нередко, старшие по званию военнослужащие при коммуникации с подчиненными мужчинами используют обращение «Девочки!», что воспринимается как армейский сленг. В процессе межличностных и служебных отношений военно-

служащие часто используют термины полового акта, тем самым фиксируя доминанции, указывая на иерархичность воинской системы. Кроме того, женские половые органы могут выступать предметом казарменных шуток, как в описанном К. Банниковым случае с поиском «клитора», который нужно поместить в трехлитровую банку [1, с. 137]. Новобранец не подозревает, что старослужащие над ним шутят, посылая в санчасть, на склад или в штаб за этим мифическим веществом, по названию напоминающим медицинский препарат. «Карнавальная ситуация разыгрывается как заговор посвященных против всех непосвященных — это обозначение нижнего и верхнего порога аутсайдности» [там же]. Женщина не вписывается в подобные условия воинской службы, поскольку априори по-другому воспринимает как систему доминантных отношений в армии, так и определенные элементы армейской культуры. Ритуальные действия, принятые в жесткой армейской системе, теряют свою значимость, когда одним из акторов интеракций становится женщина, поскольку ее социальный статус и так находится в зоне аутсайдерства.

Таким образом, гендерная система, являясь основой гендерных интеракций, детерминирует зоны доступа женщин в профессиональную сферу деятельности мужчин. Например, офицерский корпус не может позволить себе присутствие женщин в армии, потому что будет нарушена существующая гендерная система. Женщина-командир оценивается только с позиции гендерной принадлежности, без учета уровня ее профессиональной подготовки [26, с. 170]. В солдатском символическом пространстве женщина также будет подвергнута эксклюзии, поскольку не вписывается в стандартные ритуальные практики повседневных интеракций. Несмотря на это, с каждым годом количество женщин в Вооруженных силах увеличивается, создавая новые модели гендерных контрактов в армейских структурах и меняя облик воинских формирований.

Гендерная структура Вооруженных сил в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации

Феминизация Вооруженных сил имеет общие тенденции развития в армиях различных государств, но существуют и специфические черты такого феномена, зависящие от традиций, культуры, политических приоритетов каждой страны в отдельности. В данном контексте представляет интерес сравнение существующей гендерной структуры в армиях Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, поскольку эти страны, длительное время находясь в состоянии холодной войны, вели политику милитаризма, которая диктовала постоянное наращивание военной мощи и применение силы при решении конфликтов различного уровня. В современных условиях гонка вооружений прекращена, гражданский контроль над действиями Вооруженных сил способствует сокращению военных расходов бюджета государства, однако, как и во времена Советского Союза, продолжается сопоставление качественно-количественных показателей Вооруженных сил.

В США с 1 июля 1973 г. была введена добровольная система комплектования Вооруженных сил, что кардинальным образом изменило их гендерный состав. Так, с момента введения контрактной службы количество женщин-

военнослужащих в общей структуре Вооруженных сил возросло с 42 000 в 1973 г. до 214 098 в 2012 г. [37]. Обратим внимание, что, по данным исследований, проведенных Pew Research Center по репрезентативной выборке в 2010 и 2011 гг., гендерных отличий в выборе профессии военного выявлено не было. И мужчины, и женщины ориентировались на возможность служить своей стране, льготы для получения образования, перспективы увидеть мир и развить профессиональные навыки. Несмотря на идентичные ожидания от воинской службы и декларируемые равные стартовые возможности, по-прежнему наблюдается гендерный дисбаланс при кадровой расстановке, хотя изменения в этой области очевидны, поскольку с 1973 по 2010 г. доля женщин среди рядового состава увеличилась в семь раз (с 2 до 14 %), среди офицеров — в четыре раза (с 4 до 16 %) [34]. К. Уильямс пишет, что 91 % всех карьерных областей в Вооруженных силах США были открыты для женщин и 67 % армейских должностей могут быть заняты женщинами, однако до сих пор нет женщин в артиллерии и пехоте, им не разрешается водить танки и быть в специальных войсках [36, р. 15—16]. Кроме того, женщины ограждаются от прямых наземных боевых действий, ситуаций развертывания, специальных операций и разведки на большие расстояния [35]. Несмотря на это, с каждым годом женщин в войсках становится все больше, они продолжают занимать должности, которые долгие годы считались только мужскими. В 2012 г. в Вооруженных силах США проходят службу 14,6 % женщин, среди них в армии доля женщин составляет 13,6 %, в корпусе морской пехоты — 6,8 %, в военно-морском флоте — 16,4 %, в военно-воздушных силах — 19,1 %, в береговой охране — 15,7 % [37].

В Российской Федерации переход к профессиональной армии на контрактной основе начался на 20 лет позже, чем в США, поскольку лишь 30 ноября 1992 г. было принято Постановление «О мероприятиях по поэтапному переходу к комплектованию Вооруженных сил Российской Федерации военнослужащими в добровольном порядке — по контракту» [24, с. 524], что открыло широкий доступ в российскую армию женщинам. По данным Министерства обороны России, в 1980 г. доля женщин среди личного состава Вооруженных сил составляла 1,6 %, в 1985 г. — 1,8 %, в 1990 г. их число выросло до 3,5 %, в 1993 г. — до 9,0 % и в 1999 г. приблизилось к 10 %. Однако в последние годы российские Вооруженные силы подвергаются кардинальному реформированию, целью которого является создание высококомобильной компактной армии, в связи с чем ее численность планируется довести до 1 млн, а офицерский состав до 150 тыс. человек [27]. В результате женщин стали вытеснять из рядов Вооруженных сил, при этом их доля среди военнослужащих составила в 2009 г. 7 % — 77,5 тыс. человек [22, с. 188]. *«Сейчас ведь всех нас сокращают, увольняют <...> У нас служит одна женщина, так у нее 7 лет стаж службы, а претендовать на квартиру она может только после 10 лет. И куда она с ребенком, спрашивается, она ведь его одна воспитывает. Наш начальник пока тянет <...> Она же не виновата, что раньше набирали на контракт, а теперь нет. О судьбах абсолютно не думают. Сейчас ты без квартиры уйдешь и зарплата 9 тыс. рублей. Плевать, что тебя выкинут за забор. Это о женщинах-военнослужащих. Первое сокращение сделали красиво, дотянули всех до пенсии и сократили. Сейчас второй оборот пошел и уже никому ничего не*

объясняют. Спрашивается, зачем вы тогда со мной контракт подписывали? Это все, конечно, сверху идет. Приказ, и никуда от этого не деться. Даже командир все понимает. Когда у нас собрание, глаза опускает, не смотрит, потупит их, а ничего сделать не может. Обидно» (Елена, 40 л., прапорщик).

При наборе военных по контракту командиры стали отдавать предпочтение женщинам, поскольку у них уровень образования выше, чем у мужчин, они более дисциплинированы, организованы, исполнительны, ответственны, выдержанны. Но наряду с этим женщин на военной службе допускают лишь на те работы, от которых отказались мужчины, т. е. с низким статусом, зарплатой, престижем. «Женщина может достигнуть каких-то высот только в финансовой службе, да и то все относительно, конечно. Да и вообще, какая карьера может быть в армии? В армии женщина — это ни о чем, понимаете, ни о чем. Максимум прапорщик, а чаще всего сержант. Ко мне, например, обращаются иногда “товарищ прапорщица”, представляете... Назвали бы, например, товарищ полковничиха?..» (Ольга, 44 г., прапорщик). Женское представительство в руководящих звеньях Вооруженных сил незначительно, хотя наблюдаются некоторые позитивные изменения. Так, в 1999 г. среди женщин-военнослужащих насчитывалось только 13 полковников, около 100 подполковников и 300 майоров [23, с. 15]. За последнее время количество женщин — старших офицеров выросло более чем вдвое; в 2012 г. женщин-полковников стало 28, что на 16 больше, чем в 2011 г. [12].

Однако, обратившись к показателям общей численности женщин-офицеров, можно выявить некоторые колебания, поскольку на начало 2002 г. в структуре Вооруженных сил Российской Федерации проходили службу в звании офицера 3100 женщин [29, с. 26], затем их количество сократилось практически вдвое и лишь к этому году опять стало около 3 тысяч, что свидетельствует о весьма противоречивой политике в отношении реализации гендерно-нейтральных принципов отбора женщин в Вооруженные силы.

В основном обязанности женщин-военнослужащих лежат в сферах службы тыла, командно-штабных (военкоматы, финансовые органы), медицинских. Женщины часто представляют инженерно-технический состав и воспитательные структуры. В 2009 г. 28 % женщин проходили службу в медицинских учреждениях, 22,3 % освоили специальности связи, 16,5 % служили в штабах и около 25,2 % — в войсковом хозяйстве [22, с. 188]. По сравнению с войсками США, женщины в Российской армии могут замещать 66 % всех имеющихся должностей офицеров и лишь 18 % — рядового (сержантского) состава [15]. В результате за заявлениями российского правительства о том, что в армии существует гендерное равенство и женщины могут служить в любых сферах, кроется декларативность, которая тиражируется средствами массовой информации.

Еще одним аспектом при проведении компаративного анализа гендерной структуры в армиях России и США выступает выбор профессии военного. В авторском исследовании, проведенном с использованием целевой выборки, выявился гендерный дисбаланс, указывающий на то, что ориентации на военную службу у мужчин в первую очередь основываются на патриотических чувствах, романтических ожиданиях и реализации норм и ценностей российского

общества в устойчивом стереотипе «мужчина-защитник» [26, с. 119]. Женщины рассматривают военную службу как возможность занять ту нишу профессиональной деятельности на рынке труда, где «есть хоть какие-то островки относительной стабильности и существуют льготы, позволяющие выживать в океане рыночной экономики» [18, с. 10].

Л. Дефлер и Р. Уорнер, анализируя социально-экономическое и социально-психологическое воздействие военной службы на женщин, пришли к выводу [32], что военнослужащие-женщины достигают более высоких статусных позиций по сравнению с гражданскими женщинами, поскольку имеют возможность получать зарплату, эквивалентную мужской, а также довольны тем, что их работа находится в сфере безопасности страны, следовательно, более значима для достижения различных благ в обществе. Поэтому женщины-военнослужащие имеют прагматические ожидания от службы в армии и пытаются реализовать свой жизненный путь с максимальной выгодой. Между тем, увеличение денежного довольствия военнослужащих в результате реформирования российской армии, повышенное внимание правительства к статусу офицерского состава и контрактников приводит к тому, что воинские должности становятся весьма перспективными и вакантные места создаются благодаря вытеснению женщин из зоны рекрутирования мужской идентичности. Фактически публикации о женщинах в армии — это лишь иллюстрации к исключению из правил, когда демонстрация женщин-военнослужащих необходима для поддержания имиджа нового облика Вооруженных сил.

Таким образом, анализ гендерных отношений в войсках свидетельствует о том, что на разных этапах развития общества роль женщины в пространстве войны и мира менялась — от равноправия в выборе военного ремесла до полного неприятия женщин в мужском армейском социуме. В древности женщины использовали возможность сражаться с врагами в исключительных случаях, что демонстрируется в устном творчестве и древних письменных источниках. Но патриархатный строй постепенно отчуждает у них право открыто принимать участие в военных походах, и на протяжении нескольких веков они входят в состав вооруженных формирований либо под видом мужчин, либо когда защитников мужского пола не осталось, либо в качестве марионеток, которых выставляют на авансцену для демонстрации исключительного положения женщин на войне. Воинские отряды, а впоследствии и армия действительно становятся институтом рекрутирования гендерной идентичности, в котором культивируется мужественность и происходит своеобразная инициация — процесс становления мужчиной. Военнослужащие претендуют на элитарность, поскольку воплощают в себе те качества, которые транслируются патриархатной культурой и гендерными стереотипами. Однако сложно назвать «худшим проклятием» эксклюзию женщин из практик воинских походов, во-первых, потому что они все же участвовали в боевых кампаниях, хоть и не массово, а во-вторых, это реально спасало жизнь не только конкретной женщине, но и целому народу.

Важными вехами феминизации в армиях всего мира стали мировые войны, когда женщины начали участвовать в боевых действиях наряду с мужчинами на основании мобилизации. Кроме того, модификация системы призыва в сторону

отказа от массовых армий и актуализации набора на контрактной основе позволила трансформировать существующие гендерные пропорции. Несмотря на это, женщины в первую очередь подвергаются сокращению из рядов Вооруженных сил, когда профессия военного становится более престижной и высокооплачиваемой. В зоне межличностных интеракций господствуют гендерные стереотипы, которые затрудняют повседневные ритуальные практики мужского сообщества, если там появляется женщина, что также приводит к эксклюзии. Однако настрой правительства на эгалитарность в системе комплектования российских Вооруженных сил позволяет надеяться на то, что и в армейском социальном пространстве будут соблюдаться принципы гендерного равенства.

Библиографический список

1. *Банников К. Л.* Антропология экстремальных групп. М. : Наука, 2002. 400 с.
2. *Бовуар С. де.* Второй пол. М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997. Т. 1 : Факты и мифы. 832 с.
3. *Ватурина З. П.* Нужны ли женщины в армии: историко-социологический анализ // Гендерный баланс в политике безопасности Европы в XXI веке. М. : Конверсия // женщины, 2002. С. 140—143.
4. *Гапова Е.* Революция и гендерный контракт, или Может ли комсомолка отказать комсомольцу? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 288—302.
5. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». М. : МЦГИ, 1997. С. 84—89.
6. *Зубков А.* Плохая война. URL: <http://fb2.booksqid.com/content/A5/aleksey-zubkov-plohaa.../53.html> (дата обращения: 05.05.2012).
7. *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных : женщины России в войнах. М. : РОССПЭН, 2002. 272 с.
8. *Кривец Н.* Первый женский батальон смерти воевал под Молодечно // Архипелаг Святая Русь : сайт. URL: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/> (дата обращения: 18.01.2012).
9. *Макарычев А.* Гендерные аспекты безопасности в контексте процессов глобализации // Гендерные исследования. 2002. № 7/8. С. 262—282.
10. *Миллетт К.* Теория сексуальной политики // Основы гендерных исследований : хрестоматия / отв. ред. О. А. Воронина. М. : МЦГИ, 2000. С. 33—47.
11. *Михель Д.* Мужчины, мальчики и поле боя // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 133—149.
12. *Офицеров-женщин в Российской армии за год стало в 1,5 раза больше* // РИА Новости. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120308/587530542.html (дата обращения: 25.05.2012).
13. *Панченко А. М.* Русская история и культура : работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. 517 с.
14. *Парамонов В. Н.* Влияние Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на изменение социального статуса женщин // Гендерные исследования в гуманитарных науках : современные подходы. Иваново : Юнона, 2000. Ч. 3 : История. Язык. Культура. С. 47—49.
15. Перечень военно-учетных специальностей, а также профессий, специальностей, при наличии которых граждане женского пола получают военно-учетные специальности и подлежат постановке на воинский учет. URL:

- <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=127668;fld=134;dst=100200;rnd=0.4346906989812851> (дата обращения: 06.07.2012).
16. *Посысаев Н. С.* Как мы жили на войне // Аргументы и факты. 1995. № 18/19.
 17. *Римашевская Н. М.* Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Гендерные стереотипы в современной России / под общ. ред. И. Б. Назаровой, Е. В. Лабза. М. : МАКС Пресс, 2007. 306 с.
 18. *Рыков С.* Женский фактор // Соционимия. 2001. № 3. С. 10—13.
 19. *Рыков С. Л.* Личностная самореализация военнослужащих-женщин в военно-социальной среде // Гендерные стереотипы в современной России. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 169—186.
 20. *Сеняевская Е. С.* Женщины на войне // Мир истории. 2000. № 5. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05-00/sen.htm> (дата обращения: 15.04.2012).
 21. *Сеняевская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999. 383 с.
 22. *Смирнов А. И.* Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 254 с.
 23. *Смирнов А. И.* Женщины на военной службе: новые возможности и социальные права. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2000. 144 с.
 24. *Смирнов А. И.* Проблемы перехода к комплектованию Российских вооруженных сил военнослужащими по контракту // Социология в России XIX—XX веков. М. : Междунар. ин-т бизнеса и управления, 2002. Вып. 4 : Военная социология : тексты / под ред. В. И. Добренькова. С. 524—547.
 25. Советская военная энциклопедия. М. : Воениздат, 1977. Т. 3. 417 с.
 26. *Суркова И. Ю.* Социальная политика в армии: гендерный контекст. Саратов : Науч. кн., 2006. 204 с.
 27. Суть военных реформ в России — план Сердюкова // РИА Новости. URL: http://xn--80aeqcxgbkpk.xn-p1ai/defense_safety/20081218/157554452.html (дата обращения: 05.07.2012).
 28. *Тацит К.* Анналы // Соч. : в 2 т. М. : Ладомир, 1993. Т. 1. 418 с.
 29. *Тимашиов Т., Тимашиова Н.* Аты-баты, шли девчата // Ориентир. 2002. Март. С. 25—27.
 30. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 479 с.
 31. *Шнеер А.* Плен. URL: <http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava5> (дата обращения: 10.04.2012).
 32. *Defleur L. B., Warner R. L.* Socioeconomic and social-psychological effects of military service on women // J. of Political and Military Sociology. 1985. Vol. 13. P. 195—208.
 33. *Moller B.* Conscription and its alternatives // COPRI Working Paper. 1999. № 25.
 34. *Patten E., Parker K.* Women in the U.S. Military: growing share, distinctive profile // Pew Research Center. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/1/> (дата обращения: 10.06.2010).
 35. Report to Congress on the Review of Laws, Policies and Regulations Restricting the Service of Female Members in the U. S. Armed Forces / prepared by Office of the Under Secretary of Defense Personnel and Readiness. URL: http://www.defense.gov/news/WISR_Report_to_Congress.pdf/ (дата обращения: 01.07.2012).
 36. *Williams K., Staub M. E.* Love My Rifle More than You : Young and Female in the U. S. Army. New York : W.W. Norton & Company, 2005. 288 p.
 37. Women in the Military Statistics. URL: <http://www.statisticbrain.com/women-in-the-military-statistics/> (дата обращения: 05.07.2012).

ЖЕНЩИНЫ СЕЛА: ТРУД И ОТДЫХ

Введение. Повседневная деятельность наряду с качеством населения, его благополучием и социальным самочувствием является отражением социально-экономической политики государства, «реформ» начала 1990-х гг. Она обеспечивает относительную стабильность жизни сельского населения, общества в целом. Изменения в повседневной деятельности — системный компонент динамики жизни большей части населения российского общества. Повседневная деятельность и основные ценности населения, оценка им своего материального положения и его изменения являются самым важным выражением социальных перемен. Повседневная деятельность — это совокупность действий, направленных на удовлетворение наиболее актуальных, насущных потребностей и имеющая четко выраженную повторяемость в короткие временные периоды. Она осуществляется в определенных условиях жизни на уровне семьи, поселения, относительно автономна и опосредованно зависит от макроэкономических и политических перемен. Деятельность осуществляется во времени, которое выступает ее фундаментальным природно-социальным ресурсом и количественным измерителем. Бюджет времени наилучшим образом представляет повседневную деятельность, поскольку содержит информацию на уровне индивида, группы о том, как люди распоряжаются своим главным ресурсом — временем, что не отражают другие показатели.

При определенном внимании социологов к проблемам села и его роли в развитии российского общества наблюдается дефицит исследований положения главной опоры села — работающих женщин.

В статье рассматривается повседневная деятельность сельских работающих женщин как социально-демографической группы, особенностью которой является значительный по затрачиваемому времени труд в семейном хозяйстве, выполнение жизненно важных функций, проживание в условиях менее развитой, чем в городе, социальной инфраструктуры. Сельская женщина несет большую нагрузку в выполнении своих главных функций — воспитания детей, труда в социально-экономической сфере. Эти функции выполняются в повседневной деятельности, которая осуществляется в реальном времени, конкретных условиях жизни, контексте ценностных ориентаций.

Цель статьи — показать изменения продолжительности и структуры повседневной деятельности сельских работающих женщин, а также изменение ценности и функций основных видов деятельности в начале века.

Гендерные различия в использовании времени и в ценностях сельского населения существенны, заметно различаются также сферы труда: значительная доля женщин работает в преимущественно «женских» учреждениях образования, здравоохранения, культуры, торговли.

1. Эмпирическая база. Эмпирическую базу статьи составляют бюджетно-временные и анкетные данные лонгитюдного исследования сельского населения Новосибирской области как достаточно типичного для юга Западной Сибири и основной части России (рук. В. А. Артемов). В одной и той же выборочной совокупности сел в 1975—1976, 1986—1987, 1993—1994, 1999, 2004—2005 гг. проведены пять бисезонных (в июне и ноябре) социологических обследований бюджетов времени, повседневной деятельности, условий жизни населения*.

В исследовании представлены «узловые» временные точки изменений советского, российского общества. 1986—1987 гг. — исходная точка периода серьезных изменений во всех сферах общества, начало «перестройки»; 1993—1994 гг. — существование на уровне выживания; 1999 г. — относительная стабилизация условий жизни с общей тенденцией к ухудшению; 2004—2005 гг. — первые итоги позитивных изменений и адаптация сельского населения к изменившимся условиям жизни.

Для получения бюджетов времени проводился ретроспективный опрос о вчерашнем дне. После специального сравнительного анализа этот метод был признан наилучшим для относительно массовых обследований бюджетов времени [3].

Помимо бюджетов времени, анализируется анкетная информация, содержащая социально-демографические характеристики респондентов, сведения об индивидуально-семейных условиях жизни и оценки их изменений, сведения о ценности тех или иных видов деятельности.

2. Состав опрошенных. В каждом бисезонном обследовании опрашивалось 500—550 работающих мужчин и 600—700 работающих женщин. Превышение числа опрошенных женщин над числом мужчин связано с квотным принципом формирования выборочной совокупности по группам отраслей, в том числе с явным преобладанием женщин. Возраст опрошенных, как и всего населения, вырос в 1999—2005 гг. на 1,5 года. Доля состоящих в браке респондентов (в том числе незарегистрированном) несколько сократилась (с 82 % в 1999 г. до 80 % в 2005 г. среди женщин и с 86 до 82 % среди мужчин). Доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась соответственно среди женщин с 35 до 28 %, среди мужчин с 82 до 53 %.

3. Ценностные ориентации, значимость и функции основных занятий. Функциональные и ценностные характеристики видов деятельности представляют собой очень важную сторону повседневной деятельности, являясь существенным и необходимым дополнением ее продолжительности, отражаемой в бюджете времени. А нередко и главными характеристиками, особенно в условиях некоторой стабильности затрат времени. Но эта сторона повседневности почти не затрагивается ни в исследованиях бюджетов времени, ни в изучении ценностных ориентаций.

Ценность и значимость видов деятельности являются внутренним регулятором, который перераспределяет между ними время, средства и энергию индивида. Если, например, возрастает ценность работы или учебы, увеличиваются затраты времени на них, что ведет к уменьшению затрат времени в сферах отдыха и развлечений.

* О выборочной совокупности и методике и организации исследования см.: [1, 2].

Семья. В период 1999—2005 гг. продолжался рост роли, значимости семьи в жизни сельского населения, начавшийся, по нашему мнению, еще во второй половине 1980-х гг. Это проявилось в ответах на разные вопросы. Среди главных жизненных ценностей семью отметила наибольшая доля как женщин, так и мужчин (табл. 1).

Восемь из десяти респондентов считают, что «только дети делают жизнь полной смысла и значения» (с незначительным преимуществом женщин и незначительным же увеличением этой доли по сравнению с 1999 г.) и абсолютное большинство согласны с тем, что дело мужчины зарабатывать деньги, а дело женщины заниматься домом, семьей (мужчины в 2005 г. выражают с этим высказыванием большее согласие, чем женщины, и несколько чаще, чем в 1999 г.). Заметим, что как первое, так и второе стали в настоящее время весьма затруднительными для реализации. Но респонденты имеют в виду не только сиюминутную ситуацию, но и общие принципы жизни, несколько «потесненные» в последние двадцать лет. По большому счету, эти два ответа очень между собой связаны. Реализовать «ценность» детей можно в немалой степени только в том случае, когда мать постоянно, квалифицированно или достаточно много времени занимается с детьми на основном этапе их физического, умственного и нравственного формирования.

Для этого нужны, естественно, денежные средства, добытчиком которых традиционно был мужчина и в сознании еще таковым остается.

Таблица 1

Главные жизненные ценности, %*

Ценности	Женщины		Мужчины	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Хорошие друзья	27	26	34	35
Интересная работа	33	29	29	35
Семья	81	83	70	69
Материальное благополучие	53	55	39	50
Интересный досуг	1	5	5	7
Хорошие отношения между людьми	30	21	25	16
Хорошее образование	4	6	1	4
Стабильность условий жизни	28	34	25	37
Свобода выбора (занятий, работы, образа жизни, др.)	2	2	6	5
Здоровье	60	65	45	43
Уважение окружающих, ощущение своей нужности людям	15	15	14	14
Другое	1	2	2	2
Затруднение с ответом	4	0	2	2

* Вопрос анкеты: «Что для Вас является самым главным в жизни, что Вы больше всего цените? (Указать не более четырех позиций)». Вопрос закрытый, порядок «ценностей» в анкете и таблице одинаков.

Занятия, виды деятельности. У сельских женщин (а особенно у мужчин) произошло дальнейшее сокращение ценности труда в личном подсобном хо-

Гендерные отношения в современном обществе

зяйстве (ЛПХ) как сфере проявления своих способностей, где человек получает наибольшее удовлетворение (табл. 2). (Хотя в 1994 г. был отмечен резкий рост ценности труда в ЛПХ у мужчин, что мы связывали со стремлением к независимости, самостоятельности.) Подтверждается компенсирующий «выживательный» характер данного вида труда.

Таблица 2

Сфера, в которой сельские работники получали большее удовлетворение, проявляли свои способности, % *

Сфера деятельности	Женщины		Мужчины	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Работа в общественном хозяйстве, учреждении (основная работа)	40	41	45	39
Труд в ЛПХ	9	6	18	13
Домашние дела	46	33	33	27
Общественная работа	3	7	3	2
Досуг	6	11	6	15
Занятия с детьми	23	24	13	12
Затруднение с ответом	8	8	8	11

* Вопрос анкеты: «Где Вы в наибольшей степени проявляете свои способности, получаете наибольшее удовлетворение?» Вопрос закрытый.

Сократилась также и ценность домашнего труда (которая до 1999 г. стремительно росла). А вот значимость досуговой деятельности возросла, достигнув максимума и у мужчин, и у женщин за последние 20 лет. Очевидно, что трудовая деятельность в целом теряет свою абсолютную ценность и значимость, поскольку не приносит работникам желаемых результатов — ни материальных, ни моральных. Это положение подтверждается данными использования времени (табл. 3).

Подобное обстоятельство важно учитывать при рассмотрении ответов о значимости ЛПХ. Вариант «только вынужденная необходимость», который выбрало абсолютное большинство респондентов в 1999 г., несомненно, является лидером. Однако в 2005 г. его отметило значительно меньшее, чем в 1999 г., количество респондентов, — половина женщин и чуть большая доля мужчин. Ответ «забота о семье, близких» стал более популярным, особенно среди женщин (27 % в 1999 г. и 34 % в 2005 г.). Мужчины все менее видят в ЛПХ возможность почувствовать себя хозяином: эта работа стала в меньшей степени «проявлением крестьянской жилки, сути» (16 % в 1999 г. и 5 % в 2005 г.), меньше «позволяет быть независимым» (13 и 7 % соответственно). Можно сказать, что ЛПХ не способно в настоящих условиях стать полноценной альтернативой работе в общественном хозяйстве с учетом приносимого дохода и затрачиваемого труда на его ведение.

Результаты реформ наиболее негативно оценивались в 1999 г., причем отрицательную (в целом или в основном) оценку дали 85 % мужчин, 77 % женщин. В 2005 г. произошло существенное увеличение количества оценок по-

ложительных (почти до четверти) и неопределенных (до 21—24 %) и сокращение негативных (до 54 % у мужчин и 52 % у женщин).

4. Изменение использования времени. В начале XXI в. происходило перераспределение времени между основными видами деятельности.

Труд. Здесь под понятием «труд» подразумевается общая трудовая нагрузка, которая включает в себя рабочее и связанное с ним время, время труда в ЛПХ, время труда в домашнем хозяйстве. В течение всего периода лонгитюдного исследования продолжительность рабочего времени работающих женщин сокращалась. В целом это скорее позитивный факт, если учитывать чрезмерную общую трудовую нагрузку (табл. 3).

Период 1999—2005 гг. является первым отрезком в рамках нашего лонгитюдного исследования, когда зафиксировано увеличение рабочего времени при сокращении общей трудовой нагрузки. У женщин сокращение общей трудовой нагрузки произошло за счет резкого снижения продолжительности времени домашнего труда, у мужчин — времени труда в ЛПХ. В целом сельяне стали работать меньше. Высвобожденное время труда «растеклось» у женщин по таким видам деятельности, как уход за собой, покупки, сон, просмотр ТВ, общение. Важное позитивное изменение: существенно сократилась разница в общей трудовой нагрузке между женщинами и мужчинами (с 8 ч в 1999 г. до 5,3 ч в неделю в 2005 г.).

Таблица 3

**Бюджет времени сельских работающих женщин, часы
в среднесезонную рабочую неделю и % к затратам времени работающих мужчин***

Вид занятий	1999 г.			2005 г.		
	Все затраты времени		В том числе в сельском хозяйстве	Все затраты времени		В том числе в сельском хозяйстве
	Часы		% к затратам времени работающих мужчин	Часы		% к затратам времени работающих мужчин
Общая трудовая нагрузка	83,1	87,7	115	79,4	85,3	107
Работа и связанное с ней время	39,6	44,7	90	40,8	41,7	76
Домашний труд	24,1	23,3	343	20,7	20,5	394
Труд в ЛПХ	17,6	18,5	94	16,5	22,2	110
Сон, еда, уход за собой	63,4	60,4	92	66,0	62,8	98
Свободное время	20,5	18,5	76	21,1	18,5	82
В том числе:						
просмотр телепередач	9,4	8,7	63	10,5	10,3	71
общение	3,3	2,8	87	3,8	2,8	140
учеба	0,2	0,1	100	0,4	0	
занятия с детьми	1,4	0,8	133	1,1	0,7	70
Другое	1,0	1,4	93	1,5	1,3	93

* Жирным шрифтом выделены затраты времени женщин, различия которых с аналогичными затратами времени мужчин статистически значимы.

Домашний труд представляет один из важнейших способов удовлетворения материально-бытовых потребностей, с его помощью создаются благоприятные условия для жизни семьи. Он ценен как условие физического и психологического здоровья, воспитания детей, укрепления самой семьи. Продолжительность и структура домашнего труда, тенденции его изменения связаны и с тем, как относится население к домашнему труду, каковы его ориентации в этой области деятельности. Тенденция увеличения времени, расходуемого на домашний труд, обозначившаяся в конце 1980-х гг., к 2005 г. изменилась: резко сократилось время домашнего труда у женщин и незначительно — у мужчин. При этом произошло очень существенное изменение: увеличилась доля опрошенных, назвавших такие «неэкономические» функции домашнего труда, как содействие общению в семье, воспитанию детей (с 4 % в 1999 г. до 19 % в 2005 г.), обеспечение возможности проявить свои умения, заботу (с 2 до 12 %), отдых от основной работы (с 1 до 11 %). Но главной функцией и для женщин, и для мужчин остается сугубо прагматическая («позволяет экономить деньги, сокращать расходы»), хотя в 2005 г. ее отметили меньшее количество респондентов, чем в 1999 г. Среди конкретных видов домашнего труда сократились затраты времени на приготовление пищи, т. к. увеличилось потребление готовых продуктов питания и несколько улучшилось оснащение бытовой техникой.

Личное подсобное хозяйство. Очень существенным является то, что затраты времени в ЛПХ у работающих женщин и мужчин практически сравнялись. Весьма показательны и ответы на вопрос о влиянии труда в ЛПХ на некоторые стороны жизни (табл. 4). Приобщение детей к труду, их участие в совместном с родителями труде по ведению подсобного хозяйства имели в виду наши респонденты, отвечая на вопрос о позитивном влиянии труда в ЛПХ. Но наибольшее число и мужчин, и женщин (почти каждая вторая) отметили негативное влияние занятости в ЛПХ на свое здоровье (при низкой доле считающих это влияние положительным). Конечно, здесь сказывается совокупная трудовая нагрузка, включая работу на сельхозпредприятии или в учреждении, однако тяжесть труда в ЛПХ — один из главных факторов такого влияния.

Таблица 4

Влияние занятости в ЛПХ на различные стороны жизни работников и семьи, % *

Сфера жизни	Женщины				Мужчины			
	Положительное		Отрицательное		Положительное		Отрицательное	
	Г о д							
	1999	2005	1999	2005	1999	2005	1999	2005
Основная работа	9	13	15	15	11	15	14	21
Воспитание детей	48	42	16	8	39	31	8	10
Состояние здоровья	13	19	47	48	10	18	38	41
Отношения в семье	26	27	16	16	19	25	9	8
Настроение, душевное состояние	35	40	26	22	26	28	19	23

* Вопрос анкеты: «Как Вы считаете, какое преимущественно влияние (положительное, отрицательное, не влияет) оказывает Ваша работа в ЛПХ?» Вопрос закрытый.

При всей своей жизненной важности ЛПХ, рассматривавшееся «реформаторами» в самые, пожалуй, тяжелые годы (1992—1994) как главное направление дальнейшего развития села (наряду с фермерством), как способ жизни, сфера самореализации, в настоящее время в немалой степени потеряло такое значение, да, по большому счету, его и не имело. Многие селяне привыкли относиться к ЛПХ как к хотя и необходимому, но все-таки подсобному, т. е. дополнительному, хозяйству, сфере, сопутствующей труду на сельхозпредприятии или в учреждениях социальной инфраструктуры. Они не могли или не могут принять теперешнюю ситуацию как долговременную и тем более перспективную для своей жизни. Надо учесть, что в селе живет все-таки немалая доля работников учреждений воспитания, образования, здравоохранения, культуры. Да и квалификационный потенциал специалистов сельского хозяйства рассчитан на «крупномасштабное» использование с учетом специализации, объемов труда и производства.

Сокращение времени на уход за детьми и занятия с ними (преимущественно дошкольного возраста) в основном является следствием сокращения количества семей с детьми такого возраста (если в 1986 г. на 100 семей приходилось 147 детей дошкольного и школьного возраста, то в 2005 г. — 89).

Данные последнего обследования позволяют говорить о преодолении экстремального состояния, наблюдавшегося во второй половине 80-х — начале 90-х гг. Например, средняя общая трудовая нагрузка работников сельского хозяйства в июне 1987 г. составила около 100 ч в неделю, в том числе женщин — почти 106 ч, т. е. в среднем более 15 ч в день! Этим была достигнута определенная стабилизация условий жизни. Сейчас обостряется другая проблема — недостаток рабочих мест, производственных ресурсов, бюджетных средств для полноценной занятости населения с уровнем оплаты труда, позволяющим не только выживать.

Отмеченные выше изменения в продолжительности и структуре общей трудовой нагрузки свидетельствуют о сокращении в последние годы гендерных различий работающего сельского населения в затратах времени на труд в домашнем хозяйстве и ЛПХ.

Свободное время представляет собой необходимое временное пространство для удовлетворения разнообразных социальных, физических и духовных потребностей. В свободное время, когда человек не занят выполнением различного рода необходимых дел, он может выбирать тот или иной вид деятельности, руководствуясь своими потребностями, возможностями и интересами. Поэтому продолжительность и структура свободного времени служат в известной мере индикаторами индивидуальности человека и условий для ее развития и проявления.

Малая величина свободного времени у сельского населения, особенно у женщин, и большие физические нагрузки в труде — все это обуславливает то, что проведение свободного времени носит восстановительно-информационный характер, т. е. скорее пассивный, потребительский, «домашний» (телевизор, радио), чем активный.

Досуг как часть свободного времени выполняет восстановительную и развлекательную функции. Основными функциями досуга селяне считают от-

Гендерные отношения в современном обществе

дых и общение (табл. 5). Важность общения особенно выросла в последний период у женщин. Сократилась познавательная-прагматическая функция досуга.

Таблица 5

Функции занятий на досуге, %*

Функция	Женщины			Мужчины		
	Г о д					
	1986	1999	2005	1986	1999	2005
Отдых	54	57	55	53	47	59
Узнать новое, интересное	34	23	18	28	14	8
Общение	36	31	43	29	34	27
Сделать полезное для семьи	46	24	20	33	26	20
Просто развлечение	8	7	10	10	9	16
Другое	1	2	0	4	1	1
Затруднение с ответом	4	4	>1	8	7	1

* Вопрос анкеты: «Чем важны для Вас занятия на досуге?» Вопрос частично закрытый, неальтернативный.

К 2005 г. возросла (до 1999 г. снижалась) удовлетворенность проведением свободного времени. Женщин, довольных и недовольных, стало почти поровну: 38 и 36 % соответственно (в 1999 г. 29 и 42 %), среди мужчин довольных в два с лишним раза больше, чем недовольных (57 против 25 %).

Влияние на неудовлетворенность досугом занятости в семейном хозяйстве, усталости от труда в нем значительно возросло как у женщин (43 % в 2005 г. против 30 % в 1999 г.), так и у мужчин (56 и 19 % соответственно). Отметим, что значимость денег как причины неудовлетворенности досугом, которая достигла своего пика в 1999 г., упала в 2005 г.

Люди смирились с необходимостью отдавать немало времени работе дома и вне дома. С другой стороны, временные возможности досуга в 2004—2005 гг. стали несколько лучше, особенно у женщин, хотя сама «привязанность» их к семейному хозяйству сохранилась. Изменениям в бюджете времени в целом соответствуют и перемены в частоте отдельных занятий в свободное время, посещения культурно-спортивных учреждений. Все более ослабевает развивающая функция свободного времени и усиливается «телевизионный» характер его использования, равно как и характер информационного обеспечения. Доля просмотра телепередач в свободное время женщин увеличилась по сравнению с 1999 г. с 49 до 53 %, у мужчин, наоборот, уменьшилась с 59 до 57 %, т. е. гендерное различие заметно сократилось.

Высокая трудовая нагрузка способствовала накоплению усталости, которая скорее приведет человека к дивану и телевизору, чем в библиотеку или на спортплощадку. Более значительно на проведение досуга стало влиять материальное положение, ограничивая возможность пользоваться услугами сферы культуры и осуществлять досуговую деятельность, ранее вполне доступную (подписка на газеты, журналы, покупка книг, походы, поездки в город, в театр, на выставки, к родственникам, путешествия, отдых в санатории или на курорте и др.).

В последние годы состояние сельской сферы культуры заметно ухудшилось; сокращение финансирования, ухудшение положения или исчезновение сельхозпредприятий негативно сказалось на положении воспитательно-образовательных учреждений, а также на условиях проведения свободного времени.

Заключение. Сельские женщины по сравнению с мужчинами выказывают большие потребности и потенции как в трудовой деятельности, так и в занятиях в свободное время. Создается впечатление, что главным действующим субъектом в «последнем бастионе» российского народа — семье — являются женщины, обладающие наибольшим трудовым, интеллектуальным, нравственным и духовным потенциалом, не говоря об их роли в демографических процессах.

За рассматриваемый период (1999—2005 гг.) положение работающих сельских женщин несколько улучшилось за счет перераспределения труда в семье и сокращения их трудовой нагрузки. Но при этом снизилась доля квалифицированного труда в общей трудовой нагрузке. Возникло некоторое соответствующее уровню выживания равновесие между затратами труда (в трех его основных сферах), размером ЛПХ и совокупными денежно-натуральными доходами.

Сельские жители дали в 2005 г. заметно более позитивные, чем в 1999 г., оценки изменениям условий жизни, потому что после десятилетия почти постоянного снижения этих оценок, ухудшения реальных условий жизни даже некоторая стабилизация в последние пять-шесть лет воспринимается как улучшение.

Произошли позитивные изменения (в частности, сокращение гендерных различий) в структуре бюджета времени и продолжительности отдельных видов деятельности сельского работающего населения и оценках поселенческих и семейно-индивидуальных условий жизни.

Библиографический список

1. *Артемов В. А.* Базы данных как основа исследований социальной динамики // Социальная траектория реформируемой России : исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1999. Гл. 31. С. 702—722.
2. *Гвоздева Г. П., Горяченко Е. Е.* Формирование и характеристика выборочной совокупности для обследования бюджетов времени // Рабочее и вне рабочее время сельского населения / под ред. В. А. Артемова. Новосибирск : Наука, 1979. С. 702—722.
3. *Juster F. T., Stafford F. P.* The allocation of time: empirical findings, behavioral models, and problems of measurement // J. of Economic Literature. 1991. Vol. 29. P. 5—26.

С. А. Судьин

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ И ЗДОРОВЬЯ

Утверждение о биопсихосоциальной природе человека привело к пониманию здоровья как совокупности физического, психического и социального благополучия. Трехединый характер здоровья обусловил необходимость использования не только медицинских, но психологических и социологических категорий, а также включение в анализ макросоциологических переменных.

Категория «гендер» среди них занимает особое место. Это связано с тем, что, являясь изначально чисто биологической характеристикой, пол стал одним из основных факторов социальной картины личности, предписывающих определенные социальные статусы, роли и ожидания. Таким образом, при анализе различий в состоянии здоровья мужчин и женщин необходимо учитывать как биологические, так и социально-психологические их различия.

Несмотря на очевидность данного тезиса, отметим, что гендерный аспект здоровья стал предметом рассмотрения Всемирной организации здравоохранения лишь в 2002 г., т. е. более чем через полвека после ее основания. В соответствующем документе отмечается, что «существуют различия в факторах, определяющих здоровье и бремя болезней у женщин и мужчин. В связи с этим особую важность приобретает динамика гендерных аспектов здоровья, на которую в течение длительного времени не обращалось внимания» [1]. С целью скомпенсировать сложившееся отставание «организация будет включать гендерную проблематику во все аспекты своей деятельности как в плане политики, так и в плане надлежащей практики общественного здравоохранения. Эти действия согласуются также с решением о том, что включение гендерных соображений, то есть учет гендерной проблематики, должно стать общепризнанной практикой политики и программ, осуществляемых в настоящее время во всех организациях системы ООН» [1]. Это, в свою очередь, означает повышение внимания к ранее игнорируемым медицинским сообществом вопросам, лежащим преимущественно в сфере социальных отношений.

При анализе связи гендера со здоровьем человека принято выделять несколько аспектов.

Прежде всего детальному анализу подвергается связь пола с продолжительностью жизни, а также факторы, определяющие данную взаимозависимость. Общеизвестно, что в большинстве стран мира женщины живут дольше. Особенности гормонального статуса сильной половины человечества обуславливают большую мужскую виктимность и ведут к половозрастной диспропорции. Исключения составляют лишь некоторые страны Юго-Восточной и Центральной Азии, где расхождение с общемировой статистикой определяется объективными социально-экономическими причинами. Подобное неравенство также можно рассматривать как результат воздействия двух групп факторов: биологических и

социально-психологических, которые, действуя в одном направлении, оказывают взаимно потенцирующее действие. Биологически мужчина слабее женщины, что подтверждается, например, первичным и вторичным соотношением полов и, следовательно, более высокой смертностью в перинатальном периоде (см. об этом, например, в книге В. М. Медкова «Введение в демографию»). Однако основную роль здесь играют факторы социально-психологического характера, связанные с поведением, установками и образом жизни. Сюда относятся повышенная виктимность мальчиков в детском и подростковом возрасте, игнорирование риска в различных обстоятельствах, мужская склонность к вредным привычкам и деструктивным способам преодоления стресса.

Анализ статистических данных не только иллюстрирует текущее состояние и динамику показателей здоровья населения, но и дает богатый материал для связи этих процессов и поведенческих практик сохранения здоровья с социально-политическим контекстом и другими макросоциологическими переменными. Это выводит нас на новый уровень анализа с использованием социологических категорий и позволяет делать весьма оригинальные выводы.

Например, в исследовании У. Кокерхэма, М. К. Снид, Д. де Вааля, посвященном России, речь идет о влиянии социалистического образа жизни на снижение ее продолжительности на современном этапе [7, 8]. Опираясь на работы М. Вебера, П. Бурдьё, авторы показывают невозможность автономного функционирования в обществе, которое формирует определенные способы восприятия окружающей действительности. Следовательно, массовую алкоголизацию, рост числа ДТП со смертельным исходом нельзя понимать лишь как совокупность отдельных случаев, пусть и весьма внушительную.

По их мнению, нездоровый образ жизни россиян отражает габитус, сформированный социализацией в условиях социализма, с одной стороны, и жизненным опытом — с другой. Постоянное воспроизводство данного стиля жизни превращалось в способ выживания в условиях ограниченных ресурсов и возможностей. Можно выделить несколько особенностей социалистического стиля жизни и мировоззрения, на которые ссылаются авторы. Во-первых, бесплатный характер медицины, пусть даже частично декларируемый, снижал личную ответственность индивидов за собственное здоровье, проблема сохранения которого становилась государственной задачей. В расчет не брались возможные расходы, связанные с лечением, не анализировались риски хронических состояний. Во-вторых, ограниченные ресурсы социалистической экономики не давали возможности нормально питаться или придерживаться принципов здорового питания, что особенно было заметно в зимний и весенний периоды, когда подходили к концу прошлогодние запасы овощей и фруктов. В третьих, особенности мужской социализации в трудовых коллективах предполагали усвоение главным образом негативных практик: увеличение потребления алкоголя и табака из-за многочисленных внутрикорпоративных и спонтанных праздников, перекуров и т. д.

Наконец, свой вклад внесла и коллективная идеология, ориентировавшая индивидов на игнорирование собственного здоровья, культивировавшая идею самопожертвования, объяснявшая достоинства советского медицинского обслуживания. Другой стороной негативного вклада государственной идеологии яв-

лялось то, что популяризация здорового образа жизни не была приоритетной темой партийной работы, и это не позволило использовать ее авторитет в деле сохранения здоровья нации. Необходимо отметить и относительную закрытость советской науки, в том числе медицины, которая вплоть до конца 1970-х гг. оставалась во многом в стороне от достижений зарубежных специалистов.

Тем сильнее оказался стресс, пришедший с крушением советской системы, показавший различия в поведении мужчин и женщин при реакциях на резко меняющиеся жизненные условия. Рост потребления алкоголя, производственный травматизм и нездоровое питание стали распространенной формой преимущественно мужского поведения [8].

Однако крушение социализма и демократизация общества со временем предоставили гражданам куда более широкий выбор поведенческих альтернатив: появились частные медицинские клиники, фитнес-центры, улучшились возможности диагностики и лечения и др. Тем не менее фундаментальные показатели благополучия, такие как средняя продолжительность жизни и ее разница у мужчин и женщин, структура причин смерти, оказались на более низком уровне, чем в позднее советское время. Следовательно, несмотря на важность включения в анализ глобальных культурно-исторических переменных, отметим, что именно пол является одной из важнейших переменных при оценке здоровья.

Это связано с тем, что женщины более склонны к здоровому питанию, меньше курят, чаще обращаются к врачу с профилактическими целями, вопреки стереотипам более аккуратны за рулем. Женский репертуар здоровьесберегающих технологий богаче мужского. Доказательством этого могут служить разнообразие и тиражи так называемых женских журналов, значительная доля публикаций в которых посвящена вопросам сохранения здоровья, молодости, сексуальной привлекательности. Все это неотделимо от здорового образа жизни, правильного питания, физической активности. По данным интернет-сайта «Планета СМИ», «рынок глянцевого журнала для мужчин не столь обширен, как для женщин (один только тираж Cosmopolitan в 10 раз превышает тираж самого популярного мужского журнала MAXIM)» [2].

Различия в поведении мужчин и женщин носят универсальный характер и не являются прерогативой лишь постсоциалистического образа жизни. Мужская полоролевая идентификация в типичных современных («западных») обществах в большей степени связана с установками на социальные достижения и успех. Но эти же установки создают постоянное давление на эмоционально-волевую сферу личности, провоцируют страх неудач и негативные фрустрационные переживания на фоне неполного или недостаточного подтверждения мужского социального статуса. Свою роль в этом играют устойчивые стереотипы маскулинного поведения, препятствующие обращению за помощью даже в серьезных случаях. Более того, «сам факт возникновения необходимости обращения за помощью вступает в конфликт с традиционными ролевыми ожиданиями, а признание таковой необходимости ведет к еще более сильным фрустрационным расстройствам. По тем же причинам обращение за помощью мужчины может спровоцировать его субъективную потерю статуса и автономии, привести к зависимости и идентификационному срыву со всеми возможными последствиями» [4].

Традиционная женская роль не содержит столь жестких стандартов социальных успехов и неудач, более размыта и связана в первую очередь с семейными проблемами, рождением и сохранением потомства. Ответственность женщины за здоровье семьи определяет высокую ценность здоровья в ее иерархии ценностей и соответственно высокий уровень культуры самосохранительного поведения женщин, а следовательно, и лучшее состояние здоровья и большую продолжительность жизни. Таким образом, традиционные ролевые функции женщин западной цивилизационной модели способствуют развитию более высокой, чем у мужчин, культуры самосохранения. Например, по данным американских исследователей, женщины в большей степени подвержены информационному воздействию в контексте собственного здоровья, реагируя на получаемую информацию не только познавательно, но и изменениями в поведении. Узнавая о конкретных факторах риска, женщины чаще мужчин повышают уровень физических нагрузок, переходят на здоровое питание и бросают курить [6].

Данные отечественных исследователей во многом схожи с приведенными выше. Например, в исследовании А. М. Калининой, А. В. Концевой и М. Г. Омеляненко анализируются модели профилактического поведения при сердечно-сосудистых заболеваниях и гендерные различия при их принятии. Опишем их подробнее. Модель 1 — это неосознанная потребность или отсутствие потребности в коррекции поведения. Пациенты, зная о наличии у них факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний (курение, избыточная масса тела, низкая физическая активность, стресс), не желают его корректировать. Модель 2 отражает осознанную потребность в смене образа жизни и поведения, нереализованную самим пациентом: пациенты знают о наличии у них факторов риска, хотят это исправить, считают, что могут сделать это сами, однако пока ничего не предпринимают (возможно, и не знают, что делать) для снижения риска. Модель 3 — это осознанная неудовлетворенная потребность: пациенты знают о наличии у них факторов риска, хотят это исправить и считают, что им необходима для этого помощь специалиста, т. к. сами они не справятся. В результате замеров, произведенных на территории Московской и Ивановской областей, было выяснено, что модели профилактического поведения пациентов в отношении ряда поведенческих факторов имеют гендерные различия. Среди пациентов с избыточной массой тела выявлены существенные гендерные различия распространенности моделей профилактического поведения: не желали снижать массу тела 33,7 % мужчин и только 17,2 % женщин. Мужчины достоверно реже (21,7 %) по сравнению с женщинами (37,7 %) были готовы к снижению избыточной массы тела самостоятельно. Также выявлено различие распространенности изучаемых моделей профилактического поведения при высоком стрессе в зависимости от пола. Так, не было ни одной женщины с высоким уровнем стресса, которая не хотела бы его скорректировать, в то время как среди мужчин доля таких лиц составила 60,9 %. Соответственно у женщин по сравнению с мужчинами достоверно чаще встречалась модель 2 [3]. Отметим, однако, что эти данные были собраны у посетителей поликлиник, что явно смещает выборку в сторону лиц, проявляющих хотя бы минимальную заботу о своем здоровье.

При рассмотрении общих последствий действия стресса на представителей разных полов можно отметить, что женщины более устойчивы к разнооб-

разным видам стресса по сравнению с представителями противоположного пола, что проявляется в числе прочего и в большей продолжительности жизни женщин. Лучшая приспособленность женского организма к стрессорным воздействиям в немалой степени обусловлена меньшей частотой соматических осложнений как последствий реакций на острый и хронический стресс. Например, риск развития инфарктов миокарда и различных инсультов на фоне высокого напряжения гораздо выше у лиц мужского пола [3].

Гендер оказывает решающее влияние на выбор профессии, что также в конечном итоге имеет отношение к здоровью. Самые опасные профессии, связанные с повышенным риском для здоровья и жизни, — шахтер, милиционер, военный и др. — мужская прерогатива и ожидать каких-либо радикальных изменений в ближайшее время было бы нелогично.

Нельзя забывать и о гендерной социализации: мальчики, осознанно и неосознанно, перенимают отцовские модели поведения, в том числе связанные со здоровьем, в то время как девочки склоняются в большинстве к материнским. Степень взаимного доверия у матерей и дочерей в совокупности выше, нежели у мальчиков и отцов, что повышает роль групп сверстников в процессе социализации. Конечно же, эти эффекты обусловлены рядом факторов: состав семьи, уровень образования родителей, особенности внутрисемейных связей. Но гендерный характер преобладания, отмечающийся и зарубежными исследователями, налицо (см., напр.: [11]).

Однако не все так однозначно, и трактовать вышеизложенное как свидетельство априорной женской жизнеспособности было бы ошибочно. Речь идет не только о чисто «женских» болезнях, случаи которых с лихвой компенсируются распространенностью чисто «мужских». Существует определенный набор патологических состояний и тенденций, в большей степени присущих женщинам.

Хотя мужчины и умирают раньше вследствие описанных выше причин, болеют чаще и тяжелее все-таки женщины. Например, данные международных сравнительных исследований свидетельствуют о высоком уровне распространенности среди женщин острых инфекционных и паразитарных заболеваний, нарушений систем пищеварения и дыхания. Лидируют женщины также по уровню распространенности хронических заболеваний, среди которых выделяются диабет, гипертония, болезни эндокринной системы, системы кровотока, суставов, почек и кожи [10]. Травмы — единственные острые состояния, в статистике которых мужчины сохраняют пальму первенства.

Особенно показательными являются данные Национального центра по контролю над болезнями и Национального центра исследований здоровья, США. С середины 80-х гг. XX в. в США женские показатели смертности от сердечно-сосудистых заболеваний значительно превышают мужские. Более того, сравнение основных параметров этой группы заболеваний показывает куда большую женскую виктимность. 35 % женщин умирают в течение года после первого сердечного приступа, в то время как у мужчин данный показатель составляет лишь 25 %. Среди выживших после первого приступа 35 % женщин и 18 % мужчин в течение шести лет переживут еще один приступ. Также в течение шести лет 46 % женщин и 22 % мужчин, выживших после первого приступа, станут инвалидами вследствие сердечной недостаточности. Наконец, женщины вдвое чаще

мужчин умирают от осложнений после аортокоронарного шунтирования [9]. Анализируя эти результаты в контексте российской практики, еще раз обратим внимание на важность социальных факторов в продолжительности жизни.

В целом, однако, отметим относительный характер этих данных. Изменения поведения, жизненных стилей и привычек приводят к трансформации или коррекции ставших привычными корреляций. Женщины стали больше курить, больше употреблять алкоголь, в их поведении все больше прослеживаются унисексуальные тенденции. В конце концов, женщины стали овладевать профессиями, которые раньше считались исключительно мужскими. Мы бы обозначили данный процесс термином «феномен солдата Джейн» по имени главной героини известного фильма.

Определенно, все это будет иметь вполне конкретные последствия, оценить масштаб которых будет возможно лишь после ухода из жизни ныне живущих возрастных когорт.

Отдельно рассмотрим гендерный аспект в контексте психического здоровья. Здесь также необходимо выделить два основных аспекта. Во-первых, рассмотрим бытующие в обществе установки и представления, играющие важную роль в оценке психического здоровья и приписывании определенных свойств мужчинам и женщинам. Данный вопрос имеет большое значение вследствие весомой социально-культурной составляющей психических болезней и роли гендерного фактора в ее проявлении. Во-вторых, проанализировать статистику, показывающую распределение психических заболеваний по полу, и попытаться объяснить имеющиеся закономерности.

Для прояснения первого аспекта обратимся к результатам нашего исследования «Соотношение обыденных и научных представлений о психических болезнях», проведенного в 2005 г. и направленного на выявление социально-демографических характеристик, в большей или меньшей степени ассоциирующихся в сознании респондентов с психической болезнью. В ходе исследования было обнаружено, что пол является одним из факторов, подталкивающих респондентов к завышению оценок. Так, в массовом сознании с психической болезнью в значительно большей мере ассоциируются мужчины, чем женщины: средние значения оценок по сюжетам, в которых фигурировали мужчины, почти вдвое превышали аналогичные оценки для женщин. По всей видимости, им прощается больший набор поведенческих странностей и причуд, которые мужчины себе позволить не могут. Гендерные различия выразились и в том, что респонденты-женщины оказались несколько более толерантными к поведенческим особенностям, нежели мужчины.

Врачи-психиатры отмечают закономерности в подверженности мужчин и женщин определенным типам психических расстройств. Например, психические расстройства у мужчин встречаются чаще, чем у женщин. При этом у мужчин чаще наблюдаются травматические и алкогольные психозы, у женщин — маниакально-депрессивный психоз и инволюционные (предстарческие) психозы, депрессии. Врачи объясняют это не столько биологическими свойствами пола, сколько социальными факторами. Мужчины, как уже было отмечено, чаще злоупотребляют алкоголем, и в связи с этим, естественно, у них чаще наблюдаются алкогольные психозы. В такой же мере не от биологии пола, а от

социальных условий зависит преобладание у мужчин психозов травматического происхождения. Упомянутый нами тезис о биопсихосоциальной природе человека позволяет нам объяснить зависимость психического благополучия от социально-экономических условий и практик преодоления стресса.

Что касается тяжелых эндогенных психических расстройств, а именно шизофрении, то однозначного ответа о гендерных «предпочтениях» болезни дать нельзя. Так, многими авторами указывается, что количественных различий в заболеваемости мужчин и женщин нет. Однако существует четкая зависимость в характере заболевания, из чего можно сделать вывод, что мужчины болеют шизофренией значительно тяжелее. Сложные формы заболевания, характеризующиеся непрерывным течением, быстро приводящие к дефекту личности, чаще встречаются у мужчин, в то время как для женщин характерно приступообразное течение болезни с относительно благоприятным прогнозом. Заболеваемость в детском возрасте (до 7 лет) также в три раза выше у мальчиков (см., напр.: [5]). Несмотря на то что заболеваемость шизофренией и ее распространенность являются в некотором роде биологическим инвариантом, важность психогигиены и заботы о своем душевном здоровье недооценивать нельзя, особенно в контексте иных психических нарушений, таких как неврозы, пограничные состояния и психосоматические нарушения. Таким образом, мужское население оказывается под двойным ударом: ослабление биологического потенциала усиливается невниманием к своему состоянию и постоянным саморазрушением.

Возникает справедливый вопрос об адекватных мерах, способных переломить сложившиеся тенденции. Его решение нужно искать не только в результатах медико-биологических или психологических исследований, но и в сфере макросоциальных переменных, таких как государственная идеология, важнейшим элементом которой должна стать забота о здоровье как конечной цели реализации всех государственных приоритетов. Внимание к гендерным аспектам должно стать дополнительным фактором успеха.

Библиографический список

1. Включение гендерной проблематики в деятельность ВОЗ. Гендерная политика ВОЗ. URL: <http://www.who.int/gender/mainstreaming/Russianwhole.pdf> (дата обращения: 15.05.2012).
2. Журнал «МАХИМ» на рынке российских мужских журналов. URL: <http://planetasmi.ru/blogi/comments/2927.html> (дата обращения: 27.05.2012).
3. Калинина А. М., Концевая А. В., Омеляненко М. Г. Оценка моделей профилактического поведения пациентов первичного звена здравоохранения в отношении факторов риска основных сердечно-сосудистых заболеваний // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2008. № 4. С. 3—8.
4. Коган Б. М., Дроздов А. З., Дмитриева Т. Б. Механизмы развития соматических и психопатологических стрессовых расстройств : (половые и гендерные аспекты) // Системная психология и социология. 2010. Т. 1, № 1. С. 105—120.
5. Туганов А. С. Общая психопатология. М. : Мед. информ. агентство, 2006. 128 с.
6. Ashwin S., Lytkina T. Men in crisis in Russia: the role of domestic marginalization // Gender and Society. Vol. 18 (2004), № 2. P. 189—206.
7. Cockerham W. C. Health lifestyle theory and the convergence of agency and structure // J. of Health and Social Behavior. Vol. 46 (2005), № 1. P. 51—67.

8. *Cockerham W. C., Snead Ch. M., Waal D. F. de.* Health lifestyles in Russia and the socialist heritage // *J. of Health and Social Behavior*. Vol. 43 (2002), № 1. P. 42—55.
9. *Einbinder L.* Women and Heart Disease. URL: <http://www.acp-md-wim.org/ppoint-ACP-6.html> (дата обращения: 15.05.2012).
10. *Shkolnikov V., Mesle F., Vallin J.* Health crisis in Russia II. Changes in causes of death: a comparison with France and England and Wales (1970 to 1993) // *Population : an English Selection*. Vol. 8 (1996). P. 155—189.
11. The intergenerational transmission of health-risk behaviors : adolescent lifestyles and gender moderating effects / K. A. S. Wickrama, R. D. Conger, L. E. Wallace, G. H. Elder (Jr.) // *J. of Health and Social Behavior*. Vol. 40 (1999), № 3. P. 258—272.

ББК 60.542.2

А. В. Щекотуров

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ НА СТРАНИЦАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Формирование современного информационного общества во многом обусловлено технологическим совершенствованием сети Интернет. Только с возникновением широкополосного Интернета и технологий, называемых web 2.0 (2005—2006 гг.), почти у каждого пользователя Сети появилась возможность индивидуальных настроек сайта и создания личной «пользовательской» зоны (личные файлы, фотографии, видео, блоги и т. п.). Новые технологии способствовали использованию сайтов в качестве коммуникативных площадок. Стали появляться так популярные сегодня социальные сети. Исследователи интернет-коммуникации отмечают, что одной из основных функций нового веба становится социализация [5].

Становление информационного общества также связывается с интерактивным характером современных информационных технологий. Е. П. Белинская отмечает, что в современном мире основную ценность имеет не столько интенсификация информационных потоков, сколько возможность пользователей информации активно в них участвовать [2].

Виртуальная коммуникация в силу ряда объективных технологических особенностей (анонимность, дистантность, отсутствие маркеров телесности) создает для пользователя максимальную свободу в самоопределении и непосредственном самоконструировании. В таком случае фундаментальным вопросом становится поиск и обретение идентичности в виртуальном пространстве.

В данной статье предложена новая трактовка виртуальной идентичности, вводится понятие виртуальной гендерной идентичности. Оба феномена прохо-

дят верификацию на примере анализа способов конструирования виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте». Исследование сосредоточено на подростковом возрасте как возрасте активного самоопределения, развития самосознания и поиска альтернатив развития. Виртуальный мир органично встраивается в их жизнь и даже позволяет решать такие проблемы, связанные с идентичностью, как ее развитие, когда общение со сверстниками, обратная связь помогают сделать более ясным представление о себе; формирование интимного пространства, где подростки могли бы делиться своими переживаниями, раскрываться друг перед другом [18]. Социальная сеть «ВКонтакте» является самой популярной для российских подростков: только в Нижнем Новгороде в ней зарегистрировано свыше 140 000 человек в возрасте от 14 до 18 лет (по данным сайта <http://vk.com> от 02.09.2012 г.) и подавляющее большинство пользуется ею ежедневно.

В современном научном дискурсе существует два основных подхода, определяющих понятие виртуальной идентичности. Первый из них базируется на утверждении о том, что виртуальная идентичность — это самодостаточная категория анализа, самостоятельный субъект существования, наделенный отличными от реальной идентичности признаками и являющийся продуктом исключительно пространства Интернета. Другими словами, «только Интернет помещает нас в сферу чистого самоконструирования, когда мы есть то, что мы пишем» [8, с. 89], «виртуальная личность — когда пользователь действует под именем, которое отличается от его реального имени, и сам констатирует факт такого отличия» [9, с. 64].

При втором подходе виртуальная идентичность понимается как определение себя частью некоего виртуального сообщества на основе атрибутов, признаков и символов, тождественных своему реальному «Я». Иначе говоря, здесь уже рассматривается «перевод на компьютерный» набор существующих представлений о собственной индивидуальности и поиск в компьютерной среде таких данных [10].

Исходя из этих теоретических концепций выделяют и основные причины создания виртуальной личности: мотивационные (виртуальная личность выступает как компенсация реальной социализации) и «поисковые» (виртуальная личность создается для расширения уже имеющихся возможностей реальной социализации, получения нового опыта) [9, с. 65]. В связи с этим ряд исследователей говорят об определенных рисках в создании виртуальной идентичности. Так, С. Теркл, определяя Интернет как «технологии идентичности», видит опасность в критическом искажении «онлайн-Я» или его полном отделении от «Я-реального», при этом их интеграция, напротив, может вести к личностному и социальному развитию [20].

Однако, как справедливо отмечает Е. П. Белинская, в большинстве случаев исследователи склоняются к мысли о компенсаторном характере виртуальной личности. Последняя представляет собой «максимально управляемую самопрезентацию, призванную скомпенсировать те или иные сложности, испытываемые пользователем в реальном взаимодействии» [3].

На наш взгляд, представленные выше определения виртуальной идентичности излишне психологически маркированы, определяют ее через категории

анализа личности и мотивационно-потребностной сферы. Более точное понимание этого феномена нуждается в социологической корректировке.

С социологической точки зрения понятие «идентичность» всегда задается в рамках определенной системы социальных координат через принадлежность или тождественность членству в различных социальных группах и общностях, поэтому выделяют, например, городскую/сельскую идентичность, профессиональную, гендерную и т. д. Это отражено во всех социологических теориях. В структурно-функциональном подходе процесс социальной идентификации понимается как процесс усвоения элементов социальной системы [13]. Феноменологический подход указывает на присутствие как минимум двух участников в становлении идентичности: индивида и группы, которая может подтверждать или не подтверждать членство индивида в группе, а индивид может внешне проявлять или не проявлять приверженность группе через воспроизводство определенных моделей поведения [7, 11, 15]. Постмодернизм подчеркивает в идентичности ее неустойчивость в аспекте зависимости от социального контекста, проявляющуюся в проблеме выбора того или иного жизненного пути, группы для соотнесения [17].

Исходя из социологической трактовки понятия «идентичность», а также поскольку информационно-коммуникативный виртуальный мир, в отличие от мира реального социального бытия, принципиально безграничен, неструктурирован, свободен в плане категоризации любого социального объекта, процесс виртуальной идентификации видится в поиске и конструировании границ своего «онлайн-Я». Конечный результат этого процесса — виртуальная идентичность будет зависеть от того, какие границы (этнические, профессиональные, половозрастные, сексуальные, социальные и пр.) человек выберет. Таким образом, более универсальным и применяемым может быть *определение виртуальной идентичности как символического поля практик самопредставления, тождественного границам выбранной системы социальных значений виртуального пространства*. Например, виртуальная идентичность, созданная на сайте для знакомств, будет отличаться от виртуального образа, представленного в чате, игровом или музыкальном сайте, той системой заданных социальных значений, т. е. ресурсов сайта (личная информация и т. п.), которые предпочтет пользователь.

Однако нельзя говорить о виртуальной идентичности как о чем-то завершенном. Процессы идентификации протекают постоянно, динамика практик самопредставления с помощью символов продолжается, а пользователь, находясь в границах определенного виртуального пространства (сайта), может переставлять акценты с выбранных социальных значений. В определенном смысле виртуальная идентичность представляет собой некий гештальт, находящийся в постоянном движении.

Следует подчеркнуть, что виртуальная идентичность имеет такие характеристики, как множественность, пластичность, текучесть, перформативность; теоретики постмодернизма говорят о коллажной, мозаичной идентичности (как в виртуальном, так и в реальном мире), которую можно разобрать, как пазл, а потом создать по-новому или же просто воссоздать то, что было [6]. В данном контексте особого внимания заслуживает феномен социальных сетей в Интернете, поскольку они обладают гораздо большим, разнообразным и практически

безграничным потенциалом социальных значений, которые делают возможным использование различных практик самопредставления через символическое означивание. Благодаря этому у большинства людей, имеющих свой аккаунт, две реальности — виртуальная и обыденная — в ценностном плане действительно представляют собой единое пространство их жизни.

Научное осмысление ресурсности сайтов социальных сетей, их возрастающей популярности еще только начинает формироваться, особенно это касается отечественных исследований. Современные возможности виртуальных профилей позволяют детально разработать и выразить самые различные аспекты своей личности. «Преодолевая физические ограничения, публичные презентации представляют собой новый механизм реализации экспериментальных задумок со своей идентичностью» [19, p. 454].

Исследуя конструирование идентичности на другой зарубежной социальной сети — Facebook, авторы выводят основной мотив регистрации из потребности быть воспринятым социально желательным. Развивая концепцию «быть желанным в своей возможной идентичности» (*hoped-for possible selves*), авторы определяют ее как социально желаемую идентичность, которую индивид, по своему твердому убеждению, мог бы создать при подходящих обстоятельствах в реальном мире. Например, благодаря различным опциям сайта у стеснительного человека есть возможность показать себя не таким скромным, но более привлекательным, приблизившись к образу своего «Я-идеального» [21].

К. О. Черняева пишет, что «социальные сети выступают как пиар-проект нашего времени: с их помощью пользователь конструирует и реконструирует свою идентичность, корректируя свой образ для Другого и для самого себя, что придает идентификации перформативный характер» [14, с. 10].

Таким образом, виртуальное пространство, и сайты социальных сетей в частности, актуализирует самоопределение и поиск границ своего Я — реального и виртуального.

Далее обратимся к центральной категории нашего анализа — созданию виртуальной гендерной идентичности. Изначально, при появлении средств интернет-коммуникации (конец 1980-х — начало 1990-х гг.), гендерная идентичность понималась весьма упрощенно и использовалась для уточнения пола в чатах и других формах электронного общения. Возникают даже специальные аббревиатуры: «a/s/l» (*age, sex, location* (англ.) — возраст, пол, местонахождение), «morf» (*male or female* (англ.) — мужчина или женщина), «sorg» (*straight or gay* (англ.) — натурал или гей), призванные прояснить идентичность личности в пространстве Интернета. Так, в ряде работ было установлено, что «неопределенная» идентичность часто является достаточно сильным коммуникативным барьером в электронной коммуникации и приводит ее к сбоям: было четко показано, что первым делом при общении уточняется половая принадлежность коммуникантов [12, с. 213—215]. Таким образом, феномен виртуальной гендерной идентичности еще сформулирован не был, гендерный компонент коммуникации означал прежде всего признак пола или категоризацию по полу.

В настоящее время выделяют *несколько подходов*, в рамках которых анализируется гендер в практиках конструирования виртуальной идентичности [4]:

— дискурсивный, когда гендер воспринимается по тому, как он конструируется из текстов и речи. С другой стороны, гендер сам по себе является социально конструируемым концептом — системой социальных смыслов, которые структурируют и предопределяют то, как мы смотрим на окружающий нас мир и воспринимаем его;

— этнометодологический, при котором первостепенное внимание уделяется тому, какие способы используют члены речевого сообщества, чтобы именно гендер структурировал их взаимодействие и был неотъемлемой частью окружающей их жизни;

— перформативный, когда гендер рассматривается как результат или следствие многократных перформативных действий, осуществляемых в рамках определенного культурного контекста. По мнению Т. В. Барчуновой, важным аспектом перформативной теории гендера является стремление объяснить, как происходит изменение идентичности, при котором идентичность понимается как практика означивания [1, с. 145];

— теория гендерных субкультур, которая применяется при изучении особенностей мужского и женского коммуникативных стилей, а также при анализе презентационных практик и виртуальной идентичности (словообразование псевдонимов в чатах, блогах, изучение лингвистического дизайна персональных веб-страниц и пр.);

— киберфеминизм, актуализирующий такие базовые понятия для всей гендерной теории, как виртуальный гендер, виртуальная идентичность, кибернасилие и пр. В связи с этим пересматриваются и приобретают дополнительные смыслы базовые термины гендерных исследований: мужественность, женственность, гендерный стереотип, гендерная роль и гендерная идентичность. Е. И. Горошко указывает на то, что безусловным отличием киберфеминизма от феминизма является предлагаемая им чрезвычайно расширенная палитра выборов женских самоидентификационных и презентационных практик [5, с. 364].

Следует отметить, что ни один из представленных подходов не рассматривает формирование виртуальной гендерной идентичности как комплексной и самостоятельной категории анализа. На наш взгляд, в условиях современного развития интернет-технологий нельзя отдавать предпочтение коммуникации как основному инструменту создания идентичности, скорее следует говорить о ресурсах, факторах и особенностях интернет-среды в этом процессе. Данное предположение, а также сформулированное выше определение виртуальной идентичности подчеркивают именно социологический характер дальнейшей интерпретации гендера в структуре виртуальной идентичности.

Как отмечалось выше, исследователи сходятся во мнении о том, что виртуальный гендер пластичен, динамичен и перформативен, поэтому имеет смысл рассмотреть виртуальную гендерную идентичность с позиции теории перформативности гендера, основоположником и наиболее ярким современным представителем которой является Дж. Батлер. Как и все феминистские теоретики, она исходит из того, что гендер — не стабильная категория, а исторически и локально обусловленная и, подобно другим идентичностям, является перформативным феноменом. Это означает, что он конструирует и утверждает

себя в акте представления. Выступая за то, что нет никакой сущности первичней, чем действие, Дж. Батлер утверждает, что «не существует гендерной идентичности до и помимо проявлений гендера; эта идентичность перформативно конституируется теми ее “проявлениями”, которые считаются результатами ее существования» [2, с. 329]. Идентичность — это то, что вы делаете, как вы себя выражаете, а не то, кем вы являетесь.

Ю. В. Епанова в качестве важных следствий применения идей перформативной теории гендера Дж. Батлер при исследовании виртуальной идентичности видит два момента. Во-первых, снимается проблема истинности или ложности интернет-репрезентаций личности, поскольку вне этих репрезентаций идентичность просто не существует: мы есть только то, что мы репрезентируем. Во-вторых, подобный механизм является универсальным, а не ограничивается виртуальным пространством, что позволяет преодолевать рамки «своеобразной традиции экзотизации, весьма распространенной в рассуждениях как об Интернет в целом, так и об Интернет-репрезентациях личности в целом» [8, с. 91].

По мнению Дж. Батлер, «гендер не должен истолковываться как стабильная идентичность, гендер — идентичность, тонко конструируемая во времени и институционализованная во внешнем пространстве посредством стилизованных повторений действий. Впечатление гендера создано с помощью стилизации тела и отсюда должно быть понято как привычный способ, с помощью которого телесные жесты, движения и манеры создают иллюзию неизменности гендерной самости» [16, р. 191]. Исходя из того как культура и общество наносят штрихи гендерного рисунка на «чистые», как белый лист бумаги, тела людей, так и пустые интернет-профили с нетронутыми настройками приватности ждут, когда их заполнит уже «гендеризованный» человек, возможно в соответствии со своими гендерными предпочтениями и интересами, а возможно, и наоборот. Следовательно, чем богаче инструментальная среда в границах одного пространства Сети, тем более применимы будут идеи Дж. Батлер: множество опций сайта, позволяющих выразить различные грани человеческой индивидуальности, создают больше условий для стилизации своей виртуальной страницы, тем самым воспроизводя узнаваемое впечатление гендера, как его понимает Дж. Батлер.

В настоящее время такими ресурсными сайтами являются социальные сети, позволяющие не только через коммуникацию, но и с помощью фото- и видеовозможностей себя репрезентировать. Принимая во внимание предмет настоящего исследования, единицей анализа, исследовательским полем и примером для применения теории перформативного гендера становится сайт «ВКонтакте».

Дж. Батлер пишет, что идентичность может быть только перформативной. Однако эта перформативность тщательно скрывается ритуальными практиками обязательной бинарной структуры и властными режимами мужского и гетеросексистского угнетения. Далее Дж. Батлер продолжает деконструкцию привычного гендерного порядка: «Поступки, действия и желание создают эффект внутренне присущего ядра или естества, но созданного на поверхности тела с помощью кодов-значений, которые предполагают, но никогда не обнаруживают организующие принципы идентичности как их причину. Подобные исполнения обычно рассматриваются как перформативные в том плане, что сущность или идентичность, которую они претендуют выразить, является вы-

думкой, сочиненной и подкрепляемой с помощью телесных знаков и других дискурсивных значений <...> это означает, что если реальность сфабрикована под внутреннее естество, сама идентичность является, бесспорно, эффектом или производной от публичного социального дискурса, публичного регулирования воображения с помощью поверхностной политики тела, контроля гендерных границ, которые отделяют внутреннее от внешнего и подобным образом устанавливают “целостность” субъекта» [16, p. 185].

Итак, разыгрывание идентичности неизбежно происходит в ситуации гендерно-асимметричных ориентиров с помощью телесных знаков соответствующего поведения. Экстраполируя данные идеи на виртуальное пространство, следует отметить следующие условия создания гендерной идентичности в Интернете: 1) каждый из составляющих компонентов, опций или социальных значений, участвующих в процессе самопредставления, должен иметь перформативный характер; 2) как и в случае со стилизацией тела, необходимо наличие признаков, позволяющих составить определенное впечатление о гендере пользователя (набор символических практик); 3) общим дискурсивным полем становятся «вынужденная», в терминологии Дж. Батлер, гетеросексуальная и гетеронормативная матрицы.

Следовательно, *под виртуальной гендерной идентичностью можно понимать тождественность виртуальной идентичности господствующим гендерно-стереотипным представлениям и ожиданиям в условиях современного общественно-исторического сознания.* Виртуальную гендерную идентичность можно классифицировать *по трем типам: нормативная* — гендерная идентичность пользователя Сети совпадает с его виртуальной идентичностью, *ненормативная* (или гендерная рокировка) — гендерная идентичность пользователя не совпадает с его виртуальной идентичностью и «нулевая» — отсутствие каких-либо признаков, маркирующих гендерную принадлежность пользователя.

Согласно сформулированному определению, виртуальная гендерная идентичность шире любой категоризации по полу в Сети, поскольку требует, во-первых, разнообразных опций сайта для своего существования и, во-вторых, активного участия субъекта/пользователя в процессе первичного конструирования и дальнейшего управления соответствующим перформансом. Здесь уже недостаточно простого указания на свой пол.

Применение перформативной теории гендера позволяет выделить еще одно существенное отличие виртуальной гендерной идентичности от ее аналога в повседневном мире. В реальности практики выражения гендерной идентичности или ее разыгрывания приходятся на момент вступления во взаимодействие с другими людьми с помощью вербальных и невербальных символов, и, покидая место, мы «забираем» с собой идентичность, оставляя лишь в памяти способы и особенности акта презентации. В мире Интернета ситуация прямо противоположная. Однажды заполнив все поля социальной сети или другого сайта и маркировав свою гендерную идентичность, пользователю совершенно необязательно быть онлайн, чтобы ее подтвердить или воспроизводить. Даже после выхода пользователя страничка сайта продолжает «делать» идентичность: другие пользователи, желающие зайти на страницу, сразу получают впечатление о гендерных предпочтениях и интересах человека, даже если тот

находится офлайн. Другими словами, покидая поле конструирования виртуальной гендерной идентичности, мы «оставляем» ее там, она продолжает существовать и означать без нашего участия. Назовем такой феномен «парадоксом виртуальной гендерной идентичности».

Для проверки выдвинутых предположений в исследовании приняли участие 96 подростков (56 девушек и 40 юношей) в возрасте 14—17 лет (с восьмого по одиннадцатый классы) из пяти школ г. Нижний Новгород. Попадание их в выборку было случайным: они являются представителями разных школ, классных коллективов, социальных групп и географических территорий, что значительно повышает валидность данных. Каждый из них зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» от одного года до четырех лет, средний стаж — 2,5 г. На этом сайте было создано сообщество с целью привлечения подростков и организации процедуры проведения исследования. Для получения данных и работы с ними поочередно были использованы такие методы качественного исследования, как групповая онлайн-дискуссия, глубинное онлайн-интервью и анализ содержания профилей подростков в социальной сети на предмет интенсивности использования опций сайта, выявления степени выраженности гендерной маркировки страницы.

Исследование показало, что из всех возможных опций сайта, которые призваны выразить представления о себе и взглядах на жизнь, большинство респондентов выделили аватар, группы и подписки, цитаты, личную информацию, музыку, фотографии и статус. Именно с них и логично начать анализ.

Анализ содержания профилей, что отметили и сами подростки, обнаружил определенные гендерные особенности при композиции аватаров. Фотографии девушек отличаются большей вычурностью, они более художественны и изящны, стилистически разнообразнее, в большинстве случаев сделаны на красивом фоне, в то время как парни стремятся показать связь со своим любимым делом, рассказать о событии, в котором им удалось принять участие, нередко встречаются фотографии компании друзей.

Тонко чувствуя грань между мужскими и женскими аватарами, сами подростки без труда находят объяснение существующим различиям:

Девушки пытаются привлечь внимание, на аватарах часто сильно накрашены. Им хочется, чтобы все считали их красивыми, и, наверное, ищут знакомств, вот и используют косметику. Парни тоже хотят познакомиться, но для этого, наоборот, стараются закрыть лицо, черными очками например (юноша, 16 л.);

Парни в большинстве своем выкладывают свою информацию вне зависимости от того, приятна ли она окружающим или нет, а девушки в основном только ту, которую они хотели бы, чтобы окружающие знали (юноша, 16 л.);

Парни хотят показать свою крутость, а девушки нежность: таких любят (девушка, 14 л.).

С точки зрения наблюдений подростков о способах «разыгрывания гендера» своим и противоположным полом в виртуальной среде было обнаружено, что как девушки, так и юноши внимательно подмечали гендерно-маркированные особенности:

У девушек есть забитая поза на фотографиях: наклон головы, поднадутые губы, так скажем, вытаращенные глаза для большей выразительности! Мальчики обычно встают в какие-то странные позы, означающие какой-то вызов, пафос (девушка, 16 л.);

Обычно на аватарах я выражаю нейтральные чувства, безразличие. У парней все более жестко: меньше всяких «поцелуйчиков»/смайликов, «красивых» цитат (юноша, 15 л.).

Конструируя свои виртуальные презентации, подростки активно вовлечены в процесс не только воспроизводства определенных гендерных эталонов и моделей, существующих в повседневной жизни, но и в их непосредственное производство благодаря наблюдению за гендерными особенностями в предпочтениях аватаров и утверждению, одобрению противоположности мужских и женских символических значений презентации. Подобные гендерные перформансы, выступая механизмами конструирования гендерной идентичности, определяют особенности композиции аватаров в социальной сети.

При заполнении личной информации на сайте у подростков на первое место выходят не гендерно-обусловленные особенности композиции страниц, а желание показать свои качества как уникальной личности, имеющей собственные жизненные принципы и взгляды, в определенном смысле свободные от различных предрассудков. Примеры демонстрируют, что и ожидания подростков относительно того, как следует оформить страницу юношам и девушкам, в целом не подчеркивают гендерную специфику:

Это вопрос, который каждый должен решать сам в зависимости от своего мировосприятия (юноша, 16 л.).

Мне кажется, что особых различий между этими страницами не должно быть, ну, если только аватары разные. Это нужно, чтобы не акцентировать различия между парнем и девушкой (девушка, 14 л.).

Онлайн-сообщества позволяют подросткам в безопасной среде исследовать собственную личность, завязывать отношения и делиться своими чувствами. Используя терминологию И. Гофмана, группы, подписки, цитаты, музыка являются «знаковыми средствами выражения», поскольку, встретив незнакомца на сайте, они могут по его облику и этим опциям «подобрать некоторые ключи», которые позволят им «применить к нему свой предыдущий опыт общения с приблизительно похожими людьми или, что более важно, использовать еще не проверенные стереотипы» [6, с. 32]. Возможно, именно поэтому подростки имеют подписки на различные публичные сообщества (от 10 до 150) и состоят во множестве групп, которые скрывают от постороннего пользователя. Анализ содержания профилей позволил обнаружить, что, несмотря на типичные для пользователя подросткового возраста подписки и группы, посвященные гороскопам, комиксам, онлайн-фильмам, существуют значимые гендерные отличия. Набор подписок девушек выглядит гораздо разнообразнее и соответственно количественно богаче, чем у юношей. Наиболее посещаемые онлайн-сообщества школьников имеют названия: «лучшие рецепты», «дом моды», «женские мысли», «девичья краса», «подростки», «умный журнал для думающих людей», «% жирности», «шедевры рекламы», «женское сообщество», «как сделать тело совершен-

шенным», «дневник женщин», «журнал женской красоты», «клуб шопоголиков» и т. п. Спектр интересов юношей, выраженный в подписках, выглядит гораздо скромнее: стопроцентное лидерство в популярности занимают публичные страницы, посвященные спорту и известным спортсменам. К основным мальчишеским виртуальным группам можно отнести: «спорт — это жизнь», «клуб любителей спорта», «компьютерные игры», «футбол, хоккей, футбольный мемы», а также группы, посвященные отдельным направлениям музыки. Важно отметить, что для подростков список групп является очень значимым средством самовыражения, а также знаком при разграничении неизвестных пользователей на «своих» и «чужих». Помимо этого, онлайн-сообщества выступают сильными гендерными маркерами страницы, которые подростки умышленно используют при конструировании виртуальной гендерной идентичности даже в том случае, если они не посещают выставленную напоказ группу, что подчеркивает перформативные свойства социальной сети и данной опции.

Поскольку цель гендерных презентаций, как и цель исполнителя в офлайн, «поддерживать определение ситуации, представляя этим свою заявку на то, чем является для него реальность» [6, с. 121], особое внимание следует уделить цитатам, поскольку буквально каждый респондент отметил для себя их высокую значимость. С помощью цитат подростки выражают свое настроение, мировосприятие, а также хотят выглядеть более умными, образованными и начитанными. Если говорить о гендерной специфике, то она является продолжением той линии, которую выбрал подросток при конструировании своего виртуального образа. В данном контексте, если подросток желает подчеркнуть какое-либо качество, воспринимаемое как мужское или женское, он предпочтет разместить цитату из книги, афоризм или мысль какого-либо авторитетного писателя, ученого. Ниже приводятся примеры высказываний информантов, демонстрирующие, что цитаты могут также означать принципы, нормы и идеалы, которыми они могут пользоваться в повседневной жизни:

Цитатой я могу выразить свою точку зрения (юноша, 14 л.);

Могу поставить цитату, которая понравилась и отражает какие-то мои идеи. Могу обращение какое-то, впечатления, воспоминания... (девушка, 15 л.).

Одним из механизмов познавательной деятельности и экспериментирования в отношении своей виртуальной гендерной идентичности является возможность получать комментарии и «лайки» от других пользователей. Экстраполируя известную теорему американского социолога У. Томаса: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям» — на виртуальное пространство социальной сети, можно предположить, что, оценивая страничку с помощью комментариев, аудитория создает социальную легитимность ее существования, тем самым убеждая пользователя в принятии создаваемого им впечатления. Следующие высказывания подростков отражают значение для них комментариев:

Это дает мне возможность узнать, что обо мне думают мои друзья, и, возможно, что-то изменить в себе. Возможность посмотреть на себя со стороны (девушка, 14 л.);

Я могу получать объективные мнения, в некоторых я действительно нуждаюсь!!! Все это может хорошо контролировать мою деятельность или давать новые знания! (девушка, 16 л.).

Управление стилем разыгрываемого гендерного перформанса во многом обусловлено использованием таких опций сайта, как «стена», «статусы», возможность заимствований и публикации новой информации. Обращение к данным мультимедийным функциям социальной сети зависит в основном от интенсивности посещения сайта подростком, его общей значимости и во многом связано с информированием аудитории о новом событии в жизни юноши или девушки, с выражением настроения, мыслей и чувств, публичной перепиской и выкладыванием заинтересовавших новостей, шуток, а также картинок, видео- и аудиозаписей, нередко заимствованных у других пользователей или из онлайн-сообществ. Все это, особенно копирование чужой информации на свою страницу, является важнейшим инструментом конструирования виртуальной идентичности, которая принимает характер социально одобряемой или желательной идентичности в кругу сверстников. Следующие высказывания подростков, обративших внимание на перформативную природу социальной сети, говорят об умышленном и осознанном выборе способов создания виртуального образа:

Я считаю, что сейчас смотреть на аватар глупо <...> нужно общаться с человеком вживую больше, а не ВКонтакте <...> ведь больше половины как бы в масках <...> и в Интернете могут быть не самими собой (юноша, 14 л.);

Я сама выбираю, с кем и какого пола общаться <...> я личина странная, так что и девушкой могу побыть, и парнем... (девушка, 14 л.).

Результаты исследования можно изложить в четырех пунктах.

1. Социальная сеть действительно представляет собой площадку для управления впечатлением других, разыгрывания перформанса, в том числе и гендерного, которое возможно лишь с помощью таких ресурсов или системы социальных значений сайта, как коммуникация, использование фотографий, возможность комментирования и оценивания, а индивидуальные настройки приватности, создание границ для аудитории подчеркивают тождественность данных практик границам выбранной системы социальной сети, что верифицирует сформулированное определение виртуальной идентичности.

2. В каждом случае конструирования гендерной идентичности на сайте и использования гендерных маркеров своей страницы точкой отсчета подростков были их представления и убеждения о современных гендерных стереотипах и ролях, о соответствующих их гендеру ожиданиях со стороны других пользователей и т. п., что подтверждает сформулированное определение виртуальной гендерной идентичности.

3. Благодаря различным опциям сайта подростки заявляют о себе как о разностороннем человеке, указывая различные направления своей деятельности, начиная от ученика, спортсмена и музыканта, заканчивая описанием себя как сторонника определенного политического устройства или религии. Но в каждом случае юноши и девушки конструируют такой образ, который будет интересен и желателен подразумеваемой аудитории, одобряем ею. Конечно, встречаются исключения, но они лишь подтверждают общее правило. Таким

образом, подростки в социальной сети «ВКонтакте» стремятся создать свою социально желаемую виртуальную гендерную идентичность.

4. Поскольку виртуальная гендерная идентичность социально желательна, логично предположить, что и самопрезентация на страницах сайта будет иметь традиционно гендерную коннотацию. Однако данное утверждение характерно лишь для особенностей композиции аватаров и выбора онлайн-сообществ, которые действительно имеют гендерную специфику. Следовательно, способами выражения собственной гендерной идентичности подростков в социальной сети стали наиболее наблюдаемые опции сайта: 1) аватары и возникающее одобрение противоположности мужских и женских символических значений презентации как следствие наблюдения за гендерными особенностями композиции главных фотографий профилей; 2) подписки на публичные страницы и онлайн-сообщества. Вопреки значимости для подростков личной информации на сайте, цитат, стены и статусов данные мультимедийные функции социальной сети практически не имеют ключевого значения при выражении собственной гендерной идентичности.

Библиографический список

1. Барчунова Т. В. Перформативная концепция гендера // Слов. гендерных терминов. М. : Информация XXI век, 2002. 256 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск : ПроPILEI, 2000. Гл. 1 : Субъекты пола/гендера/желания. С. 297—347.
3. Белинская Е. П. Интернет и идентификационные структуры личности. URL: <http://cyberpsy.ru/2011/02/belinskaya-e-p-internet-i-identifikacionnye-struktury-lichnosti/> (дата обращения: 13.08.2012).
4. Горошко Е. И. Интернет-коммуникации в гендерном измерении // Вестн. Пермского ун-та. Пермь, 2006. Вып. 3 : Язык — культура — цивилизация. С. 219—229.
5. Горошко Е. И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков : ФЛП Либуркина Л. М., 2009. 816 с.
6. Горошко Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филол. заметки / Пермский гос. ун-т. Пермь ; Скопье ; Люблина ; Загреб, 2009. Вып. 7, ч. 2. С. 93—105.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
8. Епанова Ю. В. Интернет-репрезентация идентичности в контексте перформативной теории Дж. Батлер // Вестн. СамГУ. 2009. № 1. С. 87—92.
9. Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 199 с.
10. Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Психология жителей Интернета. М. : ЛКИ, 2008. 224 с.
11. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 222—224.
12. Митина О. В., Войскунский А. Е. Интернет в гендерном измерении // Введение в гендерные исследования. М. : Аспект-Пресс, 2005. С. 204—216.
13. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // О структуре социального действия. М. : Академ. проект, 2000. С. 280—310.
14. Черняева К. О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. 141 с.

15. *Шюц А.* Основной аргумент «Идей II» Гуссерля // Смысловая структура повседневного мира. М. : Обществ. мнение, 2003. С. 10—34.
16. *Butler J.* Gender Trouble : Feminism and Subversion of Identity. New York ; London : Routledge Classics, 2006. 236 p.
17. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity : Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
18. *Pempek A. T., Yermolayeva Ye. A., Calvert S. L.* College students' social networking experiences on Facebook // J. of Applied Developmental Psychology. Vol. 30 (2009). P. 227—238.
19. Self-presentation and Gender on MySpace / A. Manago, M. Graham, P. Greenfield, G. Salimkhan // J. of Applied Developmental Psychology. Vol. 29 (2008). P. 446—458.
20. *Turkle S.* What Are We Thinking about When We Are Thinking about Computers? URL: http://web.mit.edu/sturkle/www/routledge_reader.html (дата обращения: 13.08.2012).
21. *Zao Sh., Grasmuck Sh., Martin J.* Identity construction on facebook: digital empowerment and anchored relationships // Computers in Human Behavior. Vol. 24 (2008). P. 1816—1836.

ГЕНДЕРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

ББК 60.542.22

О. В. Рябов

«МИСТЕР ДЖОН ЛАНКАСТЕР ПЕК»: АМЕРИКАНСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946—1963)

Одним из заметных явлений творчества Владимира Высоцкого 1960-х стала песня «Пародия на плохой детектив» (1967) [6, с. 75—76]. Ее главный герой, шпион, который намеревался устроить диверсию в СССР, но был обезврежен контрразведкой, носит псевдоним «Мистер Джон Ланкастер Пек», в котором несложно расшифровать имена трех голливудских звезд — Джона Вэйна, Берта Ланкастера и Грегори Пека. Эти актеры стали своеобразной визитной карточкой американской маскулинности холодной войны, поскольку при всей разнице их политических взглядов они активно снимались в фильмах, посвященных послевоенной конфронтации: «Большой Джим Маклейн» («Big Jim McLain», реж. Э. Людвиг, 1952), «Ночные люди» («Night People», реж. Н. Джонсон, 1954), «Семь дней в мае» («Seven Days in May», реж. Дж. Франкенхаймер, 1964) и др.

Высоцкий, разумеется, здесь иронизирует по поводу штампов советской пропаганды¹, между тем для бойцов идеологического фронта кинообразы Голливуда нередко являлись головной болью. Голливуд в период холодной войны — это фабрика не только грез, но и культурного доминирования² (и, по оценке режиссера Г. Александрова, «новое оружие идеологической экспансии американского империализма» [1, с. 47]). Фильмы играли огромную роль в распространении ценностей американизма и в Америке, и во всем мире, проникая за «железный занавес». Перед контрпропагандой стояла задача бороться с «мягкой силой» США, и кинематограф активно участвовал в создании альтернативных картин американской действительности, включая и образы маскулинности. В создании кинорепрезентаций американской маскулинности были задействованы ведущие режиссеры: Г. Александров, М. Ромм, А. Довженко, М. Калатозов, а в образах американцев советский зритель видел популярных актеров: Ивана Любезнова и Павла Кадочникова, Ростислава Плятта и Георгия Миллера, Валентина Зубкова и Георгия Вицина, Юрия Яковлева и Михаила Козакова. Статья посвящена анализу репрезентаций американской маскулинности советским кинематографом холодной войны.

© Рябов О. В., 2012

¹ Отметим еще один пример такой киноиронии, появившийся в эти годы, — анимационный фильм «Шпионские страсти» (реж. Е. Гамбург, 1967).

² О вовлечении Голливуда в конфронтацию холодной войны см.: [48].

Образы маскулинности, своей и чужой, занимают исключительное место в пропаганде любой войны, в том числе и холодной. Как отмечает С. Энлоз, послевоенная конфронтация представляла собой множество поединков за определение маскулинности и фемининности [35, р. 18—19]. Действительно, гендерный дискурс был полем жесткой борьбы, когда аудитории навязывались представления о том, какие модели мужского и женского поведения являются эталонными, а какие — девиантными.

Р. Коннел, анализируя иерархические отношения между различными типами маскулинности, отмечает, что киноактеры часто играют роль икон гегемонной маскулинности (цит. по: [21, с. 312]). Это справедливо и для послевоенного кинематографа, который был одним из основных театров боевых действий холодной войны. Послевоенная конфронтация стала уникальным событием в мировой истории во многом благодаря важнейшей роли в ней культуры, что убедительно показано в работах, выполненных в рамках «культурного поворота» в исследованиях холодной войны [38, 41]. С одной стороны, культура активно воздействовала на международные отношения. С другой — игнорируя контекст противостояния двух сверхдержав, сложно понять многие явления культурной жизни той эпохи, будь то рок-н-ролл или кукла Барби, космическая гонка или хоккей.

Образ капиталистического окружения всегда играл важнейшую роль в советской идентичности. Пропаганда строилась на контрасте Своих и Чужих; последние олицетворяли прошлое, реакцию, историческую обреченность, войну, эксплуатацию, бесчеловечность. Противостояние западному миру в исследуемый период обретает более жесткие формы; СССР превращается во Врага № 1. Угроза ядерной войны и взаимного уничтожения становится вполне реальной. Советская пропаганда (как, впрочем, и американская) была построена на постоянном подчеркивании собственного превосходства и недостатков Чужих. В термине «железный занавес» получила выражение не только непроницаемость границ с Чужими, характерная для эпохи, но и черно-белая картина мира. В годы холодной войны главным Чужим стал американский империализм. Его критика, прошедшая в своем развитии ряд этапов, особенно активизировалась после появления «Плана мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (1949). Документ требовал активизировать контрпропаганду, в том числе «чаще и шире демонстрировать имеющиеся кинофильмы на антиамериканские темы» [12, с. 323]. Особое внимание в пропагандистской работе рекомендовалось уделять ряду аспектов образа главного Врага, среди которых был и такой, как «проповедь аморализма и звериной психологии в США» [12, с. 322]. Тезис о моральном упадке западного мира был одним из важнейших положений советской идеологии, и перед кинематографом стояла двуединая задача: показывать высокий моральный облик советского человека и разоблачать тлетворную моральную основу буржуазного общества [4, с. 2, 3].

В СССР часто цитировали слова Сталина о том, что «кино в руках Советской власти представляет огромную, неоценимую силу» [27]. Отражением таких воззрений вождя стало образование в 1946 г. отдельного Министерства кинематографии СССР. Роль кинематографа особенно возросла в

тот период, когда соперником стал Голливуд. В статье «Передовой отряд мирового киноискусства» говорилось: «Два кинематографа столкнулись на мировом экране, диаметрально противоположных по своему идейному и стилевому направлению. Это кинематограф Америки и кинематограф Советского Союза» [13, с. 13].

В условиях жесткого противостояния двух кинематографов повышалась роль бойцов идеологического фронта; вне идеологической конфронтации оставаться было невозможно. Подозрения в сходстве с буржуазным киноискусством могли иметь для работника кино самые серьезные последствия. Так, в статье министра кинематографии И. Большакова указывалось, что «имеет место среди известной части киноработников преклонение перед буржуазным киноискусством и его отдельными деятелями. Это выражается в некритическом восхвалении <...> заимствовании режиссерских и драматургических приемов» [4, с. 2]. Партия и государство использовали различные формы контроля за киноиндустрией, включая совещания Оргбюро ЦК, посвященные кинематографу, постановления ЦК, передовицы в центральных газетах; управление осуществлялось при помощи таких структур, как Отдел культуры и Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, Комитет по кинематографии (до 1953 г. — Министерство), Союз кинематографистов (с 1957 г.), КГБ (до 1954 г. — МГБ) [9, с. 69]. Кроме того, был и контроль «снизу»: зрители имели возможность обратиться в соответствующие структуры, зная, что их мнение может быть учтено (если, разумеется, оно не противоречило «основам основ») [3, с. 852]. Четко отделить «хорошее» от «плохого» помогала и прокатная политика. Скажем, требуя вырезать «пошлые сцены» из зарубежных фильмов, она определяла границу дозволенного и для создателей советских фильмов [26, с. 803, 805].

Фактором, обуславливающим интерес военной пропаганды к гендерному дискурсу, служит его связь с отношениями власти и подчинения. Иерархические отношения между полами и внутри полов служат в качестве своеобразной матрицы, легитимирующей иные виды социального неравенства (см. подробнее: [20]). Поскольку гендерный дискурс используется для обозначения доминирования, постольку соперничество в силе в международных отношениях принимает форму соревнования в маскулинности. Эта маскулинизация репрезентаций международных отношений получила отражение, в частности, в широком использовании сексуальных образов и метафор в дискурсе холодной войны³. В этой связи показательны слова генерального секретаря Союза писателей А. Фадеева. Как сообщает один из информаторов МГБ (декабрь 1947 г.), писатель «любит говорить, что война показала, что и у русского народа есть половой орган» (см.: [30, с. 82]). Иначе, победа в Великой Отечественной войне интерпретировалась не только в качестве доказательства преимуществ социалистической системы над капиталистической или русскости над немецкостью, но и как свидетельство превосходства русской маскулинности над немецкой (и

³ Скажем, политика американского руководства во второй половине 70-х гг. в США получала и такие оценки: «При Картере Америка раздвинула ноги перед Советским Союзом» (см.: [33, р. 236]).

шире — западной). В советской пропаганде гендерная проблематика исчерпывалась по преимуществу женским вопросом, который занимал важное место в марксистской идеологии⁴. В основе образов социалистической и буржуазной женственности лежала критика Ф. Энгельсом буржуазной семьи. Образы советской и западной, в первую очередь американской, женщин были детально разработаны в многочисленных книгах и статьях советских пропагандистов. Что же касается образа мужчины, то, как правило, он отождествлялся с образом нового советского человека. Тем не менее ведущие тенденции репрезентаций американской маскулинности достаточно отчетливо проявляют себя в разных видах пропаганды, включая кино.

Режиссеры применяли разнообразные приемы демонстрации превосходства советской маскулинности. Главный критерий превосходства в войне, пусть и в холодной, — это победа в поединках, будь то спорт, драка или военное столкновение. Фильмы (например, «Первая перчатка», реж. А. Фролов, 1946) показывали победы советских спортсменов над американскими. Победоносная драка была обязательным компонентом приключенческого фильма («Над Тиссой», реж. Д. Васильев, 1958). Наконец, в фильмах есть и сцены столкновений между регулярными воинскими соединениями, в которых Свои, при помощи современного оружия, одерживают безоговорочную победу («Голубая стрела», реж. Л. Эстрин, 1958).

Ил. 1. Кадр из фильма «713-й просит посадку»

Подчеркнем, что дискредитация маскулинности военных Врага занимает в пропаганде особое место. В этом плане представляет интерес образ морского пехотинца, созданный Высоцким в фильме «713-й просит посадку» (реж. Г. Никулин, 1962). В американской культуре холодной войны морской пехотинец служил воплощением эталона маскулинности. Однако герой Высоцкого хрестоматиен в своем соответствии карикатурному образу «американской военщины». Он ведет себя вызывающе (пристает к девушке, задирает пассажира самолета, выступает инициатором линчевания одного из них), однако в ситуации опасности оказывается трусом и устраивает истерику (ил. 1).

О недостатке мужских качеств в фильмах призвано свидетельствовать и излишнее внимание к собственной внешности — господин Эдлай Скотт из комедии «Русский сувенир» (реж. Г. Александров, 1960) прихорашивается перед зеркалом. Другой прием демаскулинизации — показ американцев как злоупотребляющих аксессуарами: так, все сотрудники посольства США в фильме «Прощай, Америка!» (реж. А. Довженко, 1951) носят галстуки немислимо ярких расцветок (ил. 2). Заметим, что именно такого рода галстуки — преслову-

⁴ В частности, в «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» (документ Агитпропа от 18 апреля 1947 г.) подчеркивалось, что советские люди «разбили гнусные утверждения эксплуататоров <...> о невозможности привлечения к активному строительству общественной жизни половины человеческого рода — женщин» [11, с. 110].

тый «пожар в джунглях» — в эти годы служили знаком внутренней инаковости, будучи атрибутом изображения стилига (Гера Гражданкин в «Аттестате зрелости», реж. Т. Лукашевич, 1954).

Ил. 2. Кадр из фильма «Прощай, Америка!»

Противоположным канонам советской мужественности представлено и отношение американцев к любви и браку, главным мотивом вступления в который является коммерческий расчет [15, с. 180—181]. Так, Джек Гульд в фильме «Русский вопрос» (реж. М. Ромм, 1948) откровенно говорит, что женился исключительно из-за денег на «очень некрасивой, но очень богатой невесте». Кроме того, индивидуальные предпочтения и не могут быть реализованы в американском обществе из-за социальных барьеров [15, с. 180]. Вообще говоря, трагизм любви в буржуазном обществе — одна из важных тем советской пропаганды, нашедшая отражение во многих фильмах этого периода (например, «Человек-амфибия», реж. В. Чеботарев и Г. Казанский, 1961).

Ил. 3. Кадр из фильма «Русский сувенир»

Необходимо подчеркнуть, что пропаганда должна была не просто показать девиантность американской маскулинности, но продемонстрировать ее закономерный характер, т. е. обнаружить ее обусловленность самой природой капиталистического общества. Маскулинность является отражением общественно-экономических отношений, в основе которых лежит индивидуализм. В этом смысле и американские мужчины — жертвы капиталистической системы; по этой причине деформации маскулинности в Америке иногда представлены даже с сочувствием. В «Русском сувенире» журналист Гомер Джонс воплощает подавленную маскулинность обычного американца. Он влюбляется в советскую женщину Варвару; однако Скотт⁵, его соперник, гово-

⁵ Выбор фамилий персонажам художественных произведений, как правило, не случаен, поэтому заслуживает внимания популярность фамилии «Скотт» у героев (точнее, антигероев) кинокартин. Отметим также, что одного из главных злодеев «Встречи

рит ей: «Вам не имеет смысла иметь дело с Гомером. У него нет денег. Он не сможет сделать Вас счастливой». Александров в комментариях к сценарию фильма так охарактеризовал основное правило Скотта: «На деньги можно купить все: честь, совесть, невинность, любовь — дело только в цене» [2, с. 54]. Пьянство — это все, что остается Гомеру в подобной ситуации (ил. 3).

Отчуждение и одиночество американских мужчин является главной темой фильма «Последний дюйм» (реж. Т. Вульфович, Н. Курихин, 1958), экранизации рассказа Дж. Олдриджа. Это отчуждение символизирует история американского пилота Бена Энсли (ил. 4): единственный человек, на которого он может рассчитывать в своей жизни, — его сын Дэви. Действительно, у кинематографических американцев нет ни друзей, ни коллектива, которые могли бы подставить плечо в трудную минуту. Один из кинокритиков пишет, что индивидуализм Бена — это не вина его, а беда; ответственность возлагается автором на сам американский образ жизни, который превращает хорошего человека в одинокого и озлобленного волка [5, с. 16]. Фильм примечателен и попыткой выразить специфический характер американской маскулинности при помощи музыки, в частности известной песни, лейтмотивом которой проходят такие слова: «Какое мне дело до всех до вас, / А вам до меня».

Ил. 4. Кадр из фильма «Последний дюйм»

Помимо марксистской критики буржуазного гендерного порядка, репрезентации американской маскулинности имели другой источник — образ западной мужественности, противопоставленный русскому мужеству [16]. В частности, важное место в национальной мифологии занимает оппозиция «русский богатырь — западный рыцарь». Постулируется, что если западной маскулинности присущ внешний лоск, за которым скрываются эгоизм и гордыня, а иногда и отсутствие подлинного мужества, то для русской — при внешней неброскости, смирении, скромности — характерны подлинная стойкость, товарищество и патриотизм. Об использовании данного противопоставления в политиках современного национализма и легитимации политической системы в России см: [24]. Окарикатуренным примером западной маскулинности выступает образ заморского укротителя из комедии «Полосатый рейс» (реж. В. Фетин, 1961). Его вызывают для спасения экипажа советского судна, перевозившего

на Эльбе» (реж. Г. Александров, 1949) зовут «Макдермот». Ну, а советским детям наверняка запомнилась обращенная к шпиону фраза «Вы этого от меня никогда не добьетесь, гражданин Гадюкин!» из экранизации «Денискиных рассказов» («Где это видно, где это слыхано», реж. В. Горлов, 1973).

тигров, которые оказались на свободе. Вначале тот заявляет: «Я есть всемирно-знаменитый <...> дрессировщик Чоколани. Где есть тигр! Я его буду кратить! Оля-ля ле! Ха! Ха!» Однако его самоуверенность быстро улетучилась, и он обратился в бегство. Неким способом символической демаскулинизации такого иностранного героя стала сцена, в которой тигр стаскивает роскошные белые лосины с умирающего от страха «рыцаря».

Апелляция к национальным канонам проявляется и в таком не совсем обычном способе демонстрации маскулинности, как умение пить. Во «Встрече на Эльбе» майор Кузьмин наносит визит американскому бомонду и приносит бутылку «Зверобоя». В то время как американских офицеров сибирская водка валит с ног, Кузьмин остается трезвым. Впоследствии умение пить как знак превосходства национальной мужественности над западной было использовано в картине С. Бондарчука «Судьба человека» (1959).

В пропаганде маскулинность Врага репрезентируется не только как недостаточная, но и избыточная: и то и другое маркируется как девиантное, свидетельствующее о ненормальности гендерного и социального строя. В кинематографе использовались такие приемы наделения американцев гипермаскулинными чертами, как культ силы, агрессия, роботоподобность, отсутствие эмоций.

Подобные представления о западной маскулинности включаются в обвинения Голливуда. Статья Г. Рошалья — режиссера, разоблачающего космополитизм в фильмах «Академик Иван Павлов» (1949) и «Суд сумасшедших» (1961), — представляет интерес как образец критики американского (а точнее, голливудского) понимания маскулинности. Автор так описывает американскую мужественность в кино: «Он [западный герой] очень обаятелен <...> Он простоват, грубоват, но за всем этим у него доброе сердце. Он может быть даже сентиментальным. Его любят девушки». Но это только на первый взгляд; в действительности это «бестиальная личность, шагающая по чужим неудачам». «Этот милый простак исповедует только одну религию — религию острого локтя и стального кулака. Это называется инициативой, личной удачей, умением постоять за себя. Это *достойно мужчины*» (курсив мой. — О. Р.) [14, с. 30]. Такая маскулинность объявляется автором, во-первых, гангстерской и, во-вторых, империалистической [14, с. 31]. Не ограничиваясь этим, Г. Рошаль проводит параллели с маскулинностью фашизма и фактически возлагает часть ответственности за преступления нацистов на Голливуд, напоминая о том, что «Гитлер не вылезал из кино, где демонстрировались американские фильмы» [там же].

Следует оговориться: вопрос о родстве с фашизмом своего оппонента занимал очень важное место в пропаганде обоих главных участников холодной войны, что позволяло обеспечивать эссенциализацию вражды, репрезентируя нынешнего Врага в качестве некой эманации Вечного Врага, Врага на все времена. В репрезентациях американского империализма пропагандисты активно использовали традиции изображения Врага № 1 предыдущей эпохи (см.: [30, с. 65]).

В «Русском вопросе» иллюстрацией этого тезиса становятся слова Джека Гульда: «Немцы ошиблись только в одном: они считали высшей расой себя. А

высшая раса — это мы, англосаксы»⁶. Близость американского империализма с фашизмом отмечали и в кинокритике [25, с. 22]. Сюжет фильма «У них есть Родина» (реж. В. Легошин, А. Файнциммер, 1950) развивается вокруг сиротского приюта в Западной Германии, где находятся советские дети, насильственно увезенные с Родины в годы Великой Отечественной войны. Западные разведчики курируют приют, поскольку хотят вырастить из них пушечное мясо для новой войны. «Прямым наследником немецких фашистов» критик И. Кокорева называет капитана, который также носит фамилию Скотт; его цель, по ее словам, превратить советских детей в «настоящих мужчин, способных на все» [8, с. 30]. Очевидно, слова «настоящие мужчины» в данном контексте призваны выразить иронию по поводу голливудского концепта маскулинности — не удивительно, что применительно к советским мужчинам такого рода определения кинокритика не использовала.

В кинофильмах представлены различные типы американской маскулинности: военные и политики, шпионы и капиталисты, священники и гангстеры, ку-клукс-клановцы и продажные журналисты. Особое значение имеет образ ковбоя как квинтэссенции американскости. Еще в 1946 г., на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), посвященном кинофильму «Большая жизнь», которое сыграло важную роль в определении советской политики в сфере киноискусства, А. Жданов заметил: «Возьмите <...> ковбойские фильмы, где такое содержание; два дилижанса, два бандита, три шерифа, три судьи <...> Судья и шериф, вообще говоря, не то пособники, не то лучшие друзья бандитов <...> Где здесь цивилизация?» [7, с. 725]. Советский взгляд на ковбоя получил отражение в киноновелле «Дороги, которые мы выбираем» из фильма «Деловые люди» (реж. Л. Гайдай, 1962). Акула Додсон, автор сакраментальной фразы «Боливар не выдержит двоих», показан как некий прообраз американского бизнесмена — эгоистичного холодного убийцы (ил. 5)⁷.

Фильм «Деловые люди» примечателен и образом Джонни Дорсета, юного американца из киноновеллы «Вождь краснокожих» (ил. 6). Едва ли этот образ воспринимается сейчас в качестве пропагандистского продукта; между тем он полностью соответствует известному клише советской эпохи «Два мира — два детства». Девиантность поведения американских детей, их склонность к насилию удивления у зрителя не вызывает. С одной стороны, дети изображаются как жертвы американского общества; «растление детей буржуазной культурой» являлось одной из тем арсенала бойцов идеологического фронта (см., например: [32, с. 4]; подробнее см.: [15, с. 183—184]). С другой стороны, из таких безжалостных, верящих только в насилие сорванцов вырастают американские

⁶ О том, какую роль в создании кинорепрезентаций американского врага играла идея связи США и нацистов, см.: [29, с. 100].

⁷ Заслуживает внимания и тот факт, что в фильмах второй половины 1960-х этим маркером обозначались отрицательные персонажи советского общества (например, «Акваланги на дне» (реж. Е. Шерстобитов, 1965), «Обвиняются в убийстве» (реж. Б. Волчек, 1969): их «ковбойскостью», влиянием чуждой идеологии объяснялось их антиобщественное или преступное поведение. В мультфильме «Шпионские страсти» и этот момент стал предметом иронии авторов: «стиляга и тунядец» Вольдемар Колычев, которого завербовали иностранные шпионы, носит ковбойскую шляпу...

Ил. 5—6. Кадр и плакат фильма «Деловые люди»

солдаты. Советская пропаганда призывала не терять бдительности, демонстрируя, как Враг готовит себе смену [15, с. 184—185].

Традиционным для мобилизационной пропаганды приемом являются репрезентации Врага как сексуального агрессора. Создание картин страданий женщин, их унижения, бесчестья и особенно сексуального насилия над ними представляет собой распространенную дискурсивную практику конструирования Врага [42]. Женские тела выступают в роли «символических пограничников», маркируя пространство коллективной собственности нации [19]. Апелляция к гендерной идентичности становится тем орудием, при помощи которого мужчин заставляют воевать [37, р. 252; 49, р. 15]). Образ Врага-насильника широко использовался в американской пропаганде холодной войны [47, р. 193]. Что же касается советской культуры, то это было достаточной редкостью по причине табуированности такого рода сцен. Приведу в качестве примера описание поведения американских солдат во время Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке 1918—1922 гг. из книги «Звериный облик американско-английского империализма», изданной Министерством государственной безопасности: «Американцы, как звери, набрасывались на женщин и девушек, устраивали на них форменные облавы. Интервенты насильовали их, закрывали в товарные вагоны, которые прицепляли к паровозу. И потом на полном ходу выбрасывали. Около станции Заиграево было найдено несколько десятков изувеченных до неузнаваемости женских трупов. Как оказалось, интервенты изнасиловали женщин, убили их, а после надругались над трупами» [10, с. 88].

Сексуальность Врага как угроза нации в дискурсе холодной войны проявляется в форме не только изнасилования, но и соблазнения. «Медовая ловушка» лежала в основе сюжетов многих американских фильмов [40, р. 9]. Идея о том, что в руках классового врага соблазнение превращается в серьезное оружие, находит отражение уже в первых советских картинах [43, р. 109]. В кинематографе холодной войны этот мотив был выражен в первую очередь в женских образах из «Тени у пирса» (реж. М. Винярский, 1955), «Голубой стрелы» и особенно «Случая с ефрейтором Кочетковым» (реж. А. Разумный, 1955); однако в роли соблазнителя успешно выступали и мужчины (например, американский шпион Ральф Кларк в фильме «Над Тиссой», кстати, одном из лидеров кинопроката рассматриваемой эпохи) [31]. Разумеется, как только раскрывает-

ся, что предмет симпатий — это враг советской Родины, то чары развеиваются. В целом советские женщины безоговорочно признают превосходство советских мужчин над западными.

Для конфронтации в холодной войне было значимо, чтобы это превосходство признавали и женщины Врага. «Лав сториз», где Он представляет Своих, а Она — Чужих, были очень популярны в Голливуде в исследуемый период; этот сюжет позволял подчеркнуть превосходство собственной маскулинности и демаскулинировать Врага. Канон был создан в оscarоносной «Нинотчке» («Ninotchka», реж. Э. Любич, 1939) и затем воспроизведен во многих фильмах [46, 39, 45, 18]. Зеркальный сюжет — нечто вроде «from America with love» — в советском кинематографе был реализован еще в 1936 г., в комедии Александра «Цирк». Советский образ жизни и советская мужественность помогли актрисе Марион Диксон, ставшей в Америке жертвой расизма, не

Ил. 7. Кадр из фильма
«Встреча на Эльбе»

только встретить любовь, но и восстановить человеческое достоинство. В условиях холодной войны, когда браки с иностранцами были запрещены даже законодательно (1947—1953), киноистория любви в такой эксплицитной форме была едва ли возможна. Однако схожие дискурсивные практики можно увидеть во «Встрече на Эльбе». Джанет Шервуд, американская шпионка, роль которой исполнила Л. Орлова, с презрением говорит своему соотечественнику, майору Хиллу: «Я даже уважаю этого большевика, Кузьмина. Он <...>

настоящий мужчина. А Вы?!»⁸ Очевидно, то, что советский офицер Никита Кузьмин остается равнодушным к чарам американки и предпочитает ей любовь Веры, русской девушки с берегов Волги, позволяет зрителям верить и в превосходство советской женственности над американской (ил. 7).

Сама сущность советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным требовала, чтобы, помимо «плохих американцев», аудитория увидела и «хороших», в число которых определяли коммунистов, рабочий класс, борцов за мир, афроамериканцев, «простой народ» [30, с. 113]. Аналогичные идеи звучали и с киноэкрана. Так, майор Кузьмин говорит: «Мы любим Америку. Мы любим эту страну смелых и честных людей». Гарри Смит («Русский вопрос»), объявляя себя наследником Линкольна и Рузвельта, говорит о «двух разных Америках», о том, что его оппоненты — «поджигатели войны с Уолл-Стрита» — являются в то же время и врагами США. В соответствии с идеей двух разных Америк были представлены биографии героев фильмов и их социальное происхождение: например, в фильме «Прощай, Америка!» положительный персонаж, Арманд Хауорд, которого враги презрительно называют «рузвельтовский последыш», из простой семьи; Гарри Смит воевал против нацизма и встретил русских на Эльбе и т. д. В контексте моего исследования

⁸ Обратим внимание на еще один случай, когда выражение «настоящий мужчина» используется для создания кинематографического образа вражеского мира.

примечательно, что это две различные группы американцев и по отношению к гендерным нормам, причем «хорошие американцы» похожи на советских героев. Так, «хорошая американка» Мэг говорит о Гарри Смите, что таких мужчин не бросают, маркируя его как образец маскулинности. Вполне «по-советски» ведет себя Аллан О'Коннел, герой «Серебристой пыли» (реж. А. Роом, 1953): он не только демонстрирует политическую правильность, разоблачая поджигателей войны, но и заступает за Флосси Бейт (проститутку!) со словами: «А ну, прочь лапы! Ты разговариваешь с женщиной».

Подведем итоги. Образы Врага в советской и американской пропаганде были охарактеризованы как «зеркальные» еще в исследованиях 1960-х [36, р. 26]. Действительно, можно увидеть немало параллелей с тем, как Чужие репрезентировались в американском кинематографе [18]. Свои воплощали нормальную мужественность, Чужие — девиантную, которая проявлялась как в недостатке, так и в избытке маскулинных качеств. Образ маскулинности имел целью породить те же чувства, что и образ Врага в целом: убеждение в исторической обреченности противника, моральное негодование, уверенность в собственных силах и в то же время страх [17]. Кинематографические репрезентации американской маскулинности, призванные доказать неизбежность победы социализма, служили оружием холодной войны.

Вместе с тем были и различия, связанные прежде всего с особенностями политик идентичности двух сверхдержав. Что касается СССР, то приоритет классового принципа над национальным требовал, чтобы советская аудитория могла увидеть в фильмах и «хороших» американцев, которые позволяли надеяться на победу коммунизма в мировом масштабе. В свою очередь, кинозвезд также был обязан найти в советском обществе внутренних Чужих. Кинорепрезентации маскулинности внутренних Чужих — тема отдельного исследования;

Ил. 8. Кадр из фильма
«Голубая стрела»

здесь же лишь подчеркнем, что, с одной стороны, политические Чужие репрезентируются как ненормальные в гендерном отношении, с другой — советские люди, отклоняющиеся от гендерной нормы, объявляются реальными или потенциальными пособниками Врага. Так, лейтенант Дудник, персонаж из «Голубой стрелы», совершает самое тяжкое преступление — измену Родине, выдавая военную тайну понравившейся ему женщине, которая, конечно же, оказалась шпионкой (ил. 8). Гендерная девиация свидетельствует о политической; внебрачные отношения и измена Родине идут рука об руку. Когда же Дудник, пытаясь оправдаться, просит своего начальника понять его «как мужчина мужчину», генерал предельно ясно дает понять лейтенанту, что у них разные представления о мужественности.

У Высоцкого, подчеркнем, этот аспект репрезентаций внутренних Чужих обозначен: «мистер Джон Ланкастер Пек» пытается вербовать «гражданина Епифана», потому что, как казалось, тот «не знает меры в женщинах». «А за это, друг мой пьяный, — говорил он Епифану, — / Будут деньги, дом в Чикаго,

много женщин и машин...” / Враг не ведал, дурачина, — тот, кому все поручил он, / Был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин» [6, с. 76]. Как мы видим, соответствие канонам советской мужественности представлено поэтом в качестве гарантии политической благонадежности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что многие фильмы, анализируемые в статье, отнюдь не являются лишь достоянием истории. Сюжеты и образы кинематографической холодной войны используются в антиамериканизме постсоветской России, который активно эксплуатирует и гендерный дискурс [22; 23; 28; 44, р. 501; 34, chap. 8].

Библиографический список

1. Александров Г. Голливуд в наши дни // Искусство кино. 1951. № 3. С. 45—48.
2. Александров Г. Эскизы к будущему фильму // Искусство кино. 1957. № 8. С. 54—65.
3. Анонимное письмо в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) о пропаганде американского образа жизни через советский киноэкран // Кремлевский кинотеатр, 1928—1953 : документы / сост. К. Андерсон, Л. Максименков, Л. Кошелева, Л. Роговая. М. : РОССПЭН, 2005. С. 852—857.
4. Большаков И. Г. Год перестройки // Искусство кино. 1947. № 6. С. 1—3.
5. Виктор В. Олдридж или не Олдридж? // Искусство кино. 1959. № 10. С. 15—16.
6. Высоцкий В. С. Поэзия и проза. М. : Кн. палата, 1989. 448 с.
7. Жданов А. А. Стенограмма выступления на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» 9 августа 1946 г. // Кремлевский кинотеатр, 1928—1953 : документы. М. : РОССПЭН, 2005. С. 723—726.
8. Кокорева И. В защиту справедливости // Искусство кино. 1950. № 2. С. 29—32.
9. Колесникова А. Г. Игровой кинематограф середины 1950-х — середины 1980-х гг. как инструмент советской пропаганды: формирование и актуализация образа врага // Былые годы. 2011. № 1. С. 68—76.
10. О чудовищных зверствах американо-английских империалистов на Советском Дальнем Востоке : (по материалам окружных газет политотделов округов) // Звериный облик американо-английского империализма. М. : Политуправление погранвойск МГБ СССР, 1952. С. 77—91.
11. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма : документ Агитпропа, 18 апр. 1947 // Сталин и космополитизм, 1945—1953 : документы Агитпропа ЦК КПСС / под ред. Д. Г. Наджафова. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2005. С. 110—125.
12. План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время // Сталин и космополитизм, 1945—1953 : документы Агитпропа ЦК КПСС / под ред. Д. Г. Наджафова. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2005. С. 321—325.
13. Пудовкин В., Смирнова Е. Передовой отряд мирового киноискусства // Искусство кино. 1947. № 7. С. 11—14.
14. Рошаль Г. Герой стандартного голливудского фильма // Искусство кино. 1947. № 5. С. 30—31.
15. Рябов О. В. «Их нравы»: американская семья в зеркале советской пропаганды «холодной войны» // Семейные узы : модели для сборки / сост. и ред. С. Ушакин. М. : НЛЮ, 2004. Кн. 2. С. 173—187.
16. Рябов О. В. Национальная идентичность : гендерный аспект : (на материале русской историософии) : дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 300 с.
17. Рябов О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3/4. С. 19—28.

18. *Рябов О. В.* «Советский враг» в американском кинематографе холодной войны : гендерное измерение // *Женщина в российском обществе.* 2011. № 2. С. 20—30.
19. *Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // *Труды Карельского научного центра РАН.* 2011. № 6. С. 114—123.
20. *Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // *Женщина в российском обществе.* 2001. № 3/4. С. 3—12.
21. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // *Личность. Культура. Общество.* 2006. Т. 8, вып. 4. С. 307—320.
22. *Рябова Т. Б., Лямина А. А.* Антиамериканизм по-ивановски: к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов // *Женщина в российском обществе.* 2007. № 1. С. 50—57.
23. *Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма : (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе.* 2012. № 3. С. 21—35.
24. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // *Полит. исслед.* 2010. № 5. С. 48—63.
25. *Соловьев А.* Драматургия кинопроизведений, посвященных борьбе за мир // *Искусство кино.* 1951. № 2. С. 21—24.
26. Список заграничных кинофильмов для выпуска на закрытый и широкий экран, 27 авг. 1948 г. // *Кремлевский кинотеатр, 1928—1953 : документы.* М. : РОССПЭН, 2005. С. 801—806.
27. *Сталин И.* Письмо товарищу Шумяцкому // *Правда.* 1935. 11 янв.
28. *Тимофеев М. Ю.* Новый русский герой на randevу с Америкой : (этнокультурная семантика стереотипов маскулинности в фильме А. Балабанова «Брат-2») // *Женщина в российском обществе.* 2002. № 2/3. С. 56—62.
29. *Туровская М. И.* Фильмы «холодной войны» // *Искусство кино.* 1996. № 9. С. 98—106.
30. *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945—1954 гг. М. : ИРИ РАН, 1999. 261 с.
31. *Федоров А. В.* «Тайна двух океанов» — роман и его экранизация: возможности структурного анализа на медиаобразовательных занятиях // *Медиаобразование.* 2007. № 3. С. 17—27.
32. *Чуковский К.* Раствление американских детей // *Лит. газ.* 1949. № 83. С. 4.
33. *Cohn C.* Wars, wimps, and women: talking gender and thinking war // *Gendering War Talk / ed. by M. Cooke, A. Woollacott.* Princeton (NJ) : Princeton Univ. Press, 1993. P. 227—246.
34. *Condee N.* The Imperial Trace : Recent Russian Cinema. New York : Oxford Univ. Press, 2009. 360 p.
35. *Enloe C. H.* The Morning After : Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley : Univ. of California Press, 1993. 239 p.
36. *Frank J. D.* Sanity and Survival : Psychological Aspects of War and Peace. New York : Vintage Books, 1967. 331 p.
37. *Goldstein J. S.* War and Gender : How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge Univ. Press, 2001. 540 p.
38. *Griffith R.* The cultural turn in Cold War studies // *Rev. in American History.* 2001. Vol. 29, № 1. P. 150—157.
39. *Heller D.* A passion for extremes: Hollywood's Cold War romance with Russia // *Comparative American Studies.* 2005. Vol. 3, № 1. P. 89—110.
40. *Hendershot C.* Anti-Communism and Popular Culture in Mid-Century America. Jefferson (NC) : McFarland, 2003. 183 p.
41. *Johnston G.* Revisiting the cultural Cold War // *Social History.* 2010. Vol. 35, iss. 3. P. 290—307.

42. *Keen S.* Faces of the Enemy : Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco : Harper & Row, 1986. 200 p.
43. *Kenez P.* The picture of the Enemy in Stalinist films // *Insiders and Outsiders in Russian Cinema* / ed. by S. M. Norris, Z. M. Torlone. Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2008. P. 96—112.
44. *Larsen S.* National identity, cultural authority and the post-Soviet blockbuster : *Nikita Mikhailov and Aleksei Balabanov* // *Slavic Rev.* 2003. Vol. 62, № 3. P. 491—511.
45. *Laville H.* «Our country endangered by underwear»: fashion, femininity, and the seduction narrative in *Ninotchka* and *Silk Stockings* // *Diplomatic History.* 2006. Vol. 30, № 4. P. 623—644.
46. *Rogin M. P.* «Ronald Reagan», the Movie and Other Episodes in Political Demonology. Berkeley : Univ. of California Press, 1987. 366 p.
47. *Sharp J. P.* Condensing the Cold War : Reader's Digest and American Identity. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2000. 240 p.
48. *Shaw T.* Hollywood's Cold War. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2007. 336 p.
49. *Yuval-Davis N.* Gender and Nation. London : Thousand Oaks (CA) : Sage Publications, 1997. 168 p.

ББК 60.542.2

Л. В. Штылева

**ДЕТЕРМИНАНТЫ, ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ
ТРАНСФОРМАЦИЙ «ВОПРОСА ПОЛА»
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (XVIII — начало XXI в.)**

Педагогические взгляды на половые различия школьников в образовании представляют собой разнообразные интерпретации их предпосылок и значения в обучении и воспитании учащихся разного пола, выступают важным компонентом педагогической культуры каждой эпохи, обуславливают гендерный аспект социально-педагогического идеала образования [2, с. 14]. Они реализуются как непосредственно в учебно-воспитательном процессе, так и на институциональном уровне образования, характеризуются изменчивостью подходов.

Исследование развития педагогических взглядов на половые различия школьников в отечественном образовании в XVIII — начале XXI в. показало, что тенденции и закономерности изменений обусловлены не объективными переменами в природе пола, а развитием «знания пола», трансформациями социокультурных детерминант интерпретаций различий между женщинами и мужчинами, важнейшими из которых являются религиозно-философские и/или научные парадигмы пола, гендерная идеология российского общества и гендерная политика государства.

© Штылева Л. В., 2012

Окончание. Начало во втором номере.

Необходимо подчеркнуть, что основным объектом гендерной идеологии российского общества и гендерной политики государства, включая политику образования, в XVIII — начале XXI в. являлась женщина, проблема и мера ее эмансипации. Основными субъектами «знания пола», которые определяли взгляды на половые различия в образовании и педагогике XVIII — первой половины XIX в., выступали государство и церковь, со второй половины XIX и до начала XXI в. — государство, наука и общество (последнее составляют социально-политические, педагогические, феминистские и другие движения, а также видные деятели науки, искусства, литературы и политики).

В роли основного механизма перевода естественных различий между полами в социокультурные различия между мальчиками и девочками в образовании выступают когнитивные схемы познания на основе пола, сложившиеся в европейской философии и культуре: андроцентризм, гендерная поляризация и биологический эссенциализм [1, с. 33—34]. Они встроены в непрерывный процесс социального конструирования объективной и субъективной реальности, детерминируют гендерную идеологию общества, а также гендерные стратегии государства и личности в образовании.

В результате исследования трансформаций и взаимодействия этих факторов в XVIII — начале XXI в. вполне обоснованной представляется *периодизация* развития педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании, состоящая из четырех этапов:

— на первом этапе (XVIII — первая половина XIX в.) концепция биодетерминированного полоролевого подхода в образовании (Петр I, Ф. Прокопович, В. П. Татищев, С. Я. Десницкий, Ф. С. Салтыков, И. И. Бецкой, Екатерина II, И. Ф. Богданович, А. П. Куницын, А. А. Ширинский-Шихматов и др.) обусловлена андроцентричной идеологией традиционного российского общества, основанной на богословских идеях несовершенства женского рода и эссенциалистских представлениях о «естественном предназначении полов», парадигмой андроцентричного полоролевого подхода в западноевропейской философии и педагогике (Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фенелон, И. Г. Кампе и др.), патриархатным типом государственной гендерной политики, т. е. институциональным неравенством полов в семье и обществе;

— на втором этапе (вторая половина XIX — начало XX в.) предпосылками модернизации педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании (Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин, А. С. Воронов, Н. А. Вышнеградский, П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт и др.) стали переход от эссенциалистской к биоисторической концепции половых различий в философии, общественных науках и общественно-педагогическом дискурсе, противоречия между тенденцией либерализации гендерной идеологии российского общества (дискурс «женского вопроса») и консервативным курсом государственной гендерной политики царского правительства;

— на третьем этапе (1917—1992 гг.) неополоролевой подход в педагогике советского периода обусловлен стремительным переходом российского общества и государства от идеологии «естественного неравенства полов» к идеологии «равенства полов при социализме», сменой парадигмы пола в общественных науках с биоисторической на биосоциальную, что на деле означало сочетание во взглядах на проблему половых различий биологического эссенциализма с соци-

альным конструктивизмом государственных гендерных контрактов и латентной гендерной поляризацией социополовых ролей в семье и обществе;

— на современном этапе (1990-е — начало 2000-х гг.) развитие как биодетерминированных, так и социодетерминированных взглядов на половые различия школьников в образовании обусловлено фундаментальными трансформациями гендерной идеологии общества и гендерной политики государства, противоречиями между возрождением в обществе традиционной идеологии «естественного предназначения женщины» и одновременно неуклонной модернизацией канонов маскулинности и фемининности, структуры семьи и брака, противостоянием биодетерминированных и социодетерминированных парадигм пола в науках о человеке и обществе.

Развитию взглядов на половые различия школьников в отечественной педагогике XVIII — начала XXI в. присущи, с одной стороны, относительное постоянство, продуктивность, гуманистическая направленность. С другой стороны, процессу развития также присущи:

— неравномерность и недостаточная преемственность между отдельными этапами (к примеру, между разработкой взглядов на половые различия школьников в русской педагогике конца XIX в. и направлением «половое воспитание» в педагогике советского периода);

— периферийное положение проблематики половых различий в образовании на этапе педагогики коммунистического воспитания (1917—1992 гг.) и, как следствие, отсутствие современной концептуально обоснованной педагогической теории по данному вопросу;

— диалектические противоречия и борьба между биодетерминированными и социодетерминированными объяснительными концептами (усиление на рубеже XIX—XX вв. социодетерминированных подходов, а на рубеже XX—XXI вв. — тенденции к преобладанию биодетерминизма в педагогических взглядах на половые различия школьников в образовании).

Динамика и направленность развития педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании, как показало исследование, зависят не только от ключевых социокультурных предпосылок, но и от состояния самого педагогического сообщества: его просвещенности, активности и организованности, методологической согласованности позиций его членов, отношения к гуманистической идее гендерного равенства полов в семье и обществе и др. Под этим углом зрения четыре этапа развития, заявленные выше, характеризуются как:

1) репродуктивный, основным признаком которого является заимствование и освоение отечественной педагогикой полоролевых теорий и подходов западноевропейской науки и школьной практики;

2) инновационный, связанный с активным общественно-педагогическим движением 1860—1880-х гг. и разработкой оригинальных проектов модернизации образования на основе биоисторической трактовки межполовых различий, либеральной теории прав человека и идеи эмансипации женщины;

3) конформистский, когда идеологический контроль науки и практики образования со стороны тоталитарного государства обусловил остановку развития и регресс научно-педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании;

4) переходный, основными признаками которого являются усиление как консервативных, так и инновационных течений в педагогике, борьба между сторонниками био- и социодетерминированных концепций половых различий в образовании.

На относительно устойчивые направления в развитии педагогических взглядов по вопросу пола в образовании указывает выявление и изучение следующих *тенденций*:

— тенденция к постепенному ослаблению в XVIII—XX вв. когнитивных стратегий андроцентризма, гендерной поляризации и биологического эссенциализма, переход от биодетерминированных к социодетерминированным концепциям.

Она выражается в переходе от эссенциализма в педагогических интерпретациях половых различий между мальчиками и девочками в образовании XVIII — первой половины XIX в. к биоисторическому (А. А. Чумиков, Г. А. Щербатов, К. Д. Ушинский, А. С. Воронов, Н. А. Вышнеградский и др.), биосоциальному (П. Ф. Каптерев, В. Я. Стоюнин, Н. И. Пирогов, В. М. Бехтерев и др.) и социокультурному подходам в образовании и педагогике конца XIX — начала XX в. (П. Ф. Лесгафт, Н. А. Добролюбов, Е. И. Бочечкарова-Конради, А. С. Макаренко и др.), к пониманию необходимости рассматривать и предпосылки, и последствия различий между женщинами и мужчинами в широком историческом и культурном контексте;

— *тенденция полихронности, т. е. отображения в рамках педагогической культуры одного исторического периода как биодетерминированных, так и социодетерминированных взглядов.*

Так, во второй половине XIX в. — начале XX в. развивались как биодетерминированные теории половых различий в образовании (И. Ф. Богданович, Н. Г. Дебольский, В. П. Мещерский, А. А. Ширинский-Шихматов, Л. Н. Толстой и др.), так и биоисторические (К. Д. Ушинский, М. Л. Ларионов, Н. И. Пирогов, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Е. И. Бочечкарова-Конради, П. Ф. Каптерев, В. Я. Стоюнин и др.). На рубеже XX—XXI вв. развиваются как модернизированные полоролевые теории различий в обучении и воспитании школьников (Л. И. Столярчук, А. В. Мудрик, Л. Н. Тимощенко, А. Г. Хрипкина, Д. В. Колесов, В. Е. Каган, Д. С. Исаев, В. Д. Еремеева, Т. П. Хризман и др.), так и социодетерминированный гендерный подход (С. Л. Рыков, Е. Н. Каменская, И. С. Кон, И. В. Костикова, М. К. Уланова, И. Е. Евтушенко, Е. Р. Ярская-Смирнова, А. В. Смирнова, И. Я. Каплунович, Л. В. Попова, Н. К. Радина и др.);

— *тенденция к идеологизации и политизации, т. е. переводу взглядов из педагогической плоскости в плоскость идеологии и политики, обусловленная социально-конструктивистской природой вопроса пола в образовании. Наиболее ярко эта тенденция проявилась на втором и последующих этапах, в частности на современном — в связи с проблемой модернизации полового воспитания и просвещения школьников [3].*

Исследование факторов, этапов и тенденций развития педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании подводит нас к пониманию того, что *педагогическая культура каждой эпохи с необходимостью включает социально-педагогический идеал гендерной социализации мальчиков и*

девочек, отражающий педагогические взгляды на половые различия школьников, обусловленные, в свою очередь, гендерной идеологией общества и гендерной политикой государства, доминирующими канонами маскулинности и фемининности и др.

Исходя из понимания магистрального направления развития современного общества, принципов работы на равных и равной оплаты за равный труд, социально-педагогический идеал и стратегия российского образования в XXI в. должны ориентироваться на дальнейшее ослабление гендерной поляризации и сокращение гендерного разрыва в стратегиях самореализации выпускников. Из этого вытекает необходимость модернизации и развития педагогических взглядов на половые различия школьников в образовании, приведения их в соответствие с современным «знанием пола» и парадигмой личностно-ориентированного образования. Исследованием установлено, что *биодетерминированный полоролевой подход*, преобладающий в современном отечественном образовании и педагогике, не отвечает целям и задачам образования, ориентированного на воспитание самореализующейся личности, и не отражает ключевой парадигмы гендерных отношений в XXI в., основанной на идеях равенства полов в семье и обществе [4, 6].

Различия между полоролевым и гендерным подходами в современной педагогике состоят прежде всего в том, что традиционный *полоролевой подход*, основанный на переоценке биологических аспектов пола и недооценке социокультурного контекста, способствует утверждению и воспроизводству в образовании гендерных стереотипов, препятствует всестороннему раскрытию личностного потенциала как девочек, так и мальчиков, обуславливает существенные гендерные различия в целях и стратегиях самореализации выпускников. *Гендерный подход*, основанный на понимании социокультурных детерминант половых различий и влияния гендерных стереотипов в образовании, переносит акцент на развитие индивидуальности и гуманизацию гендерных аспектов учебно-воспитательного процесса, воспитание мальчиков и девочек в духе эгалитарных отношений между полами, ориентацию на максимальную самореализацию независимо от пола [5].

Библиографический список

1. *Бем С.* Линзы гендера : трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. *Видт И. Е.* Образование как феномен культуры : эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 50 с.
3. *Кон И. С.* Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Дубна : Феникс +, 2001. 320 с.
4. *Штылева Л. В.* Гендерные аспекты политики Российской Федерации в области образования (конец XX — начало XXI века) // *Женщина в российском обществе.* 2006. № 3. С. 61—71.
5. *Штылева Л. В.* Гендерный и квазигендерный подход в современных исследованиях по педагогике // *Женщина в российском обществе.* 2011. № 2. С. 62—69.
6. *Штылева Л. В.* Сущность полоролевого подхода в образовании // *Ярославский педагогический вестник.* 2011. № 2 : Психолого-педагогические науки. С. 260—262.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.561.28

З. З. Мухина

ВДОВА В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Вдовы представляли особую категорию женщин в крестьянском мире. Согласно О. М. Вербицкой, которая использовала материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., среди женского сельского населения вдовы составляли 7,8 %, замужние женщины — 40,1 %, при этом мужчин-вдовцов было 3,4 % [2, с. 65]. Б. Н. Миронов приводит данные по Европейской России, согласно которым вдовы в 1897 г. составляли 8 % сельского населения, доля мужчин-вдовцов была вдвое меньше — 4 % [10, с. 178]. Эти данные можно сравнить с результатами переписи по отдельным губерниям. Для сравнения мною были взяты две губернии Центрального промышленного района — Владимирская и Ярославская, а также находящаяся в Черноземье Орловская губерния. Во Владимирской губернии вдовы составляли 10,7 % женского населения [13, с. V—VI], в Ярославской — 12,3 % [15, с. VII], в Орловской — 9,7 % [14, с. VIII—IX].

Вдовство представляло заметное явление деревенской жизни, оказывавшее влияние на все ее стороны. Однако обобщающих этнографических работ, касающихся вдовства в переходный пореформенный период, крайне мало. Из работ последних десятилетий, дающих общую характеристику вдовства, отметим небольшие статьи А. В. Гуры и Г. И. Кабаковой [3], а также Н. Прокопьевой [16].

В настоящей работе делается попытка в некоторой степени восполнить указанный пробел, в особенности коснуться тех изменений, которые внесла в пореформенное время модернизация, затронувшая все стороны сельской общинной жизни. В основу положены сведения из недавно введенного в научный оборот многотомного издания «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева», географически охватывающие интересующий нас регион. На сегодняшний день это наиболее полный и систематический источник о жизни русских крестьян на рубеже веков.

Во всех славянских языках «вдова» (др.-русск. *вьдова, вьдова*; русск. *вдова, вдовка, вдовина*; польск. *wdowa*; чешск. *vdova*; словац. *vdova, vdovica*; сербск. *удовица*; болг. *вдовица*) означала жену, потерявшую мужа [34, с. 101—102; 4, с. 173]. Изменение семейного положения женщины после смерти мужа (переход в состояние вдовы) влекло за собой всеобъемлющее изменение ее статуса — в правовом, экономическом, социальном, ритуальном отношении. Это закономерным образом следовало из самого устройства традиционного крестьянского социума, где доминировали жесткие причинно-следственные связи:

© Мухина З. З., 2012

из изменения положения в каком-нибудь одном аспекте неизбежно следовало изменение во всем остальном.

В традиционном сознании особое значение имела актуализация понятия парности. Нечет, непарность нарушали гармонию мира, что находило и символическое выражение (например, при счете обхваченных колец в изгороди: «Вдовец, молодец, вдовец, молодец...») [3, с. 294]. Нарушение оппозиции «мужской — женский» влекло за собой нарушение установленного миропорядка, поэтому вдова считалась социально ущербной.

Вопрос о правовом положении вдовы требует специального изучения, поэтому данный аспект мною не рассматривался.

Положение вдов являлось двойственным в ритуальном отношении. С одной стороны, «вдовство» находилось в том же семантическом ряду, что и «холостой», «старая дева», «безбрачие», «сирота» [3, с. 294]. Из-за отсутствия пары вдовы считались социально ущербными, неполноценными членами общества, что проявлялось в ограничении их ритуальных функций. В то же время отсутствие половой жизни сближало положение вдов с положением невинных девушек и пожилых женщин, утративших способность к деторождению. Поэтому с вдовами ассоциировалась чистота, целомудренность, что вело к повышению их религиозного статуса. Такая двойственность находила многочисленные отражения в различных обрядах и символах. Замужним женщинам запрещалось заплетать одну косу, поскольку у нее была пара — муж. Существовал обряд, восходивший к языческим временам и совершавшийся в русских деревнях во время эпидемий для предохранения от проникновения опасных болезней (холера, сибирская язва и др.). Вдовы и девушки, собравшись в полночь за деревней, в одних рубашках, распустив волосы, впрягались в косулю (соху) и проводили борозду вокруг деревни, полагая, что опахивание явится защитой. У этого обряда имелись некоторые вариации в зависимости от локальных традиций [17, с. 232; 20, с. 320—321; 1, с. 269; 8, с. 217—218].

У вдовы было несколько альтернатив дальнейшего устройства своей жизни. При этом большое значение имело наличие у нее детей, ее возраст, каким она обладала имуществом и другие факторы.

Брачно-семейные отношения были системообразующими для всего крестьянского общества, женщина являлась его полноценным членом только при наличии у нее детей. Данный тезис представлял фундаментальное положение крестьянского миропонимания. Поэтому вдова, имевшая детей, и бездетная вдова в глазах крестьянского мира существенно различались. Конечно, этот фактор не был абсолютно доминирующим, на него накладывались другие факторы и местные обычаи, что делало картину сложной и расплывчатой.

Когда вдова являлась старшей женщиной в семье, она становилась хозяйкой дома (большухой) или же уходила жить отдельно, а сыновья выделяли ей содержание.

В большой неразделенной семье вдова могла оставаться в доме свекра. Ее жизнь в этом случае была незавидной, особенно при малых детях, а также в случае, если она была бездетной. Фактически она, не имея поддержки мужа, оказывалась одна в чужой семье. Такие случаи были редки, и вдову никто против ее желаний не имел права удерживать в доме свекра. Она должна была там

оставаться лишь до истечения сорока дней после смерти мужа, поскольку считалось грехом уходить из дома, где еще пребывала его душа [17, с. 216; 19, с. 326; 20, с. 432, 526; 21, с. 116; 1, с. 187; 24, с. 211]. В других случаях препятствием для ухода вдовы без согласия свекра могло быть наличие у нее детей [11, с. 289]. В некоторых регионах сноха по обычаю должна была оставаться в доме свекра, но этого часто не придерживались [17, с. 291; 24, с. 180]. Беременная вдова могла по собственной воле остаться в доме свекра, т. к. ее ребенок в этом случае приобретал некоторые права в семье ее покойного мужа [25, с. 364]. Отметим, что не всегда и не везде придерживались обычая не покидать дома свекра до истечения шести недель [17, с. 469; 25, с. 418]. Бывали случаи, когда вдова уходила, оставив у свекра детей: «Ушла, а ораву свою бросила; что тут делать с такой полохвой?» [20, с. 526].

Еще одна альтернатива, которая была у вдовы, — вернуться в дом родителей. Здесь ее статус не был однозначно определенным. Положение дочери-вдовы могло не отличаться от положения дочери-девушки, на них в одинаковой степени распространялась власть родителей, их могли отдать внаем и т. д. В других случаях эта власть оставалась чисто формальной, в действительности дочь-вдова была неподвластна ни отцу, ни матери, при ее неповиновении дело ограничивалось руганью и угрозами (Калужская губерния). Сельское общество на жизнь вдовы в семье родителей смотрело неодобрительно из-за отсутствия сдерживающей власти мужа и приобретенной относительной свободы [20, с. 445, 524; 21, с. 116, 121]. Оставшись в доме родителей, вдова должна была сама зарабатывать на содержание себе и детям. Такое чаще всего случалось, если не было детей мужского пола. При этом на нее нередко смотрели как на работницу, а не как на родную дочь (Ярославская губерния) [19, с. 325]. Описан случай, когда вдова с дочерью перешла жить к своему брату: ее жизнь со свекром и деверьями была невыносимо тяжелой, ей некуда было деваться и брат приютил ее [22, с. 47].

Чаще всего вдова старалась выйти замуж. К этому толкали в первую очередь экономические причины, бедность. Если даже вдова получала в свое распоряжение дом и хозяйство, далеко не всегда все это удавалось содержать в хорошем состоянии, особенно при малых детях. «У вдовы пашня не пахана; вдова пригон выгоняла — мосты мостит из калиновых досточек (калина — кустарник или небольшое дерево, из которого нельзя изготовить доски для моста. — *З. М.*), прибывает досточки еловыми шишками» [31, с. 379]. Считалось, что без твердой мужской руки вдова не может растить своих детей в полном соответствии с традиционным укладом: «Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери» [4, с. 173]. Имелось в виду, что из дочери вдовы не получится жены, какой она должна быть по крестьянским канонам. Ко вторичному замужеству подталкивали и физиологические потребности, а бывало, что свекор начинал ухаживать за молодой вдовой [20, с. 49, 51, 211; 21, с. 160; 25, с. 364, 418]. Брак допускался до трех раз, считали, что первый брак от Бога, второй — от людей, а вот третий брак был уже от дьявола, или ни от Бога, ни от людей [18, с. 455; 25, с. 418]. Любопытен рассказ о крестьянине из села Мышенка Епифанского уезда Тульской губернии, пожелавшем вступить в третий брак. Ему привиделось, что первая жена была в белом одеянии, у второй жены половина одежды

была белой, а другая половина — черной, у третьей жены вся одежда была черная, как уголь [25, с. 418]. Ко второму браку крестьянское общество относилось с сочувствием, если к нему побуждали хозяйственная необходимость, устройство детей. Но при отсутствии таких убедительных причин на повторные браки смотрели крайне отрицательно [17, с. 469; 18, с. 455; 19, с. 154; 23, с. 357], что имело свои корни в религиозных установках. Только безнадзорные дети могли служить некоторым оправданием появления хозяйки в доме вдовца. Крестьяне считали, что «если кто вступает во второй брак, тот, значит, негоден Богу; ему наказание послано от Бога. По Божьему повелению требуется, чтобы каждый всю жизнь прожил в первом законе, а ежели у тебя было два закона или три, то ты, значит, много согрешил перед Богом, и на Страшном суде за каждый лишний закон отвечать будешь» [19, с. 360]. В ходу была пословица: «Лучше семь раз гореть, чем один раз овдоветь» [там же].

Насколько неоднозначны были крестьянские представления, в том числе и о положении вдовы, показывает утверждение С. В. Максимова: «Стоит и в наши дни, у нас на Руси, поскучать молодой бабе по ушедшему на заработки мужу, в особенности же вдове по умершему, как бесы и готовы уже на утеху и на услужение <...> Входит бес во временную сделку с несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще с женщиной, допустившей себя до полного распутства» [7, с. 24—25]. Другими словами, уж лучше вдове выйти замуж, чем вести такую жизнь.

Необходимым условием вступления в брак было отсутствие родства, в противном случае брак считался недозволенным. По церковным законам запрещались браки между прямыми кровными родственниками и родственниками боковых линий до четвертой степени родства. Кроме того, препятствием для брака служило духовное родство — кумовство [12, с. 39—42]. Народный обычай ограничивал браки с приемышами, т. к. при этом нарушался установившийся семейный уклад. Например, препятствовали замужеству вдовы — хозяйки дома — с молодым приемышем, взятым в дом ее покойным мужем, поскольку в этом случае новый муж стал бы хозяином, а его жена перешла бы в его подчинение [9, с. 38].

Насколько часто вдовы вторично выходили замуж? Согласно Б. Н. Миرونю, в повторный брак вступало около 23 % мужчин и лишь 4 % женщин [10, с. 172]. Чаще всего участь вдовы была незавидной, это нашло отражение в пословицах: «Вдовье дело горькое», «Вдовье сиротское дело», «Лучше погореть, чем овдоветь», «С мужем мужа; без мужа и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой» [4, с. 173]. Неслучайно понятия «вдова» и «сирота» находились в одном ряду; обидеть вдову и сироту почиталось за тяжкий грех; вдову и сироту называли «горькою кукушкою», видимо, в память плача сестры о погибших братьях [28, с. 94]. Например, в Архангельской губернии вдов и сирот освобождали от натуральных повинностей [6, с. 201]. Конечно, обхождение с вдовами не везде было одинаковым. В источниках можно найти указания, что вдовы порой выжидали, чтобы посватался вдовец, у которого немного детей и зажиточный двор [20, с. 85]. При этом можно было выжидать, живя у свекра, который должен был кормить ее саму и ее детей. Если это была разделенная семья и после смерти мужа вдова оставалась полной хозяйкой в доме, можно

было что-то продать, чтобы прокормить малолетних детей. Иногда это было предпочтительнее, чем выходить за бедного вдовца и ухаживать за его детьми [там же]. Но такое положение скорее было исключением, чем общим правилом.

Значительно чаще было совсем другое. Относительно быстро, если представлялся случай, вторично выходили замуж молодые вдовы без детей или с одним ребенком. Вдовам, имевшим детей, гораздо труднее было вступать в новый брак, все старались избежать такой «обузы». Кроме возраста вдовы и наличия детей, большое значение имело, какое наследство она получила от умершего мужа. Если вдове с детьми удавалось снова выйти замуж, положение ее детей от первого брака в доме отчима было малопривлекательным. Поэтому вдова с детьми, если у нее появлялась возможность выйти замуж, стояла перед нелегкой дилеммой: с одной стороны, хозяйственная необходимость, с другой — страх за будущую участь детей. «Не хочет вдова идти замуж за удалого молодца: не заменит ей первого мужа, а ее детям отца» [31, с. 379]. Имелось еще одно препятствие для вторичного брака вдовы с детьми. В пореформенное время вследствие массового отходничества в деревнях Санкт-Петербургской губернии и губерний Центрального промышленного района или примыкавших к ним появился избыток девушек [17, с. 216; 19, с. 360; 20, с. 315; 23, с. 357; 21, с. 117, 232; 1, с. 260; 24, с. 211, 228; 25, с. 364]. Так, во Владимирской губернии женщины составляли 55,5 % населения, в Ярославской — 57 %, а в черноземных губерниях, например Воронежской, — 49,5 % [11, с. 6, 7, 10, 12, 17], Орловской — 51,6 % [15, с. VIII]. Нередко вдовы выходили за первых попавшихся, даже за слепых [20, с. 211]. Известен случай, когда вдова 28 лет вышла замуж за вдовца, который оказался импотентом, но преследовал жену беспричинной ревностью (Пошехонский уезд Ярославской губернии) [18, с. 464]. Корреспондентами Этнографического бюро описан случай, когда вдова вышла замуж за еврея, который перешел в православие, и они жили счастливо. К таким ситуациям народ относился просто: «Они такие же люди, как мы, только веры другой; а принял нашу веру — значит, стал русским» [25, с. 360].

На возможность второго брака для вдов немалое влияние оказывали укоренившиеся в сознании крестьянского общества мифы и поверья, восходящие еще к языческим временам. Женщина могла войти в рай только вместе со своим мужем, брачные узы не разрывались по смерти супруга [35, с. 46; 29, с. 79]. Крестьянские представления о гармонии мира требовали сохранения оппозиции «мужской—женский» не только в нашем, но и в потустороннем мире, что влекло за собой актуализацию понятия парности. Это нашло отражение и в пословицах, в которых в лаконичной форме сконцентрировалось народное миропонимание: «Холостой — полчеловека», «Одинок да холост, горюет в одну голову». Следует иметь в виду, что в XIX в. понятие «холостой» относилось только к мужчине, но в более раннее время так говорили и о женщинах [5, с. 559]. Актуализация парности получила также воплощение в поверье об огненном змее. Рассказывались страшные истории о том, как по ночам прилетают к молодым вдовам покойники — их мужья — в облике огненного змея [33, с. 214]. Вдовец на том свете должен был жить со своей первой женой, и его вторая жена оставалась без пары. Поэтому вдовы старались выйти за вдовцов, браки последних с девушками воспринимались неодобрительно. Для молодого

парня жениться на вдове считалось позором [20, с. 432]. В источниках имеются песни, где жениха называют вдовцом, чем наносилась ему большая обида, т. к. ему хотелось казаться молодым и бодрым [30, с. 131]. «Лучше любить вольную солдатку, чем девушку, вдовушку или мужнюю жену», «Сын (в песне. — 3. М.) жалуется на отца, что заставил жениться на вдове» [31, с. 378]. Вдовцы нередко женились на вдовах много моложе себя. Известны примеры, когда разница достигала 20—40 лет [20, с. 314—315]. Поскольку в брак допускалось вступать до трех раз, в народе говорили: «Первая жена опойчатая, другая стеклянная, третья хрустальная». Значит, вторую жену надо беречь больше, чем первую, особенно надо беречь третью, ибо четвертой взять нельзя [29, с. 86]. У этой поговорки имелись локальные вариации, например, во Владимирской и Тверской губерниях говорили, что вторая жена «хрустальная» [1, с. 260; 17, с. 477]. Как свидетельствуют источники, ко вторым женам было лучшее отношение, их больше берегли и жалели, мужья часто им уступали, выполняли за них наиболее трудные работы, старались лучше одеть, а то и исполняли их капризы [23, с. 358; 17, с. 477]. Корреспонденты Этнографического бюро отмечают, что можно было слышать, как в семейной паре, где оба состояли в браке в первый раз, жена укоряла своего мужа: «Дура я, что не пошла за вдовца. Вдовцы-то вон как ухаживают за женами. Вот умру я, и меня пожалеешь: будешь за второй-то женой как собачонка бегать» [19, с. 361]. Конечно, нет оснований утверждать, что такие отношения были всеобщими, но также ошибочным было бы считать, что жизнь вдов при втором замужестве была повсюду одинаково серой и беспросветной. Все сказанное выше о вторичных браках касается приведенных Б. Н. Мироновым 4 % вдов, во второй раз вышедших замуж.

Как уже было отмечено, по православным канонам новый брак должен был заключаться не раньше, чем через 40 дней после смерти первого мужа [23, с. 357; 21, с. 232; 1, с. 260; 24, с. 211, 228; 25, с. 364, 418]. Но иногда считалось, что и полгода недостаточно (Ярославская губерния) [19, с. 154, 360]. Нередко все эти сроки нарушались. Описаны случаи, когда в новый брак вступали через 12 дней [23, с. 357; 24, с. 211, 228]. Вдовы, особенно с детьми, имевшие свое хозяйство, стремились как можно раньше привести мужа в свой дом. С широким развитием отхожих промыслов для помощи по хозяйству вдовы нанимали работников-мужчин, которые оставались в доме, и дело зачастую заканчивалось браком [17, с. 245; 19, с. 323; 20, с. 51, 447; 24, с. 187]. Свадебная церемония при повторном браке была уже значительно проще, чем при первом: «У вдовушки обычай не девичий» [5, с. 173]. Отсутствовал процесс длительного сближения между сторонами. После кратковременного наведения справок о положении друг друга, а иногда только одной из сторон, посылали сватов, а затем организовывалась свадьба, большей частью довольно скромная. Не было девичника и других предсвадебных торжеств, свадебный поезд часто состоял лишь из двух подвод, не столь разнообразными были свадебные увеселения, песни пели только тогда, когда ехали из-под венца и во время обеда. На обеде, весьма скромном, который продолжался недолго — час или два, присутствовали лишь близкие родственники, дружка и сваха, меньше подавали водки [17, с. 469—470; 19, с. 360; 20, с. 86, 210, 314, 432; 13, с. 232; 24, с. 211; 25, с. 418; 9, с. 38]. Все это было весьма далеко от яркого праздника крестьянской свадьбы,

на который нередко собиралась вся деревня. Надо заметить, что, если вдовец женился на девушке, свадебная церемония могла мало отличаться от той, когда он вступал в брак в первый раз [20, с. 86]. Иногда свадебного поезда вообще не было, в церковь и обратно ехали на лошади, а то и отправлялись пешком [25, с. 418]. При вступлении в брак богатых вдов и вдовцов обрядовая сторона свадьбы могла незначительно отличаться от той, какой она была при первом браке, но некоторые упрощения имелись и здесь (мало «плачей», отсутствие обрядовой яичницы и др.) [25, с. 364].

Как указывал С. С. Шашков, церковь, преследуя многоженство (весьма, например, распространенное в Сибири еще в XVII в.) во всех его формах, дозволяла иметь не более трех жен. При этом третий брак не считался даже таинством, а священник, который вместо простого чтения молитв над троюженцем проводил полный обряд венчания, лишался сана. Третий брак дозволялся, если ни от первого, ни от второго не было детей, но вступившие в него на пять лет отлучались от церкви. Четвертый брак рассматривался уже как явное преступление [35, с. 120]. В дальнейшем эти представления претерпели эволюцию, во второй и третий брак стало дозволяться вступать лишь вдовам и вдовцам.

Не следует считать, что крестьянское общество относилось совершенно безучастно к положению неимущих. Издавна традиционной составляющей жизни русского крестьянства были «помочи». Чаще всего они происходили в августе, когда малосемейные и зажиточные крестьяне приглашали соседей помочь убрать урожай. За это хозяева выставляли угощение: бочки с пивом, столы с хлебом, калачами, пирогами и др. Помочи сиротам и вдовам проводились безвозмездно: не только помогали убрать урожай, но снабжали всем необходимым для угощения и, кроме того, заготавливали дрова и лучины на зиму [27, с. 201]. Традиция помочей продолжала действовать и в пореформенный период.

В пореформенное время развитие отходничества способствовало увеличению количества вдов. Значительное число отходников работало на вредном производстве (малярами, на металлургических заводах, химических фабриках и др.). Среди таких отходников (при крайне низком уровне охраны труда) была повышенная смертность. По данным Б. Энгель, в двух уездах Костромской губернии с наиболее развитым отходничеством — Солигаличском и Чухломском — в 1897 г. среди женщин до 30 лет вдовы составляли 14,3 %, от 30 до 50 лет — 18,2 %, тогда как в среднем по губернии — 9,8 % [36, р. 52].

Вдовы пользовались некоторой свободой поведения, и эта тенденция значительно усилилась в пореформенный период. Вся жизнь крестьянина проходила под воздействием двух важнейших регуляторов общественного поведения: общины и семьи. В пореформенное время их влияние стало ослабевать. Согласно нормам обычного права, «замужняя женщина, баба — отрезанный ломоть», т. е. над женщиной, вышедшей замуж, семья ее родителей уже не имеет никакой власти [32, с. 178]. Если вдова после смерти мужа продолжала жить в семье свекра, она должна была продолжать повиноваться старшим в семье и на ее поведение накладывались довольно жесткие ограничения. Положение существенно менялось, если вдова жила отдельно, «своим домом», хотя здесь имели место локальные вариации. Вдова с детьми, живущая с вдовцом, подвергалась сильному осуждению, такое незаконное сожитие считалось

большим грехом и постыдным поступком (Калужская, Вологодская губернии) [20, с. 318; 23, с. 359]. В то же время такие случаи, если были препятствия для вступления в законный брак, имели некоторое оправдание в глазах крестьянского общества. Например, если одна из сторон уже состояла в трех браках и по церковным правилам не могла вступить в четвертый. Такое сожитие считалось допустимым, в особенности когда вдова или вдовец были еще людьми нестарыми (Нижегородская губерния) [21, с. 152—153].

Следует отметить, что торжественные языческие обряды к XIX в. превратились в предания, сказки, забавы молодежи, сохранялись лишь отголоски языческих представлений [26, с. 528]. А всего через несколько десятилетий под действием модернизационных процессов, как видно из предыдущего примера, христианские каноны о браке были порой уже основательно подорваны, сохранив лишь форму.

Вольности в поведении вдовы, живущей отдельно, имели в глазах крестьянского общества некоторое оправдание вследствие того, что она ушла из родительского дома, поэтому она не могла наложить на него позорного пятна. Она считалась «вольна в себе», являлась хозяйкой своих поступков, никто не был вправе ее контролировать. Неимение мужа, в особенности если вдова была молодой и здоровой женщиной, также являлось оправдательным мотивом при несоблюдении ею полового воздержания. Кроме того, из-за «нескромного» поведения вдовы не было «потерпевших», и очень часто на такого рода нарушения нравственности смотрели сквозь пальцы (Нижегородская губерния) [21, с. 160; 18, с. 500—504].

Вследствие отсутствия власти родителей и мужей в некоторых местностях вдовы составляли главный контингент местных сельских проституток, иные активно предавались разврату вплоть до второго замужества (Вологодская, Владимирская губернии) [21, с. 160; 1, с. 276]. Конечно, главным побудительным мотивом проституции была не нравственная распущенность, а бедность, в этом случае проституция — дочь нищеты. Приведем в этой связи статистические данные по отношению к вдовам. В 1868 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 2288 проституток, среди которых 658 крестьянок и 492 солдатские дочери и жены (большая часть солдат, как известно, также происходила из крестьян). В домах терпимости Москвы, которая в этом смысле стояла в числе первых среди больших европейских городов, было 957 зарегистрированных проституток. Из них крестьянки составляли 257, солдатки и солдатские дочери — 150. Из этого числа вдов-крестьянок было 48, вдов-солдаток — 47, в сумме — 95 [35, с. 333—334], или около 10 %.

В традиционном крестьянском обществе вдовы составляли особую категорию женщин, со своими функциями, связями с социумом, другими категориями женщин. В пореформенное время эта традиция стала расшатываться и постепенно меняться. Развитие отходничества, когда мужчины на целые годы оставляли семью и хозяйство, а порой вообще не возвращались, сближало положение вдов с положением замужних за отходниками женщин. Пореформенное время внесло свои коррективы в рассматриваемые проблемы. Модернизационные процессы основательно ослабили традиционные узы брака и семьи. Не вышедшие замуж вдовы (около 96 %), оставшись одни с детьми, бросив хо-

зайство, уходили в работницы. Другие побирались или посылали побираться детей. На заработки обычно уходили к зажиточным крестьянам, к духовенству или на ближайшие фабрики — в надежде на лучшую жизнь (Костромская, Тверская, Ярославская, Калужская, Владимирская, Санкт-Петербургская губернии) [17, с. 382, 450, 469; 18, с. 509; 20, с. 561; 1, с. 206; 25, с. 378]. Такие надежды редко оправдывались: на фабрики, в земельные хозяйства с наемным трудом в качестве прислуги требовалась молодежь. Большая часть вдов и их детей пополняли ряды обездоленных и бесприютных.

Вдова, которая не вышла замуж или у которой новый муж уходил на заработки, самостоятельно вела хозяйство, платила подати, справляла повинности. При этом она еще исполняла свои материнские обязанности: кормила, растила и ставила на ноги детей. Возросшая экономическая роль стимулировала рождение нового самосознания, самоутверждения женщин. У вдовы, не вышедшей замуж, новые качества усиливались вследствие относительной свободы, когда она не зависела от власти мужа и свекра со свекровью. Косвенным свидетельством возросшего самосознания женщин стали участвовавшие случаи их жалоб в волостные суды. Вдовы обычно судились из-за наследства с родственниками умерших мужей. Часть вдов уходила на отхожие промыслы, но масштаб этого явления был значительно меньше по сравнению с мужскими промыслами. Они шли кухарками, горничными, прислужкой. Хотя масштаб женского отходничества был относительно невелик, его влияние в расшатывании устоев патриархальных порядков было непропорционально большим. В отсутствие мужчин женщины становились ключевыми фигурами, происходило их духовное перерождение, активное утверждение своего нового положения в собственных глазах и в глазах всей общины.

Библиографический список

1. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1993. 472 с.
2. *Вербницкая О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. М. ; Тула : Гриф и К°, 2009. 296 с.
3. *Гура А. В., Кабакова Г. И.* Вдовство // Славянские древности. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 293—297.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978. Т. 1. 699 с.
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1980. Т. 4. 683 с.
6. *Ефименко П. С.* Народные юридические обычаи Архангельской губернии. М. : ОГИ, 2009. 272 с.
7. *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборга, 1903. 529 с.
8. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии // Этнографический сб. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1853. Вып. 1. С. 203—234.
9. *Матвеев П. А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Сб. народных юридических обычаев. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1878. Т. 1. С. 12—46. (Зап. ИРГО по отд-нию этнографии ; т. 8).

*3. 3. Мухина. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации
(вторая половина XIX — начало XX в.)*

10. *Миронов Б. Н.* Социальная история России : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
11. Население Империи по переписи 28 января 1897 года / ЦСК МВД. СПб., 1897. 345 с.
12. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. 2 : Семейное право, наследство и опека. 407 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 6 : Владимирская губерния, тетр. 2. 246 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 29 : Орловская губерния. 275 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 50 : Ярославская губерния. 245 с.
16. *Прокопьева Н.* Вдовство // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб. : Искусство-СПБ, 2005. С. 86—90.
17. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. СПб. : Деловая полиграфия, 2004. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. 568 с. Далее: РКЖБН.
18. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 1 : Пошехонский уезд. 608 с.
19. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 2 : Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 552 с.
20. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2005. Т. 3 : Калужская губерния. 648 с.
21. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 4 : Нижегородская губерния. 412 с.
22. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды. 624 с.
23. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 840 с.
24. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 4 : Тотемский уезд. 808 с.
25. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2008. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.
26. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
27. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Университетская тип., 1837. Вып. 1. 250 с.
28. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Университетская тип., 1838. Вып. 3. 216 с.
29. *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву. 2-е изд. М. : URSS, 2011. 264 с.
30. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 447 с.
31. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. М. : Тип. А. В. Васильева, 1903. Ч. 4. 736 с.
32. *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. 2-е изд. М. : URSS, 2011. 200 с.
33. *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб. : Литера, 1996. 496 с.
34. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : КомКнига, 2006. 240 с.
35. *Шапков С. С.* История русской женщины. 3-е изд. М. : URSS, 2011. 368 с.
36. *Engel V. A.* Between the Fields and the City. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 254 p.

Ю. Н. Гусева

**БОРЬБА ЗА ЖЕНЩИНУ:
ТАТАРКА-МУСУЛЬМАНКА В РЕЛИГИОЗНЫХ
ПРАКТИКАХ СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ИСЛАМСКИХ ОБЩИН
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.**

Современная ситуация, переживаемая исламским миром, толкает ученых и духовенство к пересмотру роли женщины-мусульманки в культовой практике и в целом как члена социума. В начале 2000-х гг. громко и неоднозначно прозвучал факт появления в США женщины-имама, вызвавший к жизни новый виток данной дискуссии. Российские улемы так формулируют свои воззрения на эту проблему: «Мусульманка имеет право учиться и работать, заниматься общественной деятельностью и выражать свою гражданскую позицию. Однако главной обязанностью женщины всегда остается забота о семье и воспитании детей» [8, с. 234—235]. При этом, как правило, речь не идет о необходимости воспитания и образования женщин в духе активного субъекта культовой практики, организатора религиозной деятельности, подобно тому как это делалось и делается, например, в лоне Русской православной церкви [15].

В данной статье анализируется исторический опыт модернизационных процессов в Среднем Поволжье в первой половине XX в., одной из составляющих которых был вопрос о месте и роли женщины в исламской культовой практике. Кроме того, научный интерес представляют результаты «борьбы за женщину» между духовенством и советским государством как одной из сторон идеологического фронта. Тем более важно сравнить ход и итоги идеологической работы среди «женщин-восточниц» в Поволжье и, к примеру, в Средней Азии (как регионе с наиболее сильным влиянием религиозной традиции) с тем, чтобы выявить потенциал традиционности/новационности исследуемого социума.

Начавшийся на рубеже XIX—XX вв. в татаро-мусульманской среде Поволжья спор между модернистами (джадидами) и традиционалистами (кадимистами) фактически перерос в дебаты о судьбе самого ислама в условиях резких интенсивных идейных изменений в странах мусульманского мира (Египет, Османская Турция). В этом споре прозвучала слабая, но заметная «женская нота»: поволжские джадиды, одними из первых в мире, поставили вопрос о пересмотре отношения к женскому образованию и воспитанию [2, с. 211]. Движение женщин за свои права было весьма ограниченным и концентрировалось в крупных городских мусульманских общинах (Москва, Санкт-Петербург, Казань). К примеру, в 1913 г. впервые в Санкт-Петербургской соборной мечети появились специальные входы для женщин на втором этаже [5, с. 211; 14].

Однако традиционализм культуры и исламские нормы не позволяли основной массе духовенства и общественности пойти дальше: разрешить массо-

вый доступ женщин в мечеть, отменить многоженство и уравнивать женщин в правах с мужчинами в вопросах наследования имущества, брака и пр. Даже самые радикальные реформаторские слои российского мусульманства не поднимали вопрос о перемене сущностного отношения к женщине, которое заложено в Коране. Факты свидетельствуют, что любые попытки в начале века разрешить доступ женщинам в мечеть наталкивались на самое яростное противодействие со стороны как мусульманской элиты, так и рядовых членов общин [11, с. 73].

Но уже в 1920—1930-е гг. мусульманское духовенство Поволжья, равно как и других регионов страны, было вынуждено фактически вступить в борьбу за женщину. Широко известно, что государство начало активную работу по превращению женщины в полноценного члена семьи и общества, способного быть производственной единицей, источником и транслятором новой идеологии. Идеологии, которая должна была «вырвать татарок и башкирок из-под влияния мусульманского духовенства, убедить их в никчемности религии и помочь им пользоваться теми огромными правами, которыми наделила Советская власть женщину-труженицу» [6, с. 15]. Как писали в своих трудах пропагандисты 1920-х гг., татарка и башкирка еще не вполне раскрепощены: их «давят замкнутый круг домашнего хозяйства, кухонные интересы, ежедневная возня с посудой. Женщина-восточница до сего времени несет почти всю работу по добыванию пищи и прокормлению семьи, в то время как мужчина пользуется только всем готовым, не затрачивая особого труда» [6, с. 13; 10].

Оставим на совести автора справедливость замечаний, касающихся разделения труда, которые, мягко говоря, не соответствуют действительности. По нашему мнению, важен момент провокационности и эскалации эмансипационных процессов с целью формирования новой производственной единицы. Как и в остальных регионах страны, татарская женщина воспринималась как потенциальный носитель новой светской идеологии. В этом вопросе у власти наблюдалось единство в отношении мусульманок, православных и верующих женщин иных конфессий.

Специфичность воздействия на поволжских татарок состояла в том, что они находились под более заметным влиянием духовных лиц и исламской культурной традиции, в большинстве своем проживали в сельской местности и имели довольно низкий уровень образования. Однако, как мы подчеркивали, процесс модернизации образования начался еще в дореволюционный период, и уже тогда у некоторой части женщин сформировалось стремление к светскому знанию, образу жизни и полному уравниванию в правах с мужчинами. В первую очередь на эту категорию женщин будет направлено острое идеологической работы в Поволжье.

По сути, подобную работу проводило и духовенство, частично — с диаметрально противоположными целями, а частично — с теми же. Духовенство также пыталось сохранить традиционные внутрисемейные и внутриобщинные отношения, фактически выполняя охранительную функцию. Это выразится в некоторой трансформации культовой практики и противодействии раскрепощению путем идеологического влияния.

Традиционной, характерной для всего периода, оставалась форма домашних индивидуальных бесед, которые вели жены мулл (абыстаи), устраивавшие коллективные моления, специальные женские молитвенные собрания и наставлявшие молодежь [2].

Вместе с этим отмечались явления, которые были новационными по своему характеру и нарушали привычный уклад религиозной жизни. Со второй половины 1920-х гг. был санкционирован ограниченный (на усмотрение мулл) допуск женщин в мечеть, а также присутствие на некоторых обрядах. Например, во второй половине 1920-х гг. муллы стали проводить в мечетях отдельные женские собрания (д. Ермаково Самарской губернии), на которых вели беседы религиозного характера, агитировали за посещение мечети. Мулла (д. Амерханово Самарской губернии) давал наставления татаркам, чтобы они купили чаршау (занавеску для отделения женщин от мужчин) и ходили пять раз в мечеть [13, ф. 1, оп. 1, д. 438].

Подобные факты были наиболее распространены в Татарии и Крыму, где до 1917 г. джадидское движение имело максимальное количество сторонников [7, ф. 17, оп. 85, д. 171, л. 69; 8, с. 47—48].

На поддержание высокого уровня религиозности среди женского населения были направлены меры, принятые Центральным духовным управлением в Уфе. Кади ЦДУ Мухлиса Буби (первая в истории мусульманского мира женщина-кади) в своей статье «Женщины в мире ислама» формулировала задачи своих современниц следующим образом. Необходимо сохранить религиозные обряды и адаты (обычаи) — религиозные праздники, пятница, день рождения Мухаммада должны быть отмечены в семье. Вторая задача — сохранение языка, который может помочь в удовлетворении религиозных и духовных потребностей. Конечно, нужно знать русский и иностранные языки, но не употреблять их без надобности и не смешивать [13, ф. 1, оп. 1, д. 2479, л. 10]. Заметим, что остальные проблемные вопросы, волновавшие мусульманских феминисток в начале XX в. (многоженство, ношение паранджи, чадры, равенство в избирательных правах), в 1920—1930-х гг. стали неактуальны по ряду объективных исторических причин.

В 1920-х гг. партия и Советы разворачивают массовую работу среди женщин-мусульманок. Какими же были формы и результаты партийной работы среди татарских женщин? Насколько успешными были усилия той и другой стороны?

Следует отметить, что формы работы с женщинами-нацменками не отличались оригинальностью. На местах были организованы женотделы, комитеты, собиравшие селянок на собрания и проводившие культурно-просветительскую работу, созывались съезды и совещания [9, с. 54]. К примеру, в Бузулукском уезде Самарской губернии в 1920 г. был организован комитет по работе среди мусульманок, но он не функционировал, т. к. работницы не приходили [13, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 9]. То, что татарские женщины «замкнутый народ», отмечалось на заседании Бюро коммунистических народов Востока при Ставропольском уездном комитете РКП(б) в декабре 1920 г. Во всем уезде насчитывалось только две активные мусульманки [13, ф. 1, оп. 1, д. 438, л. 49—50].

На собрании «коммунисток-народов Востока» (9 мая 1921 г.) в г. Самаре присутствовало только девять женщин со всей губернии [13, ф. 1, оп. 1, д. 678,

л. 2]. В протоколе II съезда коммунистов-мусульман Нижегородской губернии (27 февраля 1922 г.) отмечалось, что в данный период очень слаба работа среди женщин «ввиду сильно проникшего среди них фанатизма» и отсутствия опытных работниц. Всего в губернии около 100 татар-коммунистов, из них только 3 женщины [12, ф. 17, оп. 61, д. 134, л. 16 об.]. При этом партийцы сетовали, что в сельской местности активность татарок стремится к нулю: так, в Андинской волости Сергачского уезда «ввиду слабости партийной работы и годового праздника “ураза-байрам” волостную женскую конференцию провести не удалось» [12, ф. 17, оп. 61, д. 134, л. 31 об.].

В своей работе среди женщин партийные организации призывали опираться на беднячек и батрачек. При этом упускалось из виду, что в татарской среде женское батрачество как явление не фиксировалось. Большую активность, по сравнению с другими регионами, проявляли жительницы Нижегородской губернии: в Уразовской и Петряксинской волостях к 1927 г. было 18 % женщин в сельских Советах [3, ф. 1235, оп. 120, д. 48, л. 5]. Причина очевидна: нижегородки с пореформенного периода часто были вынуждены вести хозяйство самостоятельно, поскольку в татарских селах губернии среди мужчин было широко распространено отходничество как форма хозяйственной активности, что делало женщин более подготовленными к активной общественной деятельности и не воспринималось как нечто вопиющее. Подобными же причинами объяснялась активность татарок селений Кузнецкого округа Средневожского края [13, ф. 655, оп. 5, д. 559, л. 35—55].

То, что борьба за женщину была откровенной и жесткой, — очевидно. Равенство в труде означало бы уравнение во всех иных сферах общественной деятельности, что не могло вызвать приятия и понимания у мужской части населения. Следует сказать, что ничего уникального в этом не было: подобным образом реагировали и мужчины русскоязычных регионов страны, не говоря о таких областях, как Северный Кавказ и Средняя Азия. Иное дело, что факты открытых столкновений между эмансипированными женщинами и мужчинами — носителями традиционных воззрений в Поволжье были менее известными и, вероятно, реже фиксировались в источниках.

Однако некоторые из них все же доступны исследователям. Например, в письме в редакцию газеты «Безбожник» под говорящим названием «Вперед к равноправию» (от 13 марта 1929 г.) автор из Татарской АССР приводил следующие факты. В д. Муслюмкино Чистопольского кантона А. Мухаметзин выступил на собрании комитета бедноты: «Не надо выбирать в Советы женщин и девушек. Если выберем, значит, все пропадем». В д. Ямашурма Арского кантона подкулачники агитировали крестьян, чтобы те не пускали своих жен на выборы; К. Сафиуллин угрожал батрачке Миннибаевой и другим: «Не ходите на собрание, а то я вас изрублю топором» [3, ф. Р-5407, оп. 2, д. 118, л. 37—42].

Юсипова, жительница с. Красный Остров (Нижегородская губерния), на II губернском съезде коммунистов-татарок в Нижнем Новгороде (1924 г.) в своей речи заявила: «В нашей деревне кулаки нас угнетают. Перед отъездом сюда меня побили ни за что <...> А мулла сказал: “Куда ты едешь? Там коммунисты над тобой надругаются”. Я чувствовала, что лишь коммунисты наши друзья. Мы должны добиться того, чтобы перед нами кулак, его жена и мулла

ползали на коленях» [4, ф. 1, оп. 1, д. 4059, л. 2]. В д. Новой Усмановой Бугурусланского уезда Самарской губернии на собрании перед выборами татары заявляли, что если советская власть будет требовать женщин на собрания, то они пойдут против власти и то же сделают, если не дадут религиозную свободу [13, ф. Р-3209, оп. 1, д. 7, л. 29]. В д. Камышла Самарской губернии в 1927 г. жена муллы открыто проклинала всех женщин, которые ходили на собрание по выборам делегаток на уездную женскую конференцию. Как зафиксировали чиновники, «проклятие жены муллы на суеверных мусульманок произвело сильное впечатление» [13, ф. 1, оп. 1, д. 2479, л. 3].

Очевидно, что в рядах тех, кто не поощрял эмансипацию татарок, были прежде всего духовные лидеры. К примеру, по свидетельствам чекистов, мулла мечети на ул. Обороны г. Самары так «работал» со своей паствой: «Муртазиным, а также сплоченной им группой наиболее доверенных ему людей систематически ведется враждебная Советской власти и Коммунистической партии работа. В этом отношении он часто обращал свою энергию и способности на домохозяек. Последних он в проповедях, при встречах и через свою жену старался воспитывать в духе средневековых обычаев и привычек, доказывая им вредность советских нововведений и недостаточную твердость в вере и религиозных обрядах». Еще один свидетель подтверждал, что «мулла Муртазин и азанча Абдулбоготов неоднократно говорили в мечети: “Женщины должны свято соблюдать Коран, не должны носить коротких платьев, не усваивать новых начинаний, не слушать совработников и коммунистов, ибо за несоблюдение всего этого Аллах будет жестоко карать”» [1, д. П-578839, л. 127, 128].

Архивные данные свидетельствуют, что татарки-мусульманки сельских районов Поволжья медленнее, чем русские, чувашские и мордовские женщины, втягивались в «дело социалистического строительства» [13, ф. 655, оп. 5, д. 559, л. 36]. Численность женщин-активисток, активных производственниц была весьма низкой. Партийные и советские работники объясняли это их культурной отсталостью и повышенной религиозностью.

Действительно, на всем протяжении данного периода сохранялись такие традиционные элементы исламской культуры, как калым (выкуп за невесту), никах (мусульманский обряд бракосочетания). Даже в середине 1950-х гг. в казахских селениях Куйбышевской области (аул Сталинский Дром) отмечались факты кражи невест [13, ф. 656, оп. 123, д. 12, л. 55], а в татарских селах девушки, проходя мимо незнакомых мужчин, прикрывали лицо руками. Родители внушали своим девочкам-ученицам, чтобы при выходе к доске они стояли вполборота к мужчине-учителю. Подобные наблюдения отмечались в селах Денискино, Карабикулово Шенталинского района, Муратша Алексеевского района, Ново-Фейзуллово Кутузовского района и в некоторых селах Камышлинского района [там же].

Итак, в первой трети XX в. в массовом сознании мусульман женщина — носительница исламского мировоззрения продолжала оставаться олицетворением семейного начала и источником религиозного воспитания. По нашему мнению, не следует преувеличивать влияние женщин на религиозную жизнь приходов в 1920—1930-х гг. В довоенный период также очевидным было противодействие духовных лиц и рядовых членов общины государственной политике,

направленной на эмансипацию мусульманок. Однако в сравнении с реалиями среднеазиатского региона, где отмечались факты открытого насилия над женщинами-активистками (вплоть до убийства), в Поволжье неприятие мужчинами нового социального и гендерного статуса женщин ограничивалось скрытыми семейными конфликтами, редко становившимися достоянием общественности.

Значительная деформация произойдет в военный и послевоенный периоды, когда женщины в Среднем Поволжье частично возьмут на себя функции мулл. Данные случаи в Поволжье были единичными, но в предшествующие периоды они были вообще невозможны.

Итак, судя по конкретным материалам, характеризующим культовую практику средневожских мусульман в первую треть XX в., модернизационные процессы ограниченно затрагивали их религиозную жизнь. Они имели малую область приложения (идеологическая, в редких случаях — обрядовая), были в большей степени результатом внешнего влияния (вводились указами ЦДУМ), а не результатом внутренней эволюции. Это дает нам основания говорить о сравнительной традиционности и инертности тюрко-мусульманского сообщества Среднего Поволжья. Заметные трансформации, выразившиеся в повышении роли женщин, имели заданность извне: они возникали как ответ на государственную политику в духе эмансипации, под влиянием совокупности социально-экономических, демографических и исторических обстоятельств (война).

Однако в сравнении с иными мусульманскими районами (Средняя Азия, Северный Кавказ) Среднее Поволжье выглядело более подготовленным для восприятия основ светской культуры и имело менее выраженное традиционное начало в различных сферах жизнедеятельности. Семена светской культуры отчасти падали на подготовленную почву: в городах и регионах, где до 1917 г. имелись заметные очаги джадидского и женского движения (Казань, Москва, Крым), открывались более широкие возможности для успешной эмансипации и секуляризации сознания мусульманок (см, напр.: [10, с. 73]).

В целом, несмотря на провозглашенную государством политику равноправия, на всем протяжении рассматриваемого периода российская традиция отношения к женщине была весьма патриархальной, и средневожские татары-мусульмане в 1920—1930-х гг. ее всецело разделяли. В исследуемых районах она, в свою очередь, была усилена мусульманской культурной и религиозной традицией, ограничивающей сферу социальной активности женщины.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ по Самарской области.
2. *Балтанова Г.* Мусульманка: история и современность. Казань : Кокпиткомпьютер, 2007. 148 с.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.
5. *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи : мечети в европейской части России и Сибири. Казань : Тат. кн. изд-во, 2007. 416 с.
6. *Ибрагимов Г.* Как вести антирелигиозную пропаганду среди татарок и башкирок. М. ; Л. : Госиздат, 1928. 148 с.

7. Ислам и советское государство. М. : Марджани, 2010. Вып. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова, Г. Г. Косача. 152 с.
8. Исламоведение : пособие для преподавателя / Э. Р. Кулиев, М. Ф. Муртазин, Р. М. Мухаметшин и др. ; под общ. ред. М. Ф. Муртазина. М. : Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. 416 с.
9. *Калаганов А., Светлов П., Сайфутдинов Ш.* На пути к атеизму. Казань : Тат. кн. изд-во, 1967. 161 с.
10. *Касымов Г.* Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань : Татиздат, 1931. 99 с.
11. *Климович Л. И.* Борьба ортодоксов и модернистов в исламе // *Вопр. научного атеизма.* М. : Мысль, 1966. Вып. 2. С. 65—87.
12. Российский государственный архив социально-политической истории.
13. Самарский областной государственный архив социально-политической истории.
14. *Фаизов С. Ф.* Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород : Махинур, 2005. 106 с.
15. *Федотов А. А.* Расширение сферы деятельности женщин в Русской православной церкви в XX — начале XXI в. // *Женщина в российской истории.* 2011. № 2. С. 94—99.

ББК 60.561.28

Н. В. Клековкина

РОЛЬ СЕМЬИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКАХ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ

Двадцатое столетие являет опыт создания новой системы праздников в рамках идеологических потребностей советского государства. При этом изменениям подвергалось как содержание, так и организационная форма праздничных мероприятий. Речь идет о возникновении демонстраций и спортивных шествий [1].

Фактически невозможно говорить о неизменной традиции советского праздника. Причины смены и механизмы реализации новаций в рамках брежневской эпохи попытаемся раскрыть с опорой на материалы казанской истории. В первую очередь речь пойдет об обнаруженном в архивах комплексе источников по праздникам советской семьи.

Жизнь праздника коротка, отрывочна память о нем, потому в круг источников входят: социологические сведения, сценарии и протоколы их обсуждений, программы мероприятий, приглашения, рекламные плакаты, фотографии, отчеты и информационные статьи в городской периодике. В совокупности они дают возможность увидеть задумку и степень ее выдержанности, оценить восприятие мероприятий современниками, определить количество участников, познакомиться с предложениями по модернизации праздников.

Прежде чем описать характер изменений, попытаемся объяснить их причины. С появлением индивидуальных квартир свободное время принимало рекреационно-развлекательный характер, досуг привязывался к дому: телевидение и радио заменяли посещение кино, театров и массовых мероприятий. Это, в свою очередь, усиливало потребность вернуть горожан под воздействие институтов индокринации.

Прежняя традиция массового праздника испытывала сложности. Энтузиазм сменялся привычкой, большая часть участников оставались незнакомцами. По общесоюзной статистике, четверть горожан не участвовали в массовых праздниках [1].

В рамках избранного периода новое звучание получил институт семьи. Именно он стал посредником между личными интересами и официальной идеологией. Как реакция на сложившиеся условия времени в Казани появились районные праздники семьи. В этот период для регионов меньшее значение имело предписание копировать московские образцы, что позволяло проявлять инициативу.

В 1977 г. впервые проводится серия праздников семьи, приуроченных к революционным датам. Датировка первого праздника связана с новой Конституцией, в соответствии с ней семья находится под защитой государства. Более того, семейный акцент делался в большинстве праздничных программ. На это указывало требование «внести в любой праздник элемент семейственности» [5, ф. 16, оп. 55, д. 1166 а, л. 118]. Потому даже разработчики праздника улицы вели поиск тех, у кого «свадьба, помолвка, золотая свадьба, рождение детей» (некая семейная дата) и стремились к присутствию на празднике родных того, чье имя носит улица.

Фактически в 60—80-х гг. смещение к семейной подаче было неизбежным, а подобные мероприятия превращались в традицию. Ее вернее будет описать как изобретенную традицию — совокупность общественных практик символического характера, регулируемых признаваемыми правилами [4]. Потребность в изобретении традиций не возникает там, где живы старые формы. Это обстоятельство подтверждает наличие идеологических срывов в отлаженной системе и попытки вернуться к практике контроля.

Традиционный праздник можно рассматривать вслед за Полем Нора как место памяти, имеющее материальный, символический и функциональный смысл [2]. Признавая наличие идеологического наполнения, попытаемся рассмотреть символическую основу. В первую очередь ее составляло возвращение к революционной тематике. Проявление официального характера выразилось во вручении трудовых наград как признаков социальной значимости и жестком контроле, порождающем отсутствие возможности отклонения от норм общественного порядка.

В рамках советской системы еще на раннем этапе был выработан треугольник большой семьи [3]. При этом образы отца являл не действующий, а контекстный персонаж, образ высшего порядка, а у матери была более явной связка с народом (конструируемая женственность включала плодovitость и красоту).

Теоретические наблюдения подтверждаются анализом перечня мероприятий. Большая часть обращена к мамам и детям. Исключительно женщинам ад-

ресованы встреча с матерью-героиней; лекция о правах женщин; беседы с косметологом, поваром, мастером химчистки, модельером; занятия по сервировке стола и вопросам современного жилого интерьера, семейного бюджета; демонстрации моделей одежды и причесок. Для малышей придуманы кукольные спектакли, «гости из зоопарка», катание на пони, игровые комнаты с автоматами, встречи со сказительницей, мультфильмы, конкурсы поделок, рисунков на асфальте. Отцам предлагаются шахматный турнир, соревнования по стрельбе из пневматической винтовки, конкурс по вождению автомобиля (спортивный акцент — единственный — выражен явно), консультации по ремонту бытовой техники, встреча с автором книги «100 советов любителю мастерить» (хозяйственный акцент замечен реже) или конференция с весьма невнятной программой.

Отмеченное разделение членов семьи компенсировалось обращением к свадьбе как гармоничному синтезу мужского и женского. Практика публичного бракосочетания внедрялась как новая обрядовость, но была далеко не всеми однозначно воспринята. Для устроителей праздники были в первую очередь механизмом внедрения гражданских ритуалов, «способствующих формированию коммунистического быта, влияющих на организацию досуга и отдыха, удовлетворяющих духовные и культурные запросы, служащих средством атеистической борьбы» [5, ф. 19, оп. 45, д. 744, л. 126]. Другие призывали к созданию теплой семейной атмосферы.

При характеристике материального воплощения праздника мы сталкиваемся с потребностью реконструкции художественной среды. Для ее создания собирались специальные комиссии и худсоветы. В условиях достижений НТР стремились к яркому оформлению (воздушные шары, флаги). Обязательным являлось присутствие музыкального фона, углубляющего воздействие на настроение участников. Как серьезное мероприятие праздник предполагал подготовительный этап: рассылку приглашений, конкурс сочинений, рекламу на транспорте, специальный номер районной газеты. Работа по созданию настроения идеально выражена фразой «исподволь готовить праздник в душе» [5, ф. 16, оп. 55, д. 1130, л. 136].

Со временем праздники стали повторяться по несколько раз в год. Даже плакаты издавались по клише — лишь со сменой даты. Попытки внести разнообразие сводились к перетасовке поводов, объединяемых в праздник: к 8 Марта добавлялись проводы зимы.

Ответственность за подготовку и проведение торжеств разделялась между работниками райкомов КПСС, ВЛКСМ, оформительскими силами школ и домов культуры. Специфика советского стиля управления проявилась в подготовке праздничного оформления: сверху предприятиям спускались наряды на изготовление инвентаря для торжеств. Создавались группы по организации работы транспорта, торговли, медицинского обслуживания, охране общественного порядка.

В рамках подготовки к празднику была задействована и общественность: проводились субботники, обновлялась покраска, строились заборы, высаживались цветы, асфальтировались дорожки, устанавливались урны и даже иногда

сносились ветхие дома. Хотя механизм подготовки праздничного пространства был скорее не преобразующим, а камуфлирующим.

Несмотря на то что некоторые праздники проходили в холодное время года, часть мероприятий выносилась на улицу. Неиспользование территории парка считалось серьезным недостатком, а спортивные соревнования на улице должны были украсить торжество.

Местом проведения большей части мероприятий оставались дворцы культуры, заводские базы отдыха и клубы районов.

Выработка содержания праздника шла в соответствии с функциональными ожиданиями, учетом пожеланий организаторов и участников. В результате происходило микширование культурных слоев: массового и официального. Например, вечер «Гвардейцы пятилетки навстречу XXVI съезду КПСС» завершался дискотеккой.

Организаторы стремились разработать разнообразную программу. Но некоторые мероприятия просто срывались: отсутствие лекции главного врача было связано с его предпочтением принимать гостей дома [5, ф. 841, оп. 1, д. 2511, л. 53]. Этот пример демонстрирует постоянную проблему: максимальное количество участников можно было собрать именно в праздничный выходной, но при этом сложнее было обеспечить наполнение программы.

Усиление функциональной осмысленности мероприятия для самих участников было связано с потребительским компонентом. Причем он продумывался организаторами очень тщательно. Например, торговые организации *обязывали* «осуществить торговлю продуктами, кулинарными изделиями, полуфабрикатами, прохладительными напитками». Ассортимент буфетов включал сок, воды, лимонад, пиво, шампанское, сухое вино, конфеты, сигареты, консервы, печеные изделия, жареных кур и индеек, жареное мясо, блины, салаты, заливное [там же, д. 2756, л. 92].

Изобилие было лишь в планах; в обзорах по результатам проведения праздников отмечается проблема с ассортиментом и количеством привезенных товаров, некоторые торговые киоски вообще не открывались или работали до обеда.

В домашнюю атмосферу семейного праздника вклинивалась официальная иерархичность: приглашенные гости числились по особым спискам (ветераны труда, победители соцсоревнования, передовики производства, значимые персоны из обкома партии, Совета министров или Президиума Верховного Совета республики). Это порождало недовольство со стороны менее титулованных участников. В ряде анкет часто отмечается безразличие к человеку: «не пускали, все ждали на улице целый час и возмущались» [там же].

По сведениям социологического исследования 1977 г., когда праздники представляли новое и непривычное, 67 % опрошенных они нравились [там же, д. 2511, л. 53]. Но со временем проблема повторяемости сценарных ходов и неидеальность их исполнения снизила интерес к праздникам семьи. Основываясь на пятилетнем опыте, в одном ДК пришли к выводу, что интерес упал, обнаружив, что число посетителей сократилось в 3 раза, а в другом ДК рапортовали, что «праздник стал неотъемлемой частью культуры отдельных трудящихся района и в данный момент к нему проявляет интерес все больше количество

людей» [там же, д. 2614, л. 2]. Видимо, здесь мы сталкиваемся с двумя полюсами искренности или расхождением между желаемым и действительным.

Итак, частота обращения к праздникам семьи свидетельствует о степени приемлемости этой категории — как для власти, так и для горожан. Отказ от новой традиции, наблюдаемый в финале брежневской эпохи, отражает провал попыток поиска компромисса частного и общественного и на уровне идеи (дискредитированной многократным повторением), и на уровне практики (сведенной от семейной соразмерности к официальной помпезности). Пример, являющийся собой скорее казус, может рассматриваться и как доказательство де-идеологизации общественной жизни.

Библиографический список

1. *Немиров О. В.* Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л. : Художник РСФСР, 1987. 232 с.
2. *Нора П.* Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17—50.
3. Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. 1040 с.
4. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиции / пер. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47—62.
5. Центральный государственный архив Республики Татарстан.

РЕЦЕНЗИИ

И. И. Юкина, Т. А. Мелешко

Рец. на кн.: Эконен К. Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 400 с.

Творчество женщин — авторов Серебряного века, русского модернизма — далеко не новая тема, как для западной славистики, так и для отечественного литературоведения (хотя и в меньшей степени). Но, пожалуй, впервые вопрос о женщине как творце был прямо поставлен и вынесен в заглавие книги финской исследовательницей Кирсти Эконен — «Творец, субъект, женщина».

В русской культуре немало известных и малоизвестных женских имен, но еще больше — неизвестных. Достижения женщин в творчестве и культуре и сегодня редко становятся объектом научного поиска и анализа, несмотря на развитие гендерных исследований и включение гендерного анализа в методологию науки. Происходит это по многим причинам. Прежде всего — в силу господства патриархатного дискурса, что ведет к потере женского элемента в культуре, женского взгляда на мир, к обесцениванию женского творчества. В культуре женщина есть, в творчестве ее нет. Эту несправедливость чувствовали, а потому осмыслили писательницы и поэтессы с момента своего прихода в творческую деятельность.

К. Эконен рассматривает стратегии и тактики пяти русских поэтесс и писательниц по презентации/конструированию себя как женщин-авторов, женщин-творцов. Это широко известные З. Гиппиус и Л. Зиновьева-Аннибал и почти неизвестные вне профессионального круга Поликсена Соловьева, Нина Петровская и Людмила Вилькина. Выбор этих пяти имен представляется очень осмысленным и обоснованным. А. Ахматова утверждала свое первенство в вопросе женского авторства: «Могла ли Биче, словно Дант, творить / Или Лаура жар любви восславить? / Я научила женщин говорить». Конечно же, Ахматова права лишь отчасти: авторы-женщины начали прокладывать себе дорогу задолго до того, как к Ахматовой пришло признание. И если бы не эти женщины, не их тексты, не их стратегии скрытого сопротивления доминирующему дискурсу, как знать, была бы услышана Ахматова?

Женщины-писательницы символистского круга, испытывая давление мужского художественного истеблишмента, размышляли в своих произведени-

ях о женской природе и попадали в ситуацию раздвоенности. С одной стороны, они соглашались с господствующим дискурсом о вторичности женщины в обществе и культуре, с другой стороны, ощущая себя творческой личностью и автором, они должны были как-то позиционировать себя и свое авторство.

Это проявилось как в их текстах, так и в практике «жизнетворчества», необходимой составляющей культуры модерна. К. Эконен описывает культурный контекст эпохи и воссоздает гендерный порядок символистской эстетики. Это тот фон, на котором развивались события, который также был двигателем событий. Модернистский дискурс позиционировал женщину в творчестве прежде всего как музу или жертву. В лучшем случае за женщиной признавалась «талантливость», но ни в коем случае не гениальность. Все это сокращало возможности для реальных женщин-авторов в творческом самовыражении, самореализации и накладывало на наиболее активных из них, которые продвигали свое авторство, клеймо «поэтессы» или «писательницы». Эти слова и сегодня имеют слегка пренебрежительные коннотации. Неслучайно А. Ахматова и М. Цветаева позиционировали себя как «поэтов», т. е. «настоящих» творцов.

По сути дела, творчество женщин — это создание дискурсивного пространства для конструирования женского авторства. Дискурс их беллетристики — размышления на тему женской природы, женской судьбы, особенностей женского — проникал в публичный дискурс и развивал его, способствовал принятию ценности автономии женской личности.

Другой стратегией выступала практика жизнетворчества, которая давала возможность реализовать себя как творческого субъекта, т. к. на теоретическом уровне идеология жизнетворчества предполагала равные возможности для мужчин и женщин в преобразовании своей жизни (т. е. принципиально признавалось, что женщина, подобно мужчине, может быть активной и творческой личностью).

К. Эконен детально исследует стратегии жизнетворчества каждой из своих героинь. Н. Петровская приняла роль музы и жертвы, и ее собственное творчество «потерялось» в описании перипетий ее любовных связей. И современники, и исследователи нашего времени, даже стоящие на феминистских позициях, смотрят на нее с андроцентрической точки зрения, восприняв эту историческую традицию*. Произошло игнорирование авторского голоса Петровской. Она сегодня — второстепенная писательница, прежде всего носительница символистского и декадентского мироощущения.

Если жизнетворчество Н. Петровской соответствовало эстетическим убеждениям символизма, то З. Гиппиус — нет, ее деятельность, наоборот, разрушала представления о пассивности и объектности женщин. Гиппиус, по мнению К. Эконен, выстраивала свою деятельность, желая преодолеть природную детерминированность пола. Опорой ей служила идея конструктивности личности. Взяв на вооружение идеи андрогинности и дендизма, З. Гиппиус сумела достичь позиции субъекта и в какой-то мере преодолела границы гендерного порядка раннего модернизма. Сегодня никто не может назвать ее второстепенным модернистским автором.

* Жеребкина И. А. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. СПб. : Алетей, 2001.

Одновременно с процессом отстаивания женщинами-писательницами позиции автора, субъекта, творца в модернистской эстетике, в России развивалось феминистское движение, которое, по сути дела, ставило те же задачи — сделать женщину субъектом и творцом своей жизни и судьбы. Отношения между женщинами символистского круга, которые позиционировали свою принадлежность к высокой культуре и обладание высокой духовностью, и участницами движения, которых они относили к массовой культуре, были непростыми. Восприятие себя как исключительных женщин вело к неприятию феминизма и низкой оценке его участниц. Последние в ответ критиковали женщин символистского круга за псевдоэлитарность и принятие маскулинной позиции по отношению ко всем другим женщинам, вне их собственного круга. Именно активистки движения предприняли поиск аналогов для обозначения в русском языке профессий в женском роде, в том числе творческих, и поставили вопрос о необходимости изменения норм языка. Именно они начали употреблять на страницах своих журналов такие термины, как «авторша», «инициаторша», «лекторша», «дискутантка», «равноправка», «женщина-врач» и др. Тем самым шло переплетение и взаимообогащение дискурсов женской беллетристики и феминистского движения, что было значимым для формирования публичного дискурса и развития идей женской субъектности и самостоятельности.

Нельзя не согласиться с выводом К. Эконен, что, несмотря на неприятие женщинами символизма идей феминизма как политического течения, они многое сделали для популяризации идей равноправия женщин и мужчин и способствовали распространению феминизма и его идей в России. Эта мысль К. Эконен представляется весьма плодотворной для дальнейших исследований в сфере истории идей, филологии, политической истории.

Возвращаясь к теоретическим основам монографии К. Эконен, необходимо отметить, что она необычайно продуктивно использует такие, казалось бы, разнородные понятия, как «женское письмо», «дискурс», «авторрефлексия» и др. К достижениям автора монографии, на наш взгляд, следует отнести также органичное соединение гендерного анализа и собственно литературоведческого анализа литературных произведений. К сожалению, литературные тексты нередко используются только как иллюстрации к тезисам того или иного исследователя, а их художественная специфика не учитывается. К. Эконен, напротив, внимательно и бережно относится к художественному целому, к авторской воле создательниц текстов, что, несомненно, характеризует книгу как работу не только сложившегося гендерного исследователя, но и незаурядного ученого-филолога.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

О V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАИЖИ «ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН», ПРИУРОЧЕННОЙ К ГОДУ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ Тверь, 4—7 октября 2012 г.

В российской исторической науке женская тематика присутствует уже более 200 лет: история женской эмансипации, изменение статуса женщины в крестьянских семьях, участие женщин в общественных движениях, решение женского вопроса в СССР — эти темы несистемно, но освещались историками¹. В последние десятилетия женская история существует уже как самостоятельное направление.

В российской науке, как отмечает Н. Л. Пушкарева, к изучению женской истории применяются следующие методологические подходы. Во-первых, это традиционный эссенциалистский подход, понимающий роли женщин как комплементарные по отношению к мужским, зачастую легитимизирующий неравные отношения мужчин и женщин в обществе. Во-вторых, гендерный подход, который ставит под сомнение естественность комплементарных ролей в прошлом и настоящем и направлен на дезавуирование неравенства между мужчинами и женщинами. Этот подход феминистски сфокусирован и стремится пересмотреть, переосмыслить отношения мужчин и женщин в обществе. Он основывается на идеях равенства, справедливости и понимания человека как индивидуума, личности, а не социальной роли². В целях институционализации этого подхода Российской ассоциацией исследователей женской истории (РАИЖИ) проводятся ежегодные научные конференции. Пятая конференция РАИЖИ в этом году проходила в Твери. В ней приняли участие ученые-историки (в том числе археологи, этнологи, антропологи) и представители других гуманитарных и общественных наук — социологи, социальные психологи, политологи, литературоведы, юристы, культурологи, философы, а также представители общественных организаций и органов власти, всего более 200 участни-

¹ См. об этом: *Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 6.

² Там же. С. 397.

ков из различных уголков России и мира (США, Франция, Австрия, Швеция, Китай, Молдова, Украина и др.).

На пленарном заседании доктор исторических наук, заведующая сектором этногендерных исследований ИЭА РАН, президент РАИЖИ Н. Л. Пушкарева и доктор исторических наук, и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории ТвГУ А. В. Белова задали ориентиры работы конференции. Н. Л. Пушкарева отметила, что участники конференции имеют разные взгляды на понимание «женского» и на подобных мероприятиях имеют возможность услышать друг друга. Для себя же РАИЖИ считает главным и определяющим рассмотрение «женского» с позиции гендерного подхода в феминистском смысле, но не отмежевывает и тех, кто имеет традиционный, эссенциалистский взгляд. В рамках заявленной тематики конференции А. В. Белова предложила участникам рассмотреть соотношение гендера и исторических изменений: почему в традиционных обществах изменения трактуются негативно и — иногда — как «разрыв», «провал» в ретроспективе; почему в современных культурах изменения становятся самоцелью и критерием общественного прогресса; какие из них сопутствуют жизненному циклу женщин и мужчин, как они воспринимаются и переживаются? Участники постарались раскрыть обозначенную проблематику на круглых столах и секциях.

Темы, вызвавшие наибольший интерес исследователей, — репрезентации образов женщин и мужчин в культуре, женщины в пространстве семьи, изменения в жизни женщин в переходные исторические периоды.

Проблематика репрезентации образов женщин в культуре была раскрыта через выявление особенностей конструирования женственности в СМИ, литературных произведениях (например, творчество А. Марининой, Е. Ростопчиной, К. Михаэлис, А. Грина и др.), кинематографе, фольклоре и пр. Интересно отметить, что авторы брали в качестве источников для исследования литературные и кинематографические произведения, относящиеся не только к так называемому высокому искусству, но и к популярному — детективам и сериалам. Так, Т. Г. Леонтьева в докладе «“Мы” и “они” в криминальном пространстве: новая социальная реальность в детективах А. Марининой» рассказывала об образах женщин-героинь и их антиподах в произведениях писательницы. А. Маринина наделяет своих героинь такими маскулинными и феминными качествами, которые бы позволяли им вписываться в исключительно «мужской мир» уголовного розыска и криминального пространства. «Репрезентация именно таких женских образов — результат гендерной революции?» — задается вопросом Т. Г. Леонтьева. А. Д. Попова рассказала об образах женщин — сотрудниц правоохранительных органов в современном массовом искусстве (сериалах), а также о различиях между репрезентируемыми образами и реальностью, повседневной работой этих женщин. Авторы, обратившиеся к теме репрезентации женских образов в культуре, как правило, предпринимали попытки ее осмысления с позиции гендерного подхода в его феминистском смысле.

Следующая тема, к которой обращались участники конференции, — это женщины и мужчины в контексте семейных отношений. Обозначенная тематика традиционна для историков, этнографов, социологов, и часть докладчиков продолжили эту традицию. Основываясь на анализе архивных материалов, материалов переписи населения, воспоминаний, интервью, авторы описывали

свадебную обрядность, семейные традиции, положение женщин в семьях разных народов: русских, ненцев, удмуртов, балкарцев и пр. Другая часть докладчиков переосмыслила эту тематику с позиции гендерного подхода. Авторами обозначены новые практики материнства, отцовства, супружества, родительства. Некоторые доклады касались ранее не замеченного сюжета: женского одиночества, вдовства, матерей, самостоятельно воспитывающих детей. В фокус интереса исследователей попали и темы власти и насилия в семье, равномерности/неравномерности распределения труда в семье. Раскрытие этих тем связано с привлечением к анализу новых источников — интервью и наблюдений. В рамках семейной проблематики авторы затронули и актуализированные в современном публичном дискурсе темы репродуктивных прав женщин и ювенальной юстиции. Так, А. М. Кадникова в докладе «Гендерная мобилизация в современной России: случай антиабортной активистской организации “Международное движение пролайферов «Воины Жизни»» подвергла критическому анализу православную консервативную риторику в отношении абортотворения и аргументы, приводимые православными активистами. Н. М. Шерстнева в докладе «Права детей как угроза семье? Интерпретация “родительства” общественным родительским движением “Семья, любовь, отечество” в рамках кампании против ювенальной юстиции» критически осмыслила деятельность организаций, выступающих против ювенальной юстиции. Докладчица полагает, что ювенальная юстиция вызывает противодействие подобных организаций, поскольку направлена на разрушение иерархии семейных отношений, где родители обладают безоговорочным авторитетом, а дети подчиняются им. В некоторых докладах были раскрыты юридические аспекты семейных и брачных отношений — особенности заключения брака, разводов, имущественных отношений супругов. В качестве источников авторы привлекали нормативно-правовые акты, законодательные материалы.

Еще одна тематика, к которой обращались докладчики, — судьбы женщин в переходные периоды истории: двоевластия 1917 г., революции, военных условий. Важно, что авторы стремились показать не только традиционные роли женщин — врачей, санитарок, швей и пр., обслуживающих армию, но и, используя феминистский фокус, описывали женщин как самостоятельных участниц национально-освободительных движений, летчиц, разведчиц. Б. М. Шехтер в докладе «Эрзац-солдаты» — женщины в РККА, 1941—1945 гг.» описал трудности, возникающие у женщин при выполнении этих ролей. Например, проблемы адаптации к материальной среде, рассчитанной на мужское тело (вопросы обеспечения бельем и средствами гигиены и пр.), к суровым фронтовым условиям, где необходимо ползать по-пластунски, бегать и преодолевать множество препятствий, а также проблемы сохранения женственности в этих условиях. Авторы реконструировали обозначенные повседневные практики через анализ дневников, воспоминаний, интервью.

Относительно новым предметным полем для исследователей стали женские движения, феминизм. Авторы обращали внимание на различные течения внутри феминизма, феминистские движения в Европе, особенности феминизма по-советски, первые реальные феминистские организации и печатные издания в СССР, состояние феминизма в современном российском обществе.

Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в докладе «“Pussy Riot” и другие: новое старое лицо феминизма» обратились к анализу акции «Pussy Riot». Они рассматривали ее как реакцию на ужесточение политического режима, консервативные тенденции в российском обществе (ограничение репродуктивных и сексуальных прав). Акция «Pussy Riot», отметила Е. А. Здравомыслова, это и новая форма протеста, бросающая вызов символическому порядку («символический терроризм»), обнажившая процессы, происходящие в российском обществе: рост влияния церкви в государственной и общественной жизни, наличие критических дискурсов в отношении церкви, появление феминизма, зарождение постмодернистского искусства и пр.

Важно отметить, что ряд докладчиков, продолжая традицию, заложенную в трудах И. С. Кона, Н. Л. Пушкаревой, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, обратились к табуированной теме телесности и сексуальности. Они говорили преимущественно о женской сексуальности и особенностях сексуальных отношений, а также о мужской гомосексуальности. Следует сказать, что ученые, выбравшие обозначенную тематику, лишь намечают ход своих исследований, уточняют категориальный аппарат, сверяют предметное поле.

V Международная научная конференция РАИЖИ «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» показала, что российское историческое сообщество продолжает развивать женскую и гендерную тематику. С позиций гендерного подхода разрабатываются как традиционные, так и новые предметные поля: новые семейные практики, феминистские движения, сексуальность. Для раскрытия этих сенситивных сюжетов привлекаются новые источники и методы. Таким образом, в российской исторической науке процесс институционализации гендера, гендерного подхода продолжается.

А. Л. Шишелякина,
соискательница ИЭА РАН, младший научный сотрудник
Института проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)

**ПОЧЕМУ НУЖНО ГЕНДЕРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
И ОБРАЗОВАНИЕ: НАЗАД В БУДУЩЕЕ.
О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ
«ЛИЧНОЕ ЕСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЕ:
ФЕМИНИСТСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ»,
10—20 июля 2012 г., Очаков, Украина**

Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) является подразделением Международной ассоциации. Ее миссия — продвижение женской и гендерной истории как направления в исторической науке. Традиционно проводятся ежегодные конференции, посвященные женской и гендерной истории, на которые приезжают исследователи со всей страны.

РАИЖИ продолжает развиваться, что выражается не только в увеличении количества участников Ассоциации, но и в появлении новых направлений и форм работы: развивается сайт, создается база данных.

В этом году появилось такое направление деятельности РАИЖИ, как летняя школа. В 90-х — начале 2000-х гг. летние школы по гендерной проблематике проводились в России практически ежегодно. Они поддерживались зарубежными фондами, которые финансировали развитие нового направления в гуманитарных науках. Тот, кто стоит у истоков женских и гендерных исследований в России, хорошо помнит школы в Твери, на Валдае, в Самаре. Во многом благодаря им гендерные исследования утвердились в университетской среде, произошло становление первых региональных центров гендерных исследований, сформировалась сеть преподавателей и активистов женских организаций. На них приглашались участники без различия возраста, степеней и званий, единственным критерием был интерес к тематике школ и мотивированность в продвижении гендерных знаний у себя в университетах. Однако впоследствии российские летние школы по гендерным исследованиям перестали проводиться, что отчасти объяснялось тем, что для их работы все труднее становилось найти финансирование (подход западных фондов основывается на поддержке зарождающихся направлений и инициатив, которые впоследствии должны сами находить средства на свое развитие, что при постоянном дефиците средств в сфере образования и низкой заработной плате академических работников представляется весьма проблематичным). В этот период значительный вклад в развитие гендерного сообщества внесли гендерные школы в Форосе (Украина), которые организовывал Харьковский центр гендерных исследований при поддержке Фонда Макартуров. Целевой группой этих школ были аспиранты и молодые преподаватели постсоветского пространства, специализирующиеся в этом направлении научного знания. Роль данных школ трудно переоценить, поскольку они способствовали профессионализации гендерных исследований, продвижению их методологии в гуманитарные науки, внедрению гендерных курсов в учебные программы многих университетов. Но два последних года летние школы перестали проводиться и в Форосе.

Между тем нарастание традиционалистской консервативной тенденции в политической жизни страны приводит к тому, что гендерные исследования в их классическом понимании — как разработки, опирающиеся на феминистскую методологию, — подменяются исследованиями про женщин, базирующимися на биодетерминистских подходах, что препятствует их развитию и снижает их научную и социальную значимость. Кроме того, патриархатные стереотипы в значительной части российского общества стали даже более жесткими по сравнению с 90-ми гг. прошлого века, а понятия «гендер» и «гендерное равенство» ассоциируются с социальными девиациями, что ярко продемонстрировало обсуждение закона о равных правах мужчин и женщин в начале этого года. Все это снова делает актуальной деятельность по гендерному просвещению исследователей, лидеров НКО, представителей политических партий и администраций: организацию методологических семинаров, летних школ, исследовательских и образовательных проектов, публикации.

Исходя из вышеозначенных проблем, РАИЖИ 10—20 июля 2012 г. инициировала в Очакове летнюю школу «Личное есть политическое: феминистские подходы к истории» (организатор — Ивановский центр гендерных исследований). В ней приняли участие 20 российских и украинских преподавателей, аспирантов и студентов различных гуманитарных специальностей, а также представители общественных организаций. От других летних школ эта отличалась тем, что проводилась без грантового финансирования — за счет средств самих участников, за исключением трех стипендий украинских участниц, предоставленных представительством Фонда им. Генриха Белля в Украине. Кроме того, данная летняя школа объединила всех, кто интересуется гендерными исследованиями, — независимо от возраста, статуса и звания.

В школе на равных принимали участие как доктора наук, так и студенты, что способствовало формированию демократичной атмосферы, оживленным дискуссиям, активному обмену мнениями и опытом. Высокий уровень преподавания был обеспечен сильной командой, в которую входили ведущие специалисты в области гендерных исследований в России: Е. А. Здравомыслова, И. И. Юкина, Н. Л. Пушкарева, О. В. Шнырова.

Поскольку гендерная проблематика позволяет по-новому рассмотреть многие аспекты современных политических процессов и социальной политики, по инициативе самих участников школы были организованы круглые столы о гендерных аспектах современного гражданского активизма и о соотношении феминизма, демократии и власти в России и в Украине. Эти дискуссии показали, что гендерные знания необходимы не только для академических исследователей, но и для гражданских активистов и являются обязательным компонентом гражданского сознания.

Все это способствовало общению, установлению контактов и связей между участниками. В результате к концу занятий сформировался коллектив единомышленников, невзирая на разницу в возрасте и статусе. В анкетах обратной связи все участники отметили, что летние школы являются эффективным способом повышения квалификации и нужны не только молодым, но и опытным преподавателям, а также представителям гражданского сектора. Учитывая то обстоятельство, что в школе приняли участие преподаватели из самых разных регионов России и Украины (Калининград, Санкт-Петербург, Чебоксары, Барнаул, Иваново, Саратов, Брянск, Екатеринбург, Днепропетровск, Харьков, Луганск), участники предложили создать исследовательскую сеть для продвижения гендерных исследований в своих университетах, поддержания контактов, обмена информацией, разработки совместных проектов, которая начала действовать.

Таким образом, опыт данной летней школы показал, что летние школы как вид деятельности по-прежнему являются эффективным инструментом мобилизации квалифицированных специалистов разных областей для выработки совместных решений общественно значимых проблем, общественных сетей и коалиций, устраняют разрыв между университетскими специалистами и практиками гражданского общества. Школы могут быть почти полностью самокупаемыми, хотя для обеспечения доступности участия в них представителей с разным уровнем доходов они нуждаются в частичной поддержке фондов и ор-

Информация о научных событиях

ганизаций в виде стипендий. Мы благодарны представительству Фонда им. Г. Белля в Украине за поддержку украинских участниц школы.

Мы надеемся, что летние школы станут таким же постоянным мероприятием РАИЖИ, как и конференции. Достигнуто соглашение с фондом Михаила Прохорова о поддержке летней школы для молодых исследователей из Сибири и Урала в следующем году. Кроме того, ведется работа совместно с университетом Катании (Италия) по организации второй Международной летней школы для преподавателей и исследователей «Гендер и религия в мультикультурных обществах».

А. Л. Колесникова,
аспирантка кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений ИвГУ

АННОТАЦИИ

Суркова И. Ю. Стратегии интеграции женщин в Вооруженные силы: гендерное табу против военной тактики

Модификация структуры Вооруженных сил Российской Федерации, направленная на создание профессиональной армии на контрактной основе, способствовала широкому доступу женщин к военной службе, в результате чего изменился гендерный состав армейского социума. Однако в обыденном представлении служба в армии является атрибутом мужественности, одним из необходимых элементов инициации, перехода мальчиков в разряд мужчин, что провоцирует практики эксклюзии женщин из армейского социального пространства. Статья посвящена результатам социокультурного анализа трансформаций гендерной структуры военной сферы в условиях патриархального общества.

Ключевые слова: гендерная структура, армия, женщины-военнослужащие, эксклюзия, реформирование Вооруженных сил.

Новохацкая О. В. Женщины села: труд и отдых

Повседневная деятельность сельского населения Новосибирской области (1975—2005) изучается в гендерном аспекте. Акцент делается на анализ данных двух последних бисезонных обследований (1999 и 2004—2005 гг.), поскольку в этот период произошли существенные изменения прежних тенденций в оценочных суждениях респондентов и бюджетах времени. Изменения в целом позитивные, связанные с некоторым улучшением условий и качества жизни и сокращением трудовой нагрузки.

Ключевые слова: работающие женщины села, мужчины, повседневная деятельность, использование времени, ценностные суждения, тенденции изменений.

Судьин С. А. Гендерный аспект социологии медицины и здоровья

Рассматриваются вопросы гендерных различий в отношении здоровья, обусловленных медицинскими, социально-культурными и индивидуально-психологическими переменными: образом жизни, идеологией, установками, социальными стереотипами и ролями. Анализируются гендерные различия в контексте психического здоровья. Делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к формированию мер социальной политики с гендерных позиций.

Ключевые слова: гендер, социология медицины и здоровья, социальная политика, продолжительность жизни, психическое здоровье.

Щекотуров А. В. Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте»

Анализируются особенности создания виртуальной идентичности, вводятся понятия виртуальной гендерной идентичности и ее разновидностей. Оба феномена проходят верификацию на примере анализа способов конструирования виртуальной ген-

дерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте». Исследование выявило социально желаемый и одобряемый характер создания виртуальной гендерной идентичности. Несмотря на разнообразие мультимедийных функций сайта, основными способами конструирования виртуальной гендерной идентичности подростков стали аватар и подписки на публичные страницы и онлайн-сообщества.

Ключевые слова: виртуальная идентичность, виртуальная гендерная идентичность, социальная сеть, подросток, самопрезентация, перформативность гендера.

Рябов О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963)

Статья, основанная на анализе советских фильмов и кинокритике «долгих пятидесятых», посвящена анализу использования кинематографом гендерного дискурса для создания образа врага. Кинорепрезентации американской маскулинности служили орудием холодной войны. Маскулинность Врага портретировалась как девиантная; в то же время фильмы создавали образы «хороших американцев», которые в отношении гендерных норм вели себя вполне по-советски.

Ключевые слова: советский кинематограф, холодная война, антиамериканизм, образ врага, маскулинность, гендерный дискурс.

Штылева Л. В. Детерминанты, этапы и тенденции трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке (XVIII — начало XXI в.)

Представлены результаты исследования развития педагогических взглядов на половые различия школьников в отечественном образовании XVIII — начала XXI в. Характеризуются четыре этапа и тенденции изменений педагогических взглядов по вопросу пола в педагогике, определяются перспективы развития.

Ключевые слова: половые различия школьников и образование, педагогическая культура, социально-педагогический идеал образования, социокультурные детерминанты, этапы и тенденции трансформаций.

Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.)

Показана роль вдовы в истории женской крестьянской повседневности Центра России в дореформенную и пореформенную эпоху. Особое внимание уделено историко-этнографическим данным, собранным информаторами Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева, выявлены изменения в положении вдовы вследствие модернизационных процессов, уделено внимание описанию и анализу деталей обрядов и ритуалов, их интерпретации с точки зрения гендерного подхода к истории семьи.

Ключевые слова: женская история, гендер, русская крестьянка, вдова.

Гусева Ю. Н. Борьба за женщину: татарка-мусульманка в религиозных практиках средневожских исламских общин в первой трети XX в.

Рассматриваются модернизационные процессы, имевшие место в мусульманских общинах Среднего Поволжья первой трети XX в. На основании ранее не публиковавшихся архивных материалов дается анализ трансформации социального и гендерного статуса женщин-мусульманок сельских и городских приходов. Делается вывод о масштабе, характере, направленности и движущих силах модернизации исламской культовой практики в данном регионе в изучаемый период.

Ключевые слова: ислам, мусульманка, модернизация ислама, Среднее Поволжье.

***Клековкина Н. В.* Роль семьи в официальных праздниках брежневской эпохи**

Статья представляет собой попытку отразить эволюцию советской праздничной традиции. Обращение к ее поздней стадии (условно обозначенной как эпоха Брежнева) демонстрирует направление возникавших нововведений. Таковым в первую очередь являлся семейный акцент.

Ключевые слова: изобретенные традиции, официальные праздники, новая обрядовость, праздничный цикл, праздник семьи.

SUMMARIES

Surkova I. Y. Strategy of women integration into Armed forces: the gender taboo against military tactics

The modification of Russian army's structure, aimed at creating a professional contract-based army, led to a large number of women deciding to join the Army. This fact changed the gender composition of the military society, but according to the traditional view army service is seen as an attribute of masculinity; it's a necessary initiation of a boy's transition to the status of man. It provokes practices of women's exclusion from military society. This article is devoted to the results of the socio-cultural analysis of the gender structure's transformation in the military sphere under patriarchy conditions.

Key words: gender structure, army, military-women, exclusion, reforming of the Armed forces.

Novochatskaya O. V. Rural women: work and leisure

Article is based on the empirical data of the longitudinal research of living conditions, time use and daily activity of the rural population (1975—2005), which was conducted by the Institute of Economics and IE of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science in the Novosibirsk region (headed by V. A. Artemov). This is a unique Russian research. Daily activity of the rural population is studied in the gender aspect: allocation of men and women as different socio-gender groups. The accent is made on the analysis of the latest two biseasonal surveys (1999 and 2004—2005) as during this period essential changes in former tendencies of respondents' values and time budgets took place. In general the changes were positive, connected with some improvement of conditions, life quality and working load reduction.

Key words: rural working women, men, everyday activity, time use, values, trends of changes.

Sud'in S. A. Gender aspect in the sociology of medicine and health

In the article health-related gender differences caused by medical, socio-cultural and individual variables: lifestyle, ideology, attitudes, social roles and stereotypes are considered. Gender differences in the sphere of mental health are also analyzed; the conclusion about the importance of the differential approach to the social policy in consideration of gender aspects is made.

Key words: gender, sociology of medicine and health, social policy, life expectancy, mental health.

Shchekoturov A. V. Construction of adolescents' virtual gender identity in the social network web-site «VKontakte»

In this article specific of virtual identity's building is analyzed, terms of virtual gender identity and its forms are identified. Both phenomena are verified through the analysis of ways of adolescents' virtual gender identity building in the social network web-site «VKontakte». This study has revealed a socially desirable pattern of virtual gender identity's building. Despite different multimedia web-site options, basic ways of adolescents' virtual gender identity building have become an avatar and subscriptions to public pages and online communities.

Key words: virtual identity, virtual gender identity, social network site, adolescent, self-presentation, performativity of gender.

***Riabov O. V.* «Mr. John Lancaster Peck»: American masculinity in Soviet Cold War cinema (1946—1963)**

The article based on the analysis of Soviet movies and film criticism of the «long fifties» is devoted to investigating the ways in which the films exploited gender discourse to produce Otherness. Cinematic representations of the American masculinity served as a weapon of the Cold War. Masculinity of the Enemy was pictured as deviant; at the same time the films created images of the «good Americans» who aspired to satisfy gender norms of the Soviet way of life.

Key words: Soviet cinema, Cold War, anti-Americanism, image of the enemy, gender discourse, masculinity.

***Shtylyova L. V.* Determinants, stages and tendencies of «gender question» transformation in native education and pedagogics (XVIII — the beginning of the XXI c.)**

The article presents the results of the research of development of pedagogical views on school students' sexual distinctions in Russian education of XVIII — the beginning of the XXI century. Four stages and tendencies of pedagogical views' changes concerning a gender in pedagogics are analyzed, development prospects are defined.

Key words: sexual distinctions of school students and education, pedagogical culture, social and pedagogical ideal of education, sociocultural determinants, stages and tendencies of transformations.

***Mukhina Z. Z.* The widow in Russian peasant community: traditions and innovations (second half of the XIX — the beginning of the XX c.)**

This paper deals with the place and the role of the widow as a part of the history of peasant women' everyday life in Central Russia in the pre-reform and post-reform era. Particular attention is paid to historical and ethnographic data collected by the informants of the Ethnographic Bureau of Prince. V. N. Tenishev, changes in the position of widowed women as a result of modernization processes are revealed, the description and analysis of rites and rituals details, their interpretation in terms of the gender-based approach to family history are presented.

Key words: women history, gender, Russian peasant women, widow.

***Guseva Yu. N.* The struggle for a woman: Tatar-Muslim religious practices in the Islamic communities of the Middle Volga in the first third of the XX c.**

The article deals with the modernization processes that took place in the Muslim communities of the Middle Volga in the first third of the 20th century. Based on previously unpublished archival material, the transformation of social and gender status of Muslim women is analyzed. In the conclusion the extent nature, the direction of modernization driving forces and Islamic religious practices in the region during the study period are analyzed.

Key words: Islam, Muslim, and modernization of Islam, the Middle Volga.

***Klekovkina N. V.* Family function in official holidays of Brezhnev's epoch**

This article seeks to reflect the evolution of Soviet holiday tradition. The appeal to its late stage (notionally called the «Brezhnev era») presents the direction of appeared innovation. Primarily it was a family focus.

Key words: the invented traditions, official holidays, new ceremonial, celebratory cycle, family's festival.

АВТОРЫ НОМЕРА

- КОЛЕСНИКОВА**
Александра Леонидовна аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет.
alexkolesnikova@yandex.ru
- ГУСЕВА**
Юлия Николаевна кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии, Самарский филиал Московского городского педагогического университета.
j.guseva@mail.ru
- КЛЕКОВКИНА**
Надежда Вадимовна аспирантка кафедры отечественной истории, Институт истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
klekovkinanadez@gmail.com
- МЕЛЕШКО**
Татьяна Альбертовна кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникативных технологий и связей с общественностью, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург).
tmeleshko@gmail.com
- МУХИНА**
Зинара Зиевна кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС».
mukhiny@mail.ru
- НОВОХАЦКАЯ**
Ольга Викторовна научный сотрудник, кандидат социологических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
olganovo@ieie.nsc.ru
- РЯБОВ**
Олег Вячеславович доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет.
riabov1@inbox.ru
- СУДЬИН**
Сергей Александрович кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
sudjin@mail.ru

Авторы номера

СУРКОВА

Ирина Юрьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина.
irina.surkova@socpolicy.ru

ШИШЕЛЯКИНА

Алена Леонидовна

соискательница Института этнографии и антропологии РАН, младший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень).
shishelyakina@mail.ru

ШТЫЛЕВА

Любовь Васильевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Мурманский государственный гуманитарный университет.
many-ny@rambler.ru

ЩЕКОТУРОВ

Александр Вячеславович

аспирант кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
alexsanya@mail.ru

ЮКИНА

Ирина Игоревна

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой гендерных исследований, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург).
irinayukina@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Суркова И. Ю. Стратегии интеграции женщин в Вооруженные силы: гендерное табу против военной тактики	3
Новохацкая О. В. Женщины села: труд и отдых	15
Судьин С. А. Гендерный аспект социологии медицины и здоровья	24
Щекотуров А. В. Конструирование виртуальной гендерной идентичности подростков на страницах социальной сети «ВКонтакте»	31

ГЕНДЕРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Рябов О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963)	44
Штылева Л. В. Детерминанты, этапы и тенденции трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке (XVIII — начало XXI в.)	57

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.)	62
Гусева Ю. Н. Борьба за женщину: татарка-мусульманка в религиозных практиках средневожских исламских общин в первой трети XX в.	72
Клековкина Н. В. Роль семьи в официальных праздниках брежневской эпохи	78

РЕЦЕНЗИИ

Юкина И. И., Мелешко Т. А. Рец. на кн.: <i>Эконен К.</i> Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011	83
--	----

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Шишелякина А. Л. О V Международной научной конференции РАИЖИ «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен», приуроченной к Году российской истории, Тверь, 4—7 октября 2012 г.	86
Колесникова А. Л. Почему нужно гендерное просвещение и образование: назад в будущее. О Международной летней школе «Личное есть политическое: феминистские подходы к истории», 10—20 июля 2012 г., Очаков, Украина	89
<i>Аннотации</i>	93
<i>Авторы номера</i>	98

CONTENTS

GENDER RELATIONS IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Surkova I. Y.** Strategy of women integration into Armed forces: the gender taboo against military tactics 3
- Novochatskaya O. V.** Rural women: work and leisure 15
- Sud'in S. A.** Gender aspects in the sociology of medicine and health 24
- Shchekoturov A. V.** Construction of adolescents' virtual gender identity in the social network web-site «VKontakte» 31

GENDER METHODOLOGY

- Riabov O. V.** «Mr. John Lancaster Peck»: American masculinity in Soviet Cold War cinema (1946—1963) 44
- Shtylyova L. V.** Determinants, stages and tendencies of «gender question» transformation in native education and pedagogics (XVIII — the beginning of the XXI c.) 57

WOMEN'S HISTORY

- Mukhina Z. Z.** The widow in Russian peasant community: traditions and innovations (second half of the XIX — the beginning of the XX c.) 62
- Guseva Yu. N.** The struggle for a woman: Tatar-Muslim religious practices in the Islamic communities of the Middle Volga in the first third of the XX c. 72
- Klekovkina N. V.** Family function in official holidays of Brezhnev's epoch 78

REVIEWS

- Yukina I. I., Meleshko T. A.** Review to the book «Creator, subject, woman: strategies of women work in Russian symbolism» 83

INFORMATION ABOUT ACADEMIC EVENTS

- Shishelyakina A. L.** About the Fifth International conference of Russian association for research in women's history «Women and men in the context of historical changes» devoted to the Year of Russian history, Tver', October 4—7, 2012 86
- Kolesnikova A. L.** Why do we need gender enlightenment and education: back to the future. About the international summer school «Personal one is political one: feminist approaches to history», July 10—20, 2012, Ochakov, Ukraine 89
- Summaries* 96
- Authors of the issue* 98

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (65) — 2012

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. В. Боронина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 17.12.2012 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47